

УРАЛЬСКИЙ

ледопыт

3
МАРТ
1959

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ (1885—1919).

Портрет работы В. Зинова.

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

3 (12) · МАР · 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

ХРАНИТЬ ВЕЧНО
А. Показаньев

БУДНИ БОЛЬШОЙ СТРОЙКИ
А. Глазков

БЕЛАЯ ПОЛЯНКА
Мих. Зуев-Ордынец

НАША ОСКАРОВНА
Раиса Валек

ПО СЛЕДАМ ТОВАРИЩА АНДРЕЯ

БРАТ ГУЛИ-БЪЯБОНА
Записки В. Трофимова

ЗАГАДКА ВЕЛИКОГО ПОЛОЗА
Г. Демидов

ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ
М. Ситников

ЗА ПАРОХОДОМ
Б. Рябинин

ПАША — ВЕРБЛЮД-ПЕРЕПЕЛЯТНИК
Сергей Прага

Еще в ночи ударить может стужа,
Еще молчат уральские сады,
Но днем видны
        проталины и лужи —
Глубокие весенние следы!

И дали неоглядные раскрыты,—
Голубизна без края и конца!
И на ветвях
        мальчишки-следопыты
Ждут не дождутся первого скворца.

— Быстрей летите, птичьи караваны!—
Кричать с земли готовы мы сейчас.—
Вихрастые строители
        сверх плана
Скворешники построили для вас!

Оттаявшее солнце начинает
Отогревать пригорки и поля.
Совсем тепло!

        И кажется:
                снимает
Тулуп свой снежный русская земля!

Свердловское Книжное Издательство
1959

Павел Зыкин

А. ПОКАЗАНЬЕВ

Хранишь ВЕЧНО

Комсомольцам Среднеуральского медеплавильного завода

Рисунки Ю. Ефимова

Документальная повесть

1

Все началось с того, что в городской газете появилась заметка:

„От комсомольского поста имени Павла Зыкова

Дорогие товарищи старожилы города Ревды! К вам обращаемся мы, комсомольцы, члены поста имени Павла Зыкова. Нам стало известно, что Павел двадцать три года назад погиб на строительстве СУМЗа. Его убили враги, которых он разоблачал, работая нормировщиком.

Никаких обстоятельств жизни и смерти комсомольца Павла Зыкова, именем которого названа улица в нашем городе, мы не знаем. А мы должны это знать, потому что нынешним комсомольцам не знать этого нельзя.

Уважаемые товарищи старожилы, откликнитесь! Может быть, среди вас есть такие, кто жил и работал вместе с Павлом. Напишите нам о том, каким он был и почему имя его увековечено.

Под заметкой подписались десятиклассники 29-й школы: Рита Сергеева, Клара Третьякова, Саша Нуждин и Юра Баранов.

Конечно, читатели откликнулись на заметку. Откликнулись, но как!

Заместитель председателя горисполкома Даниил Михайлович Лысов пришел в редакцию и стал отечески журить сотрудников:

— Чего же это вы напечатали!?. Комсомолец!.. Рабкор!.. Зыков-то — красный партизан! Он воевал за освобождение Ревды от колчаковцев. Я в Ревде с тридцатого года живу, знаю.

Кроме Лысова, нашлись еще «знающие» люди. Они категорически заявили, что никакого нормировщика Павла Зыкова и в помине не было. А вот в армии Блюхера был Павел Зыков. Он полком командовал.

Надо сказать откровенно, редакционные работники чувствовали себя виноватыми: дали заметку, не посоветовавшись со знающими людьми.

Заглянули в редакцию и авторы.

— Ну, как дела? — спросил Юра Баранов, сгорая от любопытства. — Отклики есть?

Все сконфуженно молчали, но вот кто-то, подавив тяжелый вздох, спросил:

— Ребята, вы от кого про Павла Зыкова узнали?

— Да один старожил рассказывал, Рите и Кларе рассказывал, — с готовностью ответил Юра. — Хотели узнать под-

робности, но опоздали: уехал этот человек из Ревды.

— Может быть, он подшутил над вами? В редакции есть письма о том, что Павел Зыков — герой гражданской войны, а не комсомолец.

Ребята расстроились. А тут еще Сашу Нуждина остановил на улице знакомый рабочий и с усмешкой сказал:

— Эх вы, следопыты! Знаешь, кто Зыков-то был?.. Историю изучать надо!.. Про бунт углежогов в Ревде слышал?.. Читал?.. Нет? То-то и заметно. А был такой бунт в 1841 году. Расстреляли углежогов. И вожака ихнего Павла Зыкова тоже в братской могиле схоронили. Понял? Всею хорошо же, следопыт!

О своей встрече и разговоре Саша рассказал члену комсомольского поста и от себя добавил, что вышла неувязка с Зыковым: не было такого в Ревде. Но Рита Сергеева рассудила иначе:

— Нам, ребята, отступать нельзя. Дело надо довести до конца. Ведь так никто и не дал нам точного ответа на вопрос. Все говорят по-разному.

Комсомольцы возобновили поиски. Они провели несколько дней в городском архиве: ведь горсовет дает названия улицам. Должно же быть в документах о Павле Зыкове. Но такого документа не сохранилось. Тогда запросили областной архив — безрезультатно. Рита с Кларой написали письмо бывшему редактору многотиражной газеты «За медь Советам!» Трубицыну. Газета выходила двадцать пять лет тому назад на строительстве Средуралмедзавода, и Трубицын должен был знать Павла. Должен был знать его и второй адресат — начальник управления строительства Свердловского совнархоза Шильдкрот, который четверть века назад был одним из руководителей строительства СУМЗа. Но ответы были стереотипными и сухими: «К сожалению... Не располагаем... Пришлите дополнительные сведения...»

А какие тут дополнительные, когда и первоначальные-то данные были самыми достоверными!

Надо было искать, надо было доказать свою правоту. Саша Нуждин и Юра Баранов отступились, а девушки продолжали поиски. Пожалуй, дело бы у них и не сдвинулось с мертвой точки, но помог Саша Нуждин.

Рита и Клара повстречали его на улице. Парня было прямо не узнать: гордый,

важный. Увидев одноклассниц, он немного смутился и небрежно сообщил:

— На работу устраиваюсь. Наверное, фурмовщиком возьмут.

— Куда же ты устраиваешься? А школа?..

— На СУМЗ работать иду. В медеплавильный цех. А десятый класс в вечерней школе закончу.

— Ничего не выйдет, Сашка! — сказала Рита. — Тебе же только семнадцать. А на работу берут восемнадцати лет.

— Выйдет Я уже с начальником отдела кадров беседовал. Хороший человек — Петр Ильич Усанин. Между прочим, он меня похвалил. И вас тоже.

— За что нас хвалить? — удивились подружки. — Мы-то его не знаем.

— За то хвалил, что мы Павла Зыкова вспомнили. Петр Ильич в те годы работал на стройке и слышал обо всей этой истории. Только настоящая-то фамилия Павла не Зыков, а Зыкин. Петр Ильич это помнит. Говорит, что переврал кто-то.

Глаза у Риты загорелись.

— А больше он ничего не рассказал?

— Нет... Правда, еще упомянул, что о Павле Зыкине в «Уральском рабочем» тогда писали. На всю область тревога была.

— Едем! Завтра же все едем в Свердловск! — решительно заявила Рита. — Перелистаем подшивки и найдем! Вы понимаете?!

2

В комендатуре Областного Управления Комитета Государственной Безопасности Рите Сергеевой выдали пропуск и объяснили, через какой подъезд нужно идти, чтобы попасть к начальнику отдела.

Спрятав пропуск в сумочку, девушка вышла на улицу. Вспомнив о ребятах, она тепло улыбнулась. «Как все-таки хорошо получилось! Замечательно получилось!»

Неделю тому назад они все четверо приехали в Областную библиотеку имени Белинского, разложили на столах шестнадцать громадных подшивок газет и... И у всех упало сердце. Разве можно найти в таких ворохах бумаги одну заметку? Ребята уныло переглянулись, поскребли наморщенные лбы и с постными лицами углубились в изучение газетных столбцов. Прошел час, другой. В читальном зале стояла тишина. И вдруг...

Работники библиотеки имени Белин-

ского, наверное, до сих пор помнят беспрецедентный случай. Дремотную тишину читального зала неожиданно нарушил ликующий мальчишеский вопль.

— Нашел! Ура-а! Смотрите, ребята! Так и называется — «Враги мстят».

Юру Баранова, так непосредственно выразившего свои чувства, немедленно выдворили из зала. Но паренек с таким восторгом поделился с заведующей радостью и так сиял, что на него невозможно было сердиться.

Заметка, найденная Юрой Барановым, открыла ребятам главное — фамилии убийц Павла Зыкина. Комсомольцы запросили областную прокуратуру. Оттуда письмо их переслали в УКГБ. И вот в адрес поста пришел вызов. В нем говорилось, что кто-нибудь один может приехать в Свердловск и ознакомиться с делом об убийстве рабкора Павла Зыкина.

...Рита прошла в Управление, нашла нужный кабинет, постучала. Дверь открыл пожилой мужчина с висками, посеребренными сединой, и очень внимательными глазами.

— Так-так! — весело сказал он. — Проходите, девушка. Значит, явился один из следопытов?

Он усадил Риту к столику возле окна.

— Можно узнать, для чего вам понадобилось это дело?

— Конечно, — ответила Рита. — Мы расскажем о Павле Зыкине всем комсомольцам Ревды. Он ведь тоже был ком-

сомольцем. Мы это из газеты узнали. И он погиб, как герой.

— Понимаю, — улыбнулся начальник отдела, достал из стола большую папку и сказал: — Могу вам сообщить, что хранятся эти документы в одном сейфе с делом об убийстве пионера Павлика Морозова. Значит... то есть они представляют собою очень большую ценность. Каждая, даже незначительная, на первый взгляд, бумажка! И еще я скажу вам, что дело это никем в течение двадцати трех лет не поднималось. Вот, возьмите его, пожалуйста, и читайте.

Рита осторожно положила папку на стол. Толстый картонный переплет. Крупным шрифтом — «Дело № 13 571».

В правом верхнем углу строгие четкие буквы — «Хранить вечно».

Прерывисто вздохнув и чуть прикусив губу, девушка осторожно открыла первую страницу...

3

...В тысяча девятьсот тридцать третьем году Александру Андреевичу Савичеву, теперешнему парторгу мартеновского цеха на Ревдинском заводе, было всего лишь двадцать два года. Он, как и сотни других комсомольцев, приехал по призыву партии на таежную окраину старинного рабочего поселка Ревды. Здесь предстояло построить гигантский медеплавильный комбинат.

И вот застонала, отступая, тайга. На вырубках среди пней выростали дома строителей. Тракторы и экскаваторы вздымали горы земли. За строительством Среднеуральского медеплавильного завода неустанно следил Георгий Константинович Орджоникидзе.

Саша Савичев работал секретарем в многотиражной газете «За медь Советам!» Его взяли сюда прямо из землекопов, потому что редактору неожиданно понравился этот долговязый боевой парнишка, присылавший в газету зубастые частушки. Строители видели его повсюду и за глаза звали «Саша Савичев, корреспондент».

Однажды ранним июльским утром Саша явился в контору строительного участка.

— Доброго здоровья!— сказал он секретарше.— Георгий Иванович у себя?

— Товарищ Дерикочма занят.

Саша прислушался. За тонкой перегородкой шел крупный разговор:

— Настоятельно рекомендую вам лучше вникать в свои собственные дела и не воображать себя начальником стройки,— звучал нравоучительный баритон Георгия Ивановича.

— Я и не воображаю. А Булов — жулик! Где хотите, об этом скажу. Зря вы подписали ему документы. Он обманул всю стройку. Он государство обворовал!

— Послушайте, не забывайте! — повысил голос начальник участка. — Я знаю, что подписал. Я воровских документов не подписываю. Идите и помните, что вы только нормировщик, да еще младший к тому же. У вас много путаницы в нарядах. Так что, я вас больше не задерживаю.

Дощатая дверь распахнулась, и в приемную стремительно вышел невысокий парень. Он был немного бледен, глаза гневно смотрели исподлобья, губы крепко сжаты.

— Н-ну, петлюровец,— пробормотал он, тшетно пытаясь натянуть кепку так, чтобы из-под нее не торчали непослушные вихры.— Мы еще посмотрим! Хотя и младший я нормировщик...— Тут взгляд его упал на Сашу Савичева. Рука оставила кепку в покое, брови распрямились, и на губах мелькнула улыбка. Ничего не объясняя, парень схватил Савичева за руку и потащил за собою.

— Молодец, что пришел,— говорил он

на ходу.— Я тебя знаю. Ты Саша Савичев, корреспондент. Как раз тебя-то и надо.

В скверике возле конторы они сели на скамейку.

— Ну, давай лапу, что ли. Вчера меня Павлом Зыкиным звали.

— А сегодня? — засмеялся Савичев.

— Всяко уж перекрестили. Так слушай, дело-то какое. Десятник Булов приехал из Москвы. Его сам Дерикочма оттуда вызвал. Получил на себя подъемные, полторы тысячи рублей. Видать, мало показалось. Хорошо ведь незаработанное-то получать. Подделал справки, билеты проездные где-то раздобыл. Требуется теперь подъемные на семью. А никакой семьи у него нет. Знакомую какую-то подцепил здесь и говорит, жена приехала. С детьми, будто. И Дерикочма принял у него отчет, распорядился, чтобы выдали тысячу шестьсот сорок два рубля. Видал, вытворяют, а? Помогай, корреспондент! Что делать сейчас?

— Что делать? — Савичев достал из кармана карандаш, сунул в руки Павлу свой громадный блокнот.— Пиши заметку. Заголовок такой — «Жульнические махинации десятника Булова». Подходит?

4

То было время, когда существовали пивнушки. Одна такая пивнушка стояла на самом краю Ревды.

Сюда частенько заглядывали коновозчики двоюродные братья Карнауховы. На этот раз их привела в «святое место» неожиданная удача, свалившаяся на голову Якова Петровича. Неделю назад десятник Гусаров назначил старшего Карнаухова кладовщиком на известковую эстакаду.

Братья сидели за столом в углу и заканчивали вторую четвертинку. Оба настроены были благодушно и посматривали друг на друга с удовольствием.

— Выпьем, Яков Петрович?

— Уважь, Яков Васильевич!

Они опрокинули по стопке. Говорить не о чем: все уже обговорено.

Три года назад оба Карнаухова были раскулачены и высланы за пределы Рязанской области. Яков Петрович совсем было захудал. Слабосильный, запуганный, он работал землекопом на стройке СУМЗа, когда вернулся из тюрьмы и приехал к нему Яков Васильевич. При-

ехал с большими деньгами. Оказывается, перед арестом он сумел продать полтора десятка лошадей из имевшихся у него тридцати и деньги закопал.

Купили братья четыре лошади, и Яков Петрович бросил опостылевшую лопатку. А теперь еще такая удача...

— Слыхал, Яков,— моргая старческими глазами, говорил Яков Петрович.— Пашка-то Зыкин допек-таки Булова-то. В газетку, слышь, написал. Ну, того и скovyрнули.

Здоровенный и краснолицый Яков Васильевич неохотно ответил:

— Как же, слыхали. Я бы этому Зыкину ноги повыдергал. Страдатель!

Яков Петрович опасливо оглянулся, погрозил брату пальцем:

— Наше дело — сторона. Ты, это самое, по-малкивай. Нам с тобой ихних денег не надо. Нам с тобой известка больше по душе. А ее, брат, мно-о-го!

Он подергал себя за бороденку и чуть слышно хихикнул. Яков Васильевич поскреб ногтями кирпичную щеку и ухмыльнулся в ответ.

5

Ох, нелегкое дело — сочинять стихи! Зыкин особенно хорошо это понял, промаявшись часа два над листом бумаги. Строчки выходили какие-то дряблые. А хотелось, чтобы они попадали не в бровь, а в глаз, чтобы они были колючими и безжалостными.

Павел выбросил в корзинку еще один испорченный листок и огорченно закурил. Ну, что он за редактор стенгазеты, если не может написать про отчаянного лодыря и мошенника десятника Гусарова сатирические стихи! Неужели товарищи ошиблись, поручив ему, Павлу, это дело? Он нахмурился. Ну, уж, нет!

И снова взялся за карандаш.

Утром рано солнце всходит,
Меж домов Гусаров ходит.

А ведь ничего? Почти Пушкин. И вполне подходяще для карикатуры. Десятник там нарисован бесцельно бредущим возле недостроенных домов.

Обрадованный удачей, он стал писать дальше:

Свою жизнь совсем не хает он,
Кодексы законов знает он...

Ну, кодексы, может быть, тут и ни к чему, только народ-то сразу поймет, о чем

разговор. Гусаров — известный краснобай. Из его слов дома бы класть — давно всем жилье построили бы. Ох, Гусаров! Не занимал бы холеный барин Дерикочма должность начальника участка — не сыпалась бы на тебя манна небесная. Дальше надо обязательно Дерикочму поддеть.

Об одном мечтает он всю жизнь —
Век с Дерикочмой бы прослужить.

Фраза огорчила Павла. Все шли стихи, а тут настоящая проза.

Опечалился редактор, закурил.

Очень плохо человеку, трудно ему, когда за плечами только семилетка.

Вспомнилась Павлу деревня Кузики, Вожгальской волости, Вятской губернии. Худенькая была деревня. В школу приходилось добираться в Вожгали — за шесть верст. В лаптях бегал всю зиму. Где было матери, солдатской вдове, разжиться на сапоги сыну...

Тут негромко хлопнула дверь. В комнату вошел парторг стройучастка Михаил Максимович Максимов, невысокий, лобастый. И добрый — сразу видно по лицу (обязанности секретаря партийного бюро Максимов выполнял, будучи одновременно бригадиром монтажников).

— Пыхтишь, редактор? Едак-едак! Так всегда Леня Кормилицын говорит. Не знаешь его? Хороший монтажник. Раз ты редактор, должен всех хороших работников знать.

Михаил Максимович добродушно рассмеялся и сел против Зыкина.

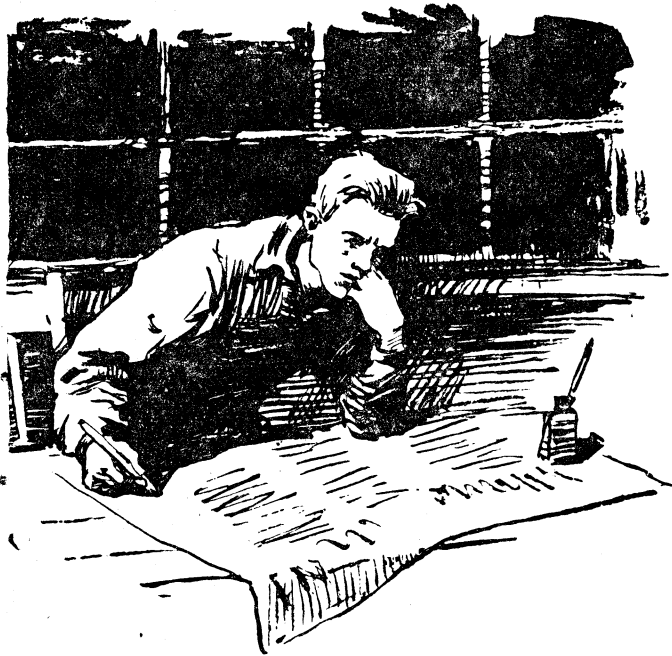
— Все уж заметки отредактировал. Свою вот... Стихов мало читаю. Мне бы Маяковского, Демьяна Бедного раздобыть. Нету в библиотеке. А насчет людей, Михаил Максимович, тут я думаю по-другому.

— Это как же ты можешь думать по-другому?

— Я мошенников должен знать, чтобы долбить их каждый день! А хороших... У нас их много. Всех не узнаешь. Да и нужды особой нет. Все должны быть хорошими!

— Ну, а если попадется не плохой, но и не хороший человек. Как же нам быть с таким? Долбить, значит? И каждый день? Едак-едак! — Михаил Максимович отложил стенгазету. — Это у тебя беспартийная точка зрения, Павел Зыкин. Ты, брат, не перегибай. Правильно смотри на свои задачи. С какой целью долбить-то хочешь каждый день? Чтобы недостатков

Но как ни мерил я, как ни кроил,
А восемь пар стропил окоротил...

Ах, дьявол его забори! Ну, разве это
стихи? Редактор огорченно крикнул и до-
писал, махнув рукой на все правила:

И если часто у вас, тов. Гусаров,
Примеры такие будут получаться,
Не пришлось бы вам с участием
распрощаться!

6

После одного критического выступле-
ния стенной газеты «За ударную строй-
ку!» была создана специальная комиссия.
Проверив факты, комиссия установила
полную их неопровержимость.

Начальник участка Георгий Иванович
Дерикочма был вынужден созвать произ-
водственное совещание.

Строители собирались в красный уго-
лок неохотно. Такие совещания их давно
уже перестали интересовать. Опять Дери-
кочма произнесет очень гладкую и нуд-
ную речь о необходимости соблюдать до-
бропорядочность в работе. Скажет, что
строительство обогатительной фабрики —
участок ответственный, и надо добывать-
ся, чтобы он выглядел благополучно.

Пришел на совещание Павел Зыкин.
Он был невесел, даже сердит. Дело в том,
что, как на грех, парторг Максимов уехал
в Свердловск, а на его присутствие Павел
возлагал большие надежды.

Нахохлившись, Павел сел в первом
ряду и стал внимательно разглядывать
интеллигентное холеное лицо начальника
участка, восседавшего за столом прези-
диума. У Георгия Ивановича тонкий ор-
линый нос, украшенный очками в сереб-
ряной оправе, холодные, насмешливые
глаза: чужое лицо чужого человека.

— Уважаемые товарищи строители,—
говорил Георгий Иванович приятным мяг-
ким баритоном.— Я горячо надеюсь на
вашу социалистическую сознательность.
Я не могу не осудить явную недобропоря-
дочность десятника товарища Милова.
Надо внимательнее следить за принимае-
мой работой, товарищ Милов, иначе, пре-
дупреждаю вас, вы будете выглядеть в
очень невыгодном свете.

Десятник Милов, выплативший брига-
де землекопов за рытье фундамента для
столовой шестьсот восемьдесят рублей,
вместо двухсот пятидесяти, сидел в зад-
них рядах и иронически улыбался. Пус-

у человека меньше оставалось. Так? Ну,
а если у него их меньше становится, зна-
чит, он хорошим начинает быть? Вот и
надо показывать это положительное. И то-
же каждый день. На хорошем люди тоже
учатся. Понятно? Это тебе мое партийное
указание. Чтобы обязательно в номере
была заметка про хорошего человека.
Сила, она всегда у настоящих, крепких
людей!

— Я партийное указание восприни-
маю,— упрямо сказал Павел,— но тех,
кто обворовывает стройку... мы, то есть
редколлегия...

— Да критикуй! — сердито восклик-
нул Максимов.— Критикуй и выводи на
чистую воду всех жуликов. Но помни
всегда, злость умной должна быть!

Михаил Максимович посидел, почитал
заметки и ушел. Павел поворошил чуб,
повздыхал, вспоминая сказанное партор-
гом, и принялся дописывать стихи.

Хотя я мало понимаю,
Но денег много получаю,—

сердито писал он, видя перед собой сон-
ную физиономию Гусарова. Никогда он
не задумывался, есть ли у этого лодыря
какие-нибудь достоинства!

В Москве служил я бригадиром
И имею звание,
А теперь я пом. прогаба,
На служебном задании.

7

кай поет свою интеллигентскую песню эта старая дева в очках. Уж он-то, Милов, знает: земля все скроет. Пойди теперь, проверь — фундамент заложен, первый этаж на нем возводится.

С той же почтительностью отчитал Дерикочма бригаду бетонщиков Егора Белых, славших фиктивные наряды. Потом поговорил о необходимости экономить государственную собственность, потому что она «не просто государственная, а еще и социалистическая».

Павел Зыкин поглядывал на задние ряды, надеясь увидеть там Михаила Максимовича: может, не уехал, может, придет еще. Надо же сказать людям человеческие слова! Ведь растаскивают стройку, обворовывают рабочий класс!

— Итак, основываясь на всем вышеизложенном, — стал закругляться Дерикочма, — я перед лицом коллектива объявляю товарищу Милову и товарищу бетонщику Белых строгое общественное порицание. Так, товарищи, нельзя! За такие вещи впредь будем наказывать строго!

Начальник участка сел и стал деловито протирать очки.

Председательствовал монтажник Иван Курочкин.

— Ну, давайте ребята, — покраснев, сказал он, — говорите, кто чего хочет.

— А чего толковать? — раздался чей-то голос. — Георгий Иванович лучше нас сказал. Все ясно!

И Павел Зыкин не выдержал. Нет! Так собрание кончиться не должно!

Он гневно вскочил и с размаху бросил кепку на пол.

Но тут словно шепнул ему кто-то на ухо, строго и предостерегающе: «Помни, Павел, твоя злость должна быть умной».

И схлынула краска с лица. Оно побледнело, широко открылись и ярко загорелись ясные глаза.

— Товарищи! — сказал он отчетливо и гневно. — Разрешите высказать свое мнение. Я не могу выносить, когда начальник участка у всех на глазах покрывает жуликов и расхитителей!

— Давай, говори, Павлик, — зашумели строители, — Катай, чего там!

С горячей убежденностью, с глубоким волнением за родную стройку говорил нормировщик Павел Зыкин. И фразы у него были не круглые, и слова угловатые. А волнение передалось в зал. Строители услышали человеческие слова.

— Медь нужна Родине, — говорил Павел. — Каждый день дорог, как в бою. Медь нужна. Мы за золото, за хлеб у капиталистов ее покупаем. Они рады содрать с нас три шкуры. Они бы еще больше были рады: провалились наш комбинат сквозь землю. И тот, кто обворовывает стройку, тот прямой пособник врага. Что вы тут говорили о добропорядочности, Георгий Иванович? Какая может быть добропорядочность у жулика?!

Комиссия, проверявшая заметку, подсчитала, что на всяких незаконных приписках, на перерасходах по зарплате, по строительным материалам стройка только за месяц потеряла десять тысяч рублей. И мы, значит, тем, кто украл эти деньги, объявляем порицание! Смотрите, мол, дорогие товарищи, вы будете выглядеть в невыгодном свете... Я считаю ваше выступление, товарищ начальник участка, вредным. Предлагаю раз и навсегда пресечь всяческие приписки. С десятника Милова надо удержать всю сумму перерасхода на котловане и объявить строгий выговор с предупреждением. Еще раз обманет — с треском выгнать, в тюрьму посадить, как пособника капиталистов. И с Егором Белых тоже нечего балясы точить. Удержать весь перерасход с его бригады!

Павел Зыкин заметно успокаивался. Он даже пригладил ладонью растрепавшиеся волосы и улыбнулся, когда заговорил о каменщике Илларионе Глазырине.

— Вот с кого нам надо пример брать, — говорил он. — Разбил у него под-

ручный пару кирпичей, так он чуть со свету его не сжил. Иллариону Панкратевичу государственный рубль дороже двух своих. У нас мало таких, надо чтобы такими были все!

Дружными аплодисментами наградили строители нормировщика Зыкина. Предложения его были приняты большинством голосов.

Дерикочма сидел за столом президиума и морщился.

Рядом с ним восседал толстомысый и лысый начальник планового отдела Батюк и тоже кривился.

У двери, когда расходились, Павла остановил бетонщик Степан Марченко.

— Значит, обляял нашу бригаду, конторская душа! — злобно сказал он. — Значит, с нас по девяносто рублей?

— Значит! — жестко ответил Павел. — И... топай. Мне говорить с тобой не о чем.

— Смотри, Зыкин, бетонщиков не задевай. У них кулак твердый.

— Какой ты бетонщик? Пропойца ты!

Возле них задержался, прислушиваясь, Яков Васильевич Карнаухов.

— Как бы мои девяносто рублей боком тебе не вышли!

— Степан! — вмешался Карнаухов. — Не грози нормировщику. А то гляди, выйдут тебе самому боком такие слова. — Он подхватил ерепенившегося бетонщика под руку и, дружелюбно подмигнув Павлу, вышел на крыльцо. И вдруг Павел услышал за спиной знакомый отеческий голос:

— Теперь точка зрения у тебя стала вполне партийная. И злость вполне умная.

— Михаил Максимович! Вы не уехали? Ох, как я хотел, чтобы вы на этом совещании выступили. Ведь куда повернули было...

— Не уехал. В горькоме задержался. И на собрание запоздал. А выступать мне было незачем, не обязательно. Ты все хорошо сказал. — Парторг помолчал, обнял Павла за плечи. — Правильно собираешь и соответственно действуешь, Павлуша. Молодец!

7

Комитет комсомола стройки помещался в маленькой прокуренной комнатке. По вечерам в ней всегдалюдно и шумно.

Секретаря комитета Семена Малоквасова всегда обуревали идеи. Когда вошел Павел, дебатировался вопрос о том, нужна ли молодежи парашютная вышка. Автором идеи, конечно, был Семен Малоквасов.

— Что это за комсомолец, если он не сумеет прыгнуть с вышки! — горячо утверждал он. — А война? Думаете, войны не будет? А фашисты? Нам необходима парашютная вышка!

Селиверст Григорьев охлаждал секретаря ехидными замечаниями:

— Сеня, пожалей маму. Она надеется, что ты проживешь семьдесят лет, а может, и больше. А ты — «парашютная вышка»... Не губи молодую жизнь раньше времени.

Малоквасов сердито отмахивался.

— И, кроме всего, ребята, — говорил он, — мы скоро начнем класть трубы. Они будут самыми высокими в мире! Кто поднимается на высоту в сто пятьдесят метров? Мы! Комсомольцы! А парашютная вышка...

И он непостижимым образом доказывал, что если не будет парашютной вышки, то и трубы выложить будет очень трудно. И ведь, горячая душа, всех убедил!

Комитетчики решили в самое ближайшее время вопрос о строительстве парашютной вышки вынести на обсуждение комсомольского собрания.

— Ну, а ты с чем, Павлик? — спросил Семен у Зыкина. — Как стенгазета?

— У него стенгазета лучше всех! — сказала техник-планировщик Лиза Усанова. — Стихи там и карикатуры. Десятники на Павла глядеть боятся.

— Речь не о газете, — заметил Павел, — я по другому делу к тебе: Саша Савичев, корреспондент, заболел. Лазил где-то по лесам, продуло. Лежит в больнице. Говорят, воспаление легких. Жалко парня.

— Жалко, — согласился Малоквасов и вопросительно посмотрел на Лизу. — Вполне наш парень.

— Я думаю, навестить его надо, — пояснил Павел. — У него родных-то нет.

— Верно, Зыкин! — одобрил секретарь. — Правильно придумал. Идемте прямо сейчас. Нас пустят? Конечно, пустят!

Саша Савичев лежал в больнице вторую неделю и тосковал. Деятельный по натуре, он, едва спал жар, вознецавидел

Таз

УРОЖАЙ

Секрет керосиновой лампы

Однажды осенью шел железнодорожный состав, груженный лимонами, апельсинами и грушами. Плоды были незрелые. Такими их всегда снимают с деревьев, чтобы они не испортились при перевозке на дальнее расстояние. Ударили ранние заморозки, и проводники, опасаясь промерзания груза, всю ночь обогревали вагоны керосиновыми лампами. Несколько дней спустя обнаружилась неожиданная картина: плоды созрели в несколько раз быстрее обычного, они приобрели привлекательный вид, превосходный вкус и аромат.

Вначале это явление объяснили повышенной температурой воздуха, но позднее нашли истинную причину. Оказалось, что при горении керосина в

белоснежный потолок над кроватью, стал хандрить.

И вот, когда Саша тосковал, дверь в палату тихо приоткрылась, и в просвете показалась хитроватая физиономия Селиверста Григорьева.

— Эй, корреспондент, ты не спишь?

— Вот здорово! — обрадовался Саша. — Заходи, Григорьев. Ты как здесь оказался? К кому пришел?

— К тебе, брат. Почти всем комитетом пожаловали. Зыкин с Семеном ушли начальство уговаривать, чтобы в палату пустили. Ну, а я Усанову на карауле оставил, а сам — сюда. Может, еще и не разрешит начальство-то...

Румянцем зарделись бледные щеки Саши.

В это время дверь распахнулась, и в палату несмело вошли Семен, Лиза, Павел.

— Здорово, Савичев! — оживленно поздоровался Малоквасов. — Мы, понимаешь, совсем выпустили из вида... Вот Павлик пришел, напомнил про тебя. Его благодари. Ну, чем тут кормят? Хватает? Хорошо. Скоро на ноги поставят. А мы, брат...

И Семен Малоквасов стал вдохновенно рассказывать о том, какое это замечательное дело, когда молодежь занимается парашютным спортом. И у него так выходило, что если человек занимается этим видом спорта, то ни в коем случае никогда не попадет в больницу.

Гости пробыли у Савичева с полчаса, сообщили все новости, дали больному десятки заданий. И получалось так, что Савичев должен выздороветь как можно скорее, чтобы принять участие в бурной комсомольской жизни.

Павел Зыкин успел рассказать о своих замыслах и даже показал Саше стихотворение. Перед уходом он нащупал в кармане пиджака подарок и, покраснев, сказал застенчиво:

— Это самое, понимаешь... Я тебе тут... Вот возьми, одним словом. — И сунул растерявшемуся Александру коробку папирос «Северная Пальмира».

— Спасибо, Павлик. Я покурую. Это, должчо быть, очень хорошие папиросы. Я люблю такие. — Савичев не хотел огорчить друга и не сказал, что курить он не умеет, что считает курение вредной привычкой.

лампах вместе с дымом выделяется немного газа этилена, а он обладает замечательным свойством — ускорять созревание плодов.

Когда ученые основательно занялись изучением явления, они обнаружили много интересного. Вспомнили, что китайцы еще с древних времен достигали дозревания груш, прокапчивая их дымом ладана в закрытых помещениях (ладан — растительная смола, при его медленном горении выделяется этилен). Установили, что сама природа вырабатывает этилен для этой же цели: малые его дозы можно обнаружить в мякоти каждого плода, созревшего в естественных условиях. Выяснилось также, что такое же действие оказывают и другие углеводородные газы — ацетилен и метан. Нашли и ключ к «механизму» явления: названные газы как бы расчищают путь кислороду, облегчают ему проникновение в протоплазму каждой клетки. Ускоряются окислительные процессы, плод энергичнее дышит, и поэтому в нем быстрее накапливаются витамины, сахар и другие вещества, придающие плоду приятный вкус и питательность.

— Ты, в общем, поправляйся, — деловито наказал Семен Малоквасов, прощаясь. — Ждем тебя, дружище!

8

Прохладны августовские вечера. После ярких закатов быстро сгущаются сумерки. Месяц, выплывая из-за дальнего скалистого гребня горы Волчихи, разливал по улицам молодого города серебряный свет. Для влюбленных это самая прекрасная пора. Молчаливые, медлительные пары то и дело попадались на встречу Павлу и Лизе.

Зыкин шел рядом с девушкой. Лиза молчала. Надо было завести какой-нибудь разговор, не шагать же молча. И Павел решил высказать несколько критических замечаний. Почему в клубе одни только танцы и никакой культурно-массовой работы. О чем же еще можно было говорить с Лизой, если она председатель культурно-бытовой секции комитета комсомола?

Лиза, замедляя шаг, вдруг задумчиво сказала:

— Честное слово, посмотрю я на этих

Теперь во многих городах оборудованы камеры для дозревания (доспевания) фруктов и овощей. Пользуются, главным образом, этиленом, его требуется совсем немного: 1 объем на 1000—5000 объемов воздуха.

В ряде мест применяют природный горючий газ, состоящий, в основном, из метана. Он действует не так энергично, как этилен, зато такой газ намного дешевле.

Воздушное удобрение

Особенно пригодился метан зимой и ранней весной теплично-парниковым хозяйствам. Зайдем в одну такую теплицу.

При входе вас обдаст влажным теплым воздухом, а внимание сразу же приковывается к гигантски разросшимся культурам огурцов и помидоров. Тут же лимонные деревья в зеленых кронах. За стенами злится февральская пурга, а здесь температура достигает 30 градусов тепла. Сотни огоньков видны вдоль стен, на высоте 20 сантиметров от поверхно-

---

влюбленных — и просто завидно делается. Находят же люди не только общественное, но и личное счастье. А вот я никак не влюблюсь. Не пойму, или...

Павел удивленно взглянул на Лизу, и все культурно-воспитательные мысли мигом вылетели у него из головы. Он неожиданно заметил все: и что Лиза стройная, и что она красивая, и что у нее замечательные волнистые волосы.

Закурив, он неумело пошутил:

— Я водку не пью, ругаться не люблю. И тоже у меня его нет, этого личного счастья.

— А что, Павлик? — сказала девушка. — В тебя можно влюбиться. Ты, оказывается, умеешь не только сердитым нормовщиком быть да непорядки искоренять. Мне очень понравилось, как ты о Саше Савичеве позаботился. Значит, ты добрый.

Павел, забыв о папиресе, растерянно и смущенно улыбался. Простые душевные слова упали ему на сердце. И, отогретое, оно потянулось к девушке. Павлу захотелось поделиться с Лизой своими сокровенными мыслями.

— Эх, Лиза, — мягко сказал он, — я

сти грунта; днем они слабо-голубые, почти бесцветные, ночью — синевато-фиолетовые. Это сжигается в горелках природный газ. Сгорая, он дает тепло, влагу и углекислый газ — все то, что необходимо растению.

Давно известно, что, чем выше содержание углекислоты в воздухе, тем энергичнее рост растений. Углекислый газ служит в прямом смысле слова удобрением, получаемым растением из воздуха. Обычное содержание этого удобрения в воздухе — 0,03 процента, а в результате сжигания газа в теплицах оно увеличивается в 10—20 раз. Тут отпадает надобность привозить углекислоту в баллонах и выпускать ее в воздух, как это приходится делать при водяном обогреве теплиц.

При водяной системе отопления требуется сооружать котельную, подвозить твердое топливо, вывозить шлак. Все это очень дорого стоит. В два раза уменьшаются затраты при использовании природного газа. А урожайность за счет углекислотного удобрения вырастает у помидоров и цветной капусты до 60, у огурцов до 30 процентов. Да и плоды

становятся более крупными и имеют повышенное содержание аскорбиновой кислоты (витамина С).

Биогаз

А если село далеко от газовых месторождений, тогда как?

В этих случаях очень выгоден способ получения горючего газа из сельскохозяйственных отходов. Да, из отбросов. Из них тоже получают метан, путем сбраживания. На поверхности земли воспроизводят тот же процесс, какой в природных условиях протекает в толще земли и на дне болот. Для этого бетонированные ямы заполняют любыми органическими отбросами: навозом, соломой, сучьями, ботвой, сухими листьями, очесами льна и конопля, опилками и т. д. Яму плотно закрывают крышкой, имеющей отводную трубку. Через две-три недели из трубки начинает выделяться газ, содержащий 60—70 процентов метана.

Чтобы постоянно иметь газ, устраивают несколько ям: одними пользуются, другие готовят. Существуют крупные ус-

ведь очень хочу быть и добрым и чтобы порядков этих не было. Мечтаю, знаешь, все время мечтаю о том времени, когда никаких жуликов не станет и наступит настоящий социализм. Думаешь, интересно это — разоблачать? Я ведь не сыщик какой-нибудь. Но когда вижу, что воруют люди, что встают они поперек дела, за которое у меня отца убили в гражданскую... Очень хорошо будет, Лиза, когда все люди станут честными. Я тогда одни положительные заметки писать буду в газету. Ну, может быть, еще и лирические стихи.

— А сейчас ты их пишешь, лирические стихи?

— Пробовал, да не получается, знаешь. Там ведь все больше про любовь надо. Я вот думаю о том, как похлеще расписать коновозчика Якова Карнаухова. Он у государства столько украл, что и не сосчитать сразу. Понимаешь, я случайно увидел, как он от эстакады увез на участок шестиведерную кадку с цементом. Поинтересовался на складе нарядами, а в них записано, что он каждый раз увозит двадцативедерную бочку. Значит, привезет бетонщикам сто ведер,

а отчитывается за двести. На эстакаде у него брат кладовщиком. Воруют! Продают цемент на сторону. Вот приедет из Свердловска Михаил Максимович, мы с ним прямо к начальнику стройки.

— Ты добьешься, — задумчиво произнесла Лиза. — Вообще с тобой, Павлик, хорошо, спокойно. Такой ты сильный, и вдруг — стихи лирические. Такой принципиальный, безжалостный, и вдруг — прямо-таки девичья забота о товарище. Слушай, Павлик, ты умеешь танцевать?

— Нет. А что? — спросил Зыкин, несколько обескураженный.

— Берусь обучить. Не забывай, что я культурно-массовый сектор и обязана бороться за стопроцентный охват. Днем ты будешь разоблачать жуликов и составлять наряды, а вечером — со мной танцевать. Согласен? Ну, вот, а потом можешь постепенно влюбиться, если это не помешает твоим делам. У меня, кажется, особых возражений нет.

9

Братья Карнауховы пьянствовали. Они сидели дома за столом, уставленным закуской, пили и совсем не пьянели от вы-

коренные установки, дающие до 1000 кубометров газа в день. Особенно выгодно их устраивать на животноводческих фермах. Урожай на полях, удобренных сброженными отходами, на 25—30 процентов выше, чем на полях, удобренных навозом.

К тому же это удобрение не имеет гнилостного запаха, не привлекает мух и почти полностью лишено семян сорняков: в результате сбраживания сорняки теряют всхожесть. Из сброженной массы можно изготовить различные виды удобрения: торфонавоз, органо-минеральные, жидкие удобрения и т. п.

В больших установках, где сбраживаемая масса измельчена и перемешивается при постоянной температуре 32—34 градуса, газ обходится от 5 до 20 копеек

за кубометр. Ферма с поголовьем 200 дойных коров и 50 свиноматок дает количество отходов, необходимое для производства 300 тысяч кубометров газа в год и около 6 тысяч тонн улучшенного удобрения. Такого количества газа вполне достаточно, чтобы в зимний период удовлетворить все потребности фермы в тепле, свете и механической энергии и, кроме того, газифицировать 200 домов колхозников. Капитальные затраты на строительство ускоренных установок окупаются в два-три года. Они доступны каждому колхозу, и надо ожидать, что «биологический» газ займет видное место в сельской энергетике близкого будущего.

Д. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,
кандидат химических наук

питой водки. У Якова Петровича в расстрепанном клинышке сивой бородки застряли кусочки капусты, крошки. В его мутных глазах светился страх. Тяжелые, с набухшими венами кулаки лежали на столе, и он разглядывал их со свирепой сосредоточенностью. Эти самые кулаки, пущенные однажды в ход, увели его на три года в тюремное заключение. С каким удовольствием он пустил бы эти кулаки в дело сейчас, немедленно, если бы не было за плечами тяжелого, памятного урока.

— Я сначала не понял,— рассказывал Яков Петрович.— Ну, наряды тебе? На, смотри наряды. Накладные? Вот они, накладные, все в порядке. А ведь углядел, гад. «Шестиведерная?»— говорит. «Ну, да, шестиведерная»,— отвечаю. «А там, на участке, отмечают двадцать ведер. Куда каждый раз по четырнадцать ведер деваете?».

Яков Васильевич не сдержался и грохнул кулачищем по столу так, что подпрыгнула бутылка, и жалобно зазвенели стаканы.

— Что ему надо?! Я его в прах сотру! Убью!..

— Тише, Яков,— встревоженно зашептал Яков Петрович.— Соседи услышат.

— Надо Степку Марченко позвать. Знаешь, где он живет?

— Бывал. Сейчас позвать?

— Сейчас. Вот деньги. Ему бутылку возьми. Две возьми. Понял?

Прошло несколько минут, и бетонщик Степан Марченко, пьяно улыбаясь, слушал страстный шепоток Якова Петровича:

— Не узнают... Встретишь его где-нибудь в переулке, а еще лучше за поселком...

Марченко пробыл у Карнауховых до полуночи и ушел совсем пьяным. Качаясь и горланя песни, он шел по улицам уснувшего поселка и все кому-то грозил.

* * *

Утро 12 августа 1935 года было холодное и туманное. Еще не выглянуло из-за мохнатой и безмолвной Волчихи солнце, а над Чусовой уже поднялся густой туман. Клубясь и ширясь, он полз косограм вверх. Поселок строителей утонул в

белой мгле, а когда взошло солнце, от дома к дому, из квартиры в квартиру поползли тревожные слухи, будоража людей.

— Слыхали? В логу между поселками...

— Мне сказали, что пистолет нашли.

— Врут! Я сама видела: громадный нож валяется.

— Бросьте брехать! В больнице освидетельствовали. Доктор точно определил...

Старенький фельдшер, моргая помелькими глазами, действительно, все определил. Он разогнулся над брезентовыми носилками, с сожалением окинул взглядом труп молодого парня и сказал:

— Какая тут резекция? Зачем? Диагноз безошибочен: паралич миокарда, вызванный излишней дозой алкоголя.

Лизе Усановой о несчастье сообщила соседка.

— Слыхали, Лизанька? В логу у второго поселка мертвое тело сегодня утром нашли. И, знаете, кто? Павел Зыкин оказался. От вина помер. Ей-богу, не вру. Все доктора так говорят. И возле него

пустую бутылку нашли. А винищем так и разит, так и разит...

Лиза обмерла, побледнела. Уронив на пол полотенце, она опрометью бросилась к себе в комнату.

«Павел? Да как же это случилось? Да он же... Не может быть!»

Девушка побежала в комитет комсомола. В комитете у Семена Малоквасова былолюдно, но тихо. Семен сидел за столом, растерянный.

— Никогда не предполагал. Всегда человек казался серьезным. И вдруг такая... Жалко, но... Черт знает... как все получилось!

— Да неправда! Не может этого быть! Никто никогда не видел Павла пьяным! — закричала Лиза.

К ней бросились со стаканом воды. Семен стоял рядом и говорил нетвердым голосом:

— Мы с ребятами только что от врача. Все правильно, Лиза. Стоит тебе самой посмотреть, тоже поверишь. Нигде ни одной царапины, только нос разбил при падении. Бутылка пустая в кармане и... Ну, ясно, что в дым был пьян. Медицинский акт составлен по всем правилам. Вот тебе и Павел Зыкин! Подвел нашу организацию...

Когда о случившемся узнал начальник промучастка Дерикочма, он вздернул свою холеную бородку, холодно посмотрел на плановика и внушительно сказал:

— Вот так и бывает всегда, товарищ Батюк. Громче всех кричал, избличал так называемые пороки человек, который сам являлся носителем пороков. Я, между прочим, так и предполагал, что Зыкин рано или поздно кончит самым беспардонным образом.

Батюк льстиво подхватил:

— Георгий Иванович! Я думал точно так же. Этот Зыкин, извините, пил в два горла. Напьется, потом с похмелья всех разоблачает.

— Товарищ Батюк, — великодушно распорядился Дерикочма. — Вы там скажите в бухгалтерии. У него, кажется, никого здесь нет. Пусть отпустят необходимую сумму. Ну, там на гроб, на прочее. Это, кажется, обязанность администрации? Но ни оркестра и ни каких... Подобная смерть — хуже самоубийства. А в таких случаях... Ну, вы сами знаете.

— Знаю, Георгий Иванович. Все будет сделано.

У известковой эстакады остановилась подвода. На телеге стояла шестиведерная кадочка, выпачканная известкой. Рядом, свесив ноги, обутые в новые сапоги, сидел, подбоченясь, Яков Васильевич.

— Яков, подлая твоя порода, куда денся? — позвал он.

Из-под навеса выглянул Яков Петрович Карнаухов. Он всплеснул руками и рассыпался мелким дребезжащим смехом. Маленькие глазки, совсем утонувшие в кустистых бровях, искрились от удовольствия, а сухонькая физиономия лучилась от множества счастливых морщинок.

— Значит, опять шестиведерная?

— Значит, она самая, — гудел, сияя улыбкой, младший Карнаухов. — Она, понимаешь, гражданин начальник, легкая, и в нее больше входит. Она, эта самая кадушка, по душе мне пришлась.

Братья свернули по самокрутке, заговорили вполголоса.

— Ну, вынесли? — спросил Яков Петрович.

— Сейчас навстречу попали. Я даже лошадь попридержал. Через полчаса закопают.

Левой рукой вынув сигарку из желтых зубов, Яков Петрович скособолил голову, перекрестился и пробормотал что-то.

Яков Васильевич снисходительно посмотрел на благочестивого брата и сказал:

— А здорово ты, Яков, насчет бутылки придумал. Я ее не подбросил, а прямо ему в карман сунул. Остатки на него вылил, чтобы лучше пахло. Пособоровал. Ха-ха! Теперь весь грех на Марченко ляжет. Так-то...

— Не обманешь — не продашь, — бормотал Яков Петрович, отворяя кладовку.

11

Тринадцатого августа Павла Зыкина тихо и незаметно похоронили на старом кладбище возле строившегося динасового завода. Похоронили днем, а вечером приехал из Свердловска парторг Михаил Максимович Максимов.

— Что?! — воскликнул он, узнав о смерти Павла. Потом грузно опустился на стул и долго сидел с окаменевшим лицом.

Кто-то из комсомольцев заглянул в кабинет. Михаил Максимович резко поднялся и сказал:

— Позовите ко мне членов комитета комсомола и членов партийного бюро промплощадки.

Через час все собрались.

Михаил Максимович встал и тихо начал говорить:

— Товарищи, да вы в своем ли уме? Или вам уж совсем изменило революционное чутье? На ваших глазах рука классового врага оборвала молодую, замечательную жизнь комсомольца-рабочника, а вы молчите! Из ваших рядов вырван преданный боец, а вы не даете отпора вражеским слухам! Да разве же вы не знаете Павла Зыкина? Это кристальной души человек! Разве вы не помните, как он жил и работал, как он любил все, что мы с вами здесь строим!

У окна, уронив голову на колени, плакала Лиза Усанова.

Зазвонил телефон.

— Да, это я, товарищ секретарь горкома, — сказал Максимов. — Настаиваю на немедленной и высококвалифицированной медицинской экспертизе. Конечно, акт составил пьяница-фельдшер. Да, явная вылазка классового врага. Мы сейчас идем на кладбище. Вскроем могилу.

Парторг положил трубку, но телефон снова зазвонил.

— Обком партии? Дайте отдел пропаганды, товарища Хайкина. Здравствуйте, Семен Павлович. Максимов говорит, со стройки СУМЗа. Убит наш активный рабочий, редактор стенной газеты, комсомолец Павел Зыкин. Я вам рассказывал о нем. Что? Я вас жду.

Через полчаса молчаливая группа людей с зажженными фонарями, миновав поселок, углубилась в лес.

Номера газеты «Уральский рабочий» за 24 августа 1935 года переходили из рук в руки. Их не хватало. Волновалась вся стройка. В газете была напечатана статья:

„ВРАГИ МСТЯТ

Убийство активного рабкора Павла Зыкина является свидетельством того, что на Средуралмедьстрое еще не сделали необходимых выводов из решения обкома и уполномоченного комиссии партконтроля.

Утром, 12 августа, на отшибе от дороги между № 1 и № 2 поселками был обнаружен труп тов. Зыкина. Только 14 августа вечером, благодаря единичному вмешательству парторга промплощадки тов. Максимова, было произведено вскрытие тела убитого рабкора. Однако даже после этого районные партийные организации и следственные власти не тронулись с места. В местной газете не появилось ни одной строчки об убийстве рабкора. Редактор газеты «За медь Советам!» тов. Трубицын объясняет свою исключительную близорукость тем, что он якобы не знал, что Зыкин — рабкор. Странное неведение! Зыкин был активным рабкором стенной печати, выступал и в общестроечной многотиражке. Заявление редактора проливает яркий свет на качество работы газеты с рабкорами. Даже после того, как по стройке прошла весть об убийстве рабкора Зыкина, редактор Трубицын не пошел дальше помещения небольшого извещения в газете за 15 августа о состоявшихся 13 августа похоронах Зыкина. Не лишне отметить, что даже в этом объявлении редакцией была перепутана фамилия рабкора. Газета назвала его Павлом Зыковым.

Убийцы рабкора Зыкина, Марченко и Карнаухова, арестованы. Эти враги ненавидели рабкора. И не без оснований.

Работая нормировщиком, тов. Зыкин разоблачал их рваческие попытки и жульнические махинации. В кармане убитого рабкора был обнаружен разоблачительный материал.

Убийцами Марченко и Карнауховым не ограничивается круг людей, остро, позвериному ненавидевших Павла Зыкина. С первых дней своей работы на участке

строительства обогатительной фабрики тов. Зыкин показал себя стойким борцом со всякими безобразиями. 22 июня он выступал в газете «За медь Советам!» с заметкой «Жульнические махинации десятника Булова». В заметке тов. Зыкина вскрываются факты безобразного растраниживания государственных средств, факты рвачества и незаконного получения подъемных десятником Буловым. В стенной газете участка он дает карикатуру, разоблачающую семейственность и зажим самокритики на обогатительной фабрике.

Начальнику участка Дерикочма Г. И. это, конечно, не понравилось, ибо никто иной, как он, является на участке вдохновителем антигосударственной, построенной на системе кумовства и рвачества практики.

В прошлом активный белогвардеец, Дерикочма пригрозил на Уралмедьстрое своих закадычных друзей, людей с темным прошлым. Характерно, что один из арестованных, убийца Марченко, был привезен на строительство Дерикочмой...

Дерикочма и его фактический заместитель Батюк дезорганизовали стройку обогатительной фабрики. С людьми, вроде Зыкина, Дерикочма расправлялся «без проволок». Он изгонял их со стройки.

Тревожные сигналы о действиях распоясавшихся врагов проходят мимо партийных и общественных организаций Средуралмедьстроя. Этим только и можно объяснить тот факт, что убийству рабкора Павла Зыкина до сих пор не дано необходимой политической оценки. Из этого не сделано никаких серьезных выводов.

С. ХАЙКИН*

Имя Павла Зыкина стало известно всей области.

13

Заговор молчания вокруг убийства Павла Зыкина был разрушен. Весь город с гневом узнал о зверской вылазке классового врага. Выполняя волю народа, следственные органы немедленно арестовали прямых убийц Павла — бетонщика Степана Марченко и коновозчика Якова Карнаухова. Были взяты под стражу бывший начальник участка Дерикочма, бывший плановик Батюк и еще несколько их пособников.

Второго сентября 1935 года в клубе строителей открылся городской слет рабкоров. Пришли металлурги с Ревдинского завода, приехали горняки из Дегтярки. В зале не было ни одного свободного места.

На стенах кумачом пламенели громадные лозунги: «Рабкор! Выше революционную бдительность!», «Товарищ, запомни! Без критики двигаться вперед нельзя!»

Слет был посвящен памяти погибшего рабкора. О Павле Зыкине собравшимся рассказал Александр Андреевич Савичев — Саша-корреспондент.

— Всегда и во всем нам надо быть принципиальными, непримиримыми ко всяческому недостаткам,— говорил Савичев.— Так жил и так работал всем нам известный Павел Зыкин. Никогда он не был равнодушным к делу, которое ему поручали. Он всегда чувствовал себя хозяином на стройке. И мы тоже так должны себя чувствовать. Всегда! Везде! Во всем!

Александр Савичев окинул зал возбужденным взглядом, поднял руку, готовясь произнести еще какие-то горячие слова. Но вдруг тень воспоминания пробежала по его лицу. Оратор провел рукою по волосам, грустно улыбнулся и просто сказал:

— А еще, знаете, был Павел Зыкин чутким, внимательным товарищем...

Александра Савичева сменил делегат от ревдинских метизников. Остроглазый и горячий парень, он внес конкретное предложение: слет рабкоров должен обратиться в горисполком с ходатайством. Надо увековечить память о Павле Зыкине. Пусть его имя носит одна из улиц города Ревды.

Выслушав предложение, рабкоры все, как один, поднялись со своих мест. Торжественно и властно зазвучал «Интернационал».

14

Шло заседание исполкома городского Совета депутатов трудящихся. Вел его заместитель председателя горсовета Петр Ильич Усанин.

— Итак, товарищи, последний вопрос: ходатайство участников общегородского совещания рабкоров.

Петр Ильич встал и зачитал письмо рабкоров.

— Обязательно удовлетворить. Память о таких людях надо хранить.

Мнение членов исполкома было единодушным.

— Я предлагаю назвать именем Павла Зыкова улицу,— сказал Петр Ильич Усанин.— Мы тут советовались с товарищами. Возражений нет.

— Зыкова? — переспросил присутствовавший на заседании член Свердловского исполкома облсовета Гилев.— А я слышал, будто фамилия комсомольца — Зыкин.

Петр Ильич позвонил. Вошла секретарша.

— Принесите, пожалуйста, газету «За медь Советам!», в которой напечатано извещение о похоронах Павла Зыкова.

И Петр Ильич вслух прочитал: «Одиннадцатого августа погиб от руки злодеев тов. Зыков Павел Семенович, нормировщик обогатительной фабрики, активный общественник и борец с недостатками на производстве».

— Все ясно,— сказал Гилев. И, словно оправдывая свою придирчивость, заметил: — Иначе, знаете, нельзя. Серьезное дело.

И никто не вспомнил о том, что «За медь Советам!» допустила опечатку, исказив фамилию Павла Зыкина.

* * *

Члены комсомольского поста имени Павла Зыкина Рита Сергеева, Клара Третьякова, Саша Нуждин и Юра Баранов, разыскав материалы о герое-комсомольце, передали их в газету. В редакцию начали звонить и приходиться товарищи, лично знавшие Павла. Позвонил и передал сердечное спасибо комсомольцу Петр Ильич Усанин, начальник отдела кадров Средуралмедзавода. Написала взволнованное письмо Анна Дмитриевна Лимонник. Она отлично помнила, как Павел разделался со Степаном Марченко.

Горячо восприняли рассказ о своем старшем товарище комсомольцы Среднеуральского медеплавильного завода. Они провели собрания в цехах.

В те дни, когда вся страна отмечала славное 40-летие Ленинского комсомола, на могиле Павла Зыкина состоялся многочисленный митинг. Могила была не тем заброшенным холмиком, который нашли члены комсомольского поста. Молодежь СУМЗа обнесла могилу своего героя ажурной железной оградой, поставила на ней памятник с портретом Павла Зыкина.

Была на митинге и Рита Сергеева со своими друзьями, и Михаил Максимович, бывший парторг строительства.

Влажно блестели глаза старого коммуниста. Горячо бились сердца комсомольцев, когда смотрели они на пурпурное знамя, развевавшееся над могилой Павла.

...Это есть наш последний
И решительный бой!
С Интернационалом
Воспрянет род людской! —

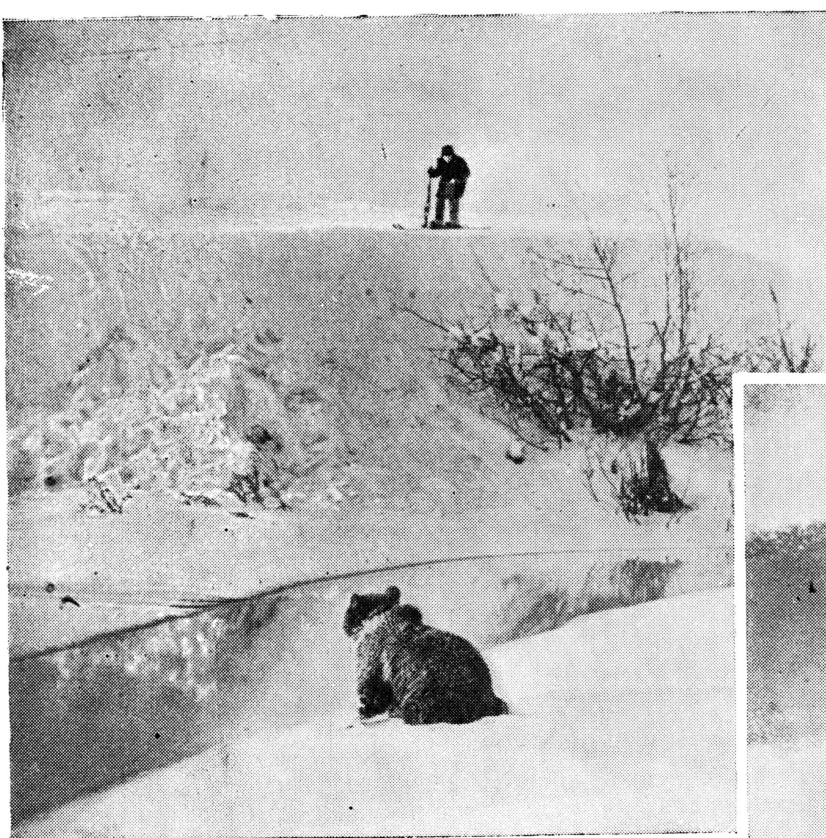
пронеслось над лесом.

О Павле Зыкине никогда не забудут.

ЧТО ПРОИЗОШЛО?

Эти снимки наши корреспонденты сделали в Сысертском районе, недалеко от Свердловска. Как получилось, что парень повстречался с медведем? Что произошло дальше?

Подробности происшествия читайте в ближайшем номере журнала.

А. ГЛАЗКОВ,
слушатель
Высшей пар-
тийной школы
при ЦК КПСС

Там, где Кама пронесет свои воды по последним километрам Пермской области, день и ночь не смолкает сейчас шум: возводится Воткинская гидроэлектростанция. Мощность ее больше мощности Камской ГЭС.

Мне хочется рассказать о нескольких, на мой взгляд, любопытных будничных эпизодах большой уральской стройки.

Посторонитесь, пожалуйста!

Так обычно говорят человеку, если он мешает пройти. А гидростроителям в первые же дни пришлось обратиться с подобными словами к шустрой речонке Сайгатке. Протекала она как раз по тому месту, где наметили соорудить шлюз.

— Что же делать? — спрашивали специалисты.

А Сайгатка беззаботно журчала у их ног. Она не беспокоилась: до сих пор еще никто не отважился посягнуть на ее исконный путь.

Строители подумали, прикинули что-то и сказали речушке:

— Придется посторониться, голубушка...

Послали сюда экскаваторы. Они проложили для Сайгатки другое русло, да такое, что, зайдя в него, приутихла речка, потекла прямее и свободнее. По нраву пришлась ей новая дорожка. Не стала спорить Сайгатка с людьми. Поняла: человек сильнее. Как захочет, так и будет.

У воды и без воды

На Камском берегу вырос новый рабочий поселок Чайковский. Прямые улицы

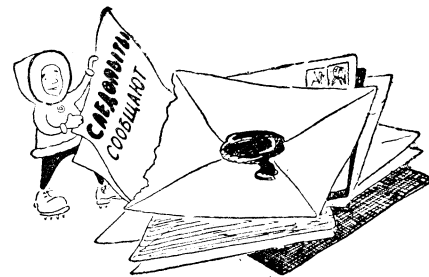
с заботливо высаженными вдоль бетонных тротуаров деревьями. Большой клуб в центре. Больничный городок. Книжный магазин.

Одно плохо — вода в поселке неважная. Откроешь иногда кран — течет рыжая, ржавчиной подернутая жидкость. Брали ее из маленькой речушки, которая протекает по соседству, пропускали через специальный фильтр, но и это не помогло. Пробовали искать под поселком, бурили скважины, все напрасно. Правда, рядом была Кама, но вода в ней грязная, для питья не годится. Получилось, что жили чайковцы у большой реки, а воды не имели.

Неожиданно вода нашлась — чистая, вкусная. Но она на другом берегу Камы. Нелегко доставить ее через реку, а иного выхода нет — надо прокладывать водопровод.

На помощь строителям пришли речники-путейцы. Прорыли они глубокую канаву-траншею поперек Камы, в которую должны были лечь водопроводные трубы. А зимой прибыл экспедиционный отряд подводников. Трубы сваривались в длинные плети. Сварку вели исключительно точно, качественно, ведь водопровод будет находиться на дне реки, и, случись что-нибудь, нелегко в подобных условиях исправить повреждение. Потому электросварщика проверяли очень придирчивые контролеры — меченые атомы.

Три трактора на двенадцати санях вывезли сваренные трубы на лед. Рабочие пробили через всю реку прорубь. В нее-то и опускали осторожно, чтобы не нарушить изоляцию, трубы. Ушли под лед и водолазы. Там, в подводном мра-

ке, они проверяли, правильно ли ложатся трубы, не отнесло ли их течением.

А наверху, на ледяных просторах замерзшей реки, хозяйничала зима: со злобой она бросала на кучку отважных людей ветер, снег. Люди не отступали. Водопровод был уложен. В поселок Чайковский пришла чистая вода.

Рыбаки в котловане

В середине минувшего лета на месте будущей гидростанции было два котлована. В одном — полным ходом шли работы. Еще в 1957 году к 40-ой годовщине Великого Октября здесь заложили первые кубометры бетона в рисберму¹ плотины. Это был официальный день рождения стройки.

Второй котлован отвоеван у Камы. Около половины реки пришлось отгородить для него. Не очень охотно отдавала Кама свои владения. Не одну тысячу кубометров песка унесла вниз по течению. Целую косу из него выстроила, да такую, что речникам-путейцам пришлось разбирать песчаную гряду, мешавшую судоходству.

Люди и на этот раз победили. В котловане мирно дремала притихшая камская вода. А в ней плескалась рыбешка, ничего не подозревавшая о тех огромных изменениях, которые происходили вокруг. Она не догадалась уйти из опасного места, не рассчитала, что скоро здесь не будет для нее корма. Поэтому

¹ Крепление русла потока в гидротехнических сооружениях.

первый же рыбак, догадавшийся забросить удочку в котлован, вдруг почувствовал такой клев, о котором можно только мечтать. Рыба шла на любую наживку, в любое время дня и любую погоду, явно не подчиняясь никаким рыболовным справочникам, учебникам и предсказаниям.

С легкой руки «первооткрывателя» и началась рыбалка в этом большом искусственном озере. С самого утра сюда прибегали ребята — дети крановщиков и бульдозеристов, экскаваторщиков и шоферов. А вечером, окончив смену, нередко заглядывал к сыну отец, присаживался рядом:

— Ну-ка, и я попробую...

И ловил рыбу из того самого котлована, в котором через несколько месяцев начал готовить основание для плотины.

Каждый день рыболовам приходилось менять места. И не потому, что старые им не нравились. Просто из котлована уже откачивали воду, и озеро становилось все меньше и меньше.

К концу лета его совсем не стало. Об этом особенно жалели юные рыболовы. Строители были довольны: достигнута еще одна победа.

* * *

Когда на карте Урала вы через несколько лет будете искать поселок Чайковский, то обнаружите, что он совсем не поселок, а город. Будущий город Чайковский уже строится. И одной из первых здесь сооружена школа, третья по счету на этой крупнейшей уральской стройке.

Лев Сорокин
Рисунки В. Яковлева

Уральский край

Уральский край!
Да, он суров и нежен:
Нам говорят о том
        без лишних слов
Гигант завод
И маленький подснежник,
К заводу прибежавший из лесов!

Свердловские СТИХИ

Наша Исеть

В час,
Когда за дальними домами
На ночлег уходят облака,
Слышно,
        как о чем-то с берегами
Шепчется притихшая река.
Не о том ли,
        что с широкой Волгой
Не сравнится все-таки Исеть.
Потому ее не могут долго
Авторы свердловские воспеть,
Что с трудом огромным пробиваться
На большие карты нужно ей,
Только все же земляки гордятся
Неприметной речкою своей.
Невозможно речку на Урале
Позабыть на волжских берегах,
Потому что крепость нашей стали
Сталинград испытывал в боях,
Раненных над Волгою седю
К нам сюда домчали поезда,
И для них, волжан, живой водою
Стала вдруг исетская вода.
А теперь уральские турбины
В Жигулях рождают волжский свет.
Все ж сравнялась с Волгою былинной
Ты, Исеть, в истории побед!
Загорелись звезды за домами,
Скрылись золотые облака.
Между некрутыми берегами
Вдаль бежит уральская река.

У памятника Я. М. Свердлову

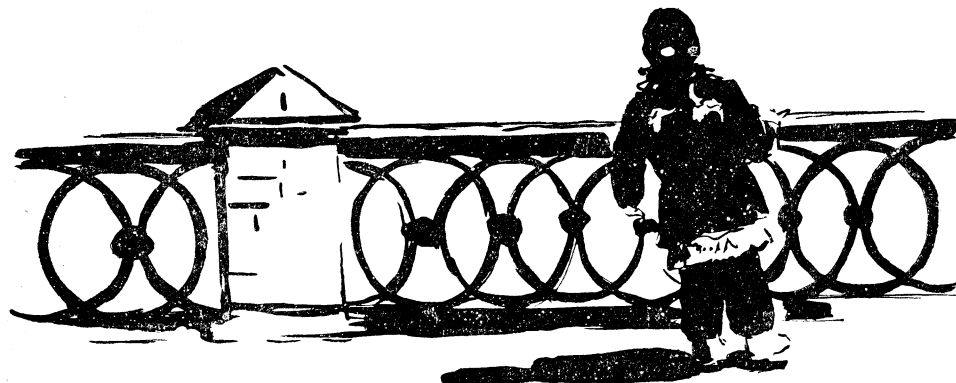
По-прежнему стремителен и молод,
Поднявшись на гранитный пьедестал,
Свердлов глядит внимательно на город,
Которому он жизнь свою отдал.
А город к небу поднимает краны.
Еще этаж!

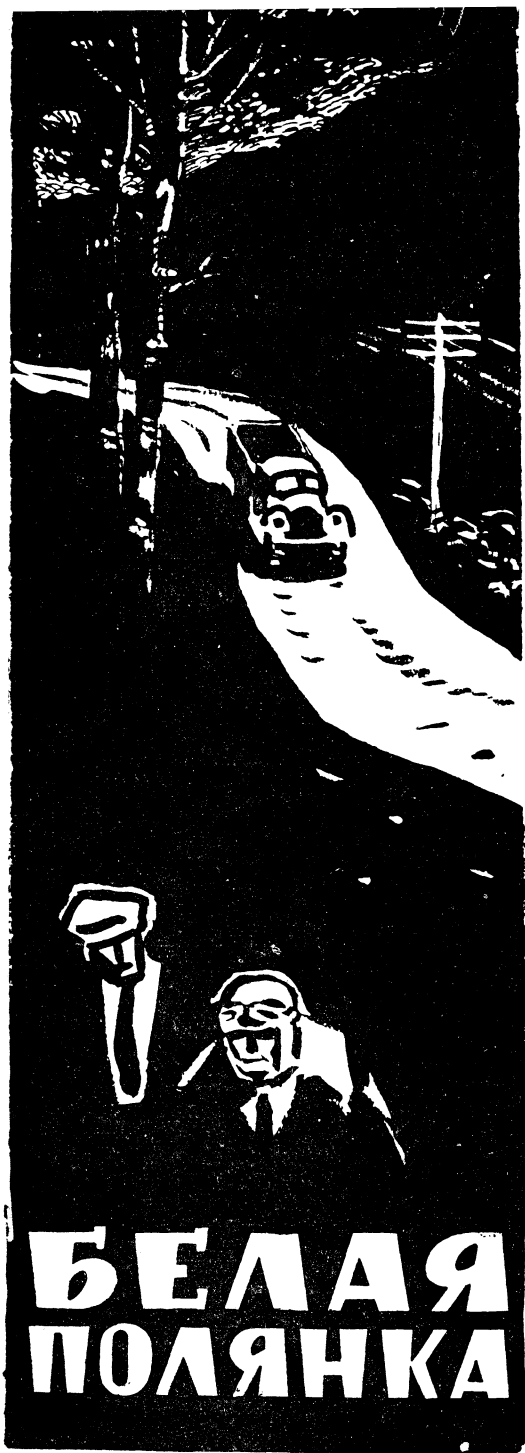
Еще один этаж!
И вновь мечтают наши мальчуганы,
Что будут тоже строить город наш.
Зовет, зовет отцовская дорога
В грядущие строительные дни:
Отцы успели сделать очень много,
Но многого не сделали они,
Ведь жизнь кончалась,
словно день рабочий.
Кончалась.

Но нетрудно подглядеть,
Что листья появляются из почек,
Чтобы на месте почек зеленеть!

Девчушка смотрит

Своих подружек созывая,
Девчушка смотрит в небеса,
Где реактивный пробивает
Для них дорогу в чудеса.
Где новый спутник по орбите
Ушел в космический полет,
Чтоб были все пути открыты
Для тех, кто скоро подрастет.
И, может, Таню, Колю, Нину
Поднимет ввысь ракетоплан,
Луна дрейфующею льдиной
Пройдет небесный океан.
И полетят радиogramмы
О том, что все живут в тепле,
Чтобы стареющие мамы
Не волновались на Земле.

Рассказ

Михаил ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ

Рисунки В. Воловича

Днем под солнцем полянка была похожа на тихое круглое озеро с густой зеленой водой. А сейчас, при лунном свете, трава потемнела, как вода в ому-

те, и поэтому ослепительнее сияла белизна берез.

Тоненькие стволы их замыкали поляну в просторный круг. Пахло недавним дождем от травы и свежестью от маленьких, еще клейких березовых листьев.

На поляне было так светло, что заметны даже синяки под глазами, царапины на лбу и на щеках, кровь, запекавшаяся на разбитых губах девушки, обессиленно откинувшейся на ствол березки. Обута девушка без чулок, в синие резиновые спортсменки. На белых, еще не загоревших ногах также чернели кровоподтеки и ссадины. Распухшие губы дрожали, как у ребенка, готового закричать от нестерпимой боли, а в широко раскрытых глазах был влажный, глубокий блеск непролившихся, но близких слез.

«Не заплачу! Пусть что хотят делают, не заплачу! Не за одну себя, за всех нас не заплачу!» — думала девушка и, не двигая головой, не отрывая затылка от шелковистой коры березки, косилась на тех двоих.

Они были в десятке шагов. На пне сидел коротконогий, широкий в плечах человек. На лоб его свисали растрепавшиеся черные волосы. Одет коротконогий в помятый серый пиджак и черные брюки, заправленные в кирзовые сапоги. Похож он был на колхозника или на служащего районного учреждения, а больше всего на заготовителя, каких много разъезжает по колхозам. Второй, сидевший на парашютном ранце, — толстощекий, грудастый, пышущий здоровьем парень. Его зеленые глаза смотрели бездумно, невыразительно. Под расстегнутым воротником авиационного комбинезона видна была шелковая рубашка лихой расцветки.

Оба торопливо ели, вынимая из целлофановых пакетов огромные бутерброды, пили коньяк. Коротконогий ел и пил, не сводя темных пристальных глаз с девушки. За спинами их, в тени деревьев, стоял самолет.

Девушка устало закрыла глаза, припоминая с самого начала подробности этой страшной встречи.

...В субботу вечером она приехала к матери в пригородный колхоз «Красный Октябрь». Вечером они пошли вдвоем в колхозный клуб смотреть вторую серию «Тихого Дона». Пока шла

кинокартина, над колхозом пронеслась ранняя весенняя гроза.

Девушка распрощалась с матерью и заторопилась на станцию. Надо было успеть к поезду. От провожатого — Коли Сивкова, колхозного электрика, она отказалась: заведет любовней разговор, наверняка опоздаешь. А следующий поезд, почтовый, пойдет только в 4 часа 18 минут. Тогда с вокзала пришлось бы ехать прямо на работу, на часовой завод. На аэродром, в аэроклуб, она, ясно, не попала бы!

Девушка быстро шагала проселочной дорогой.

Небо уже очистилось от облаков. Высоко в зените стояла прозрачная луна, отчаянная какая-то, светившая, ну, прямо, как прожектор. Уютные огни колхоза скрылись на горизонте.

У перелеска девушка услышала возникший в небе гул, далекий и неясный. Потом он медленно затих. А через минуту возник снова. Казалось, что в небе курлыкал раненый журавль. Курлыканье то ослабевало, то вновь усиливалось. Наконец оно перешло в далекое, но ровное гуденье. Тогда девушка поняла: это летит где-то невидимый самолет. Остановилась и, прижав к груди сверток с маминими гостинцами — баночкой соленых груздей, начала искать в небе бортовые огни самолета. И тут ей вспомнилось, что вот так же, устремив глаза в небо, не раз стояла она на клубном аэродроме, во время ночных полетов, отыскивая среди звезд огни самолетов, которыми управляли ее товарищи по аэроклубу. Ей почудилось даже, что в лицо подул горячий аэродромный ветерок, пахнувший полынью и бензином.

Вот почему спешила девушка в город. По понедельникам и еще два раза в неделю отработывала она с инструктором на макетах и в кабине самолета все действия пилота, начиная от выруливания на старт до взлета! А взлет они еще «не проходили». Но недалек день воздушного крещения! Всего месяца дватри осталось!

— Что ж я, дура, стою? Уйдет ведь поезд-то! — испуганно вдруг всколыхнулась девушка, повернулась, чтобы бежать на станцию, и увидела самолет. Он мчался над рекой очень низко, почти над самой водой.

... Было в профиле летевшего над рекой самолета что-то хищное. Вот он взмыл

над молодой, тонкоствольной березовой рощей. Медленными кругами пошел на снижение, развернулся в последний раз и, выпустив шасси, нацелился на посадку.

— Куда же ты? На деревья же сядешь! — закричала девушка отчаянно, забыв, что летчик не услышит ее. — На вынужденную пошел! Вот беда-то...

Светлая от луны роща с ветвистыми тенями еще больше напугала ее тишиной.

Пробираясь среди деревьев, девушка ждала треска ломаемых сучьев, тяжкого удара о землю, грохочущего взрыва, но здесь была тишина. Неужели все кончено? До слуха вдруг донесся шум мотора. Самолет работал очень тихо, на самых малых оборотах, видимо, куда-то вырulingая. «Как же он сел? Куда?»

Перед ней появился мужчина. Появился бесшумно, внезапно, будто встала на фоне берез черная тень. Она испуганно вздрогнула, но страх сменился удивлением. Это был не летчик, а человек самого земного вида, в мятом пиджаке, некрасивой кепке, с пальто, перекинутым через руку. Девушка невольно замедлила шаг, потом совсем остановилась.

— Скажите, барышня, где мы находимся? — спросил незнакомец и, не дожидаясь ответа, быстро добавил: — А что за огни на юге? Это город? Да? Крутихинск?

Но она думала о своем и тоже спросила, продолжая удивляться:

— Вы, значит, не летчик?

— Нет. Всего лишь пассажир.

— А как же вы сели? На деревья?

— Почему на деревья? Здесь поляна есть. Большая, настоящий аэродром.

— Что вы говорите? А я и не знала. Вот хорошо-то! — обрадовалась девушка и даже засмеялась. — А где эта поляна? Идемте скорее туда!

— Подождите, подождите! Какая вы горячая! — остановил незнакомец. — Сначала ответьте, где мы находимся? Так говорите, огни на юге и есть Крутихинск?

— Вот уж нет! Интересный у вас летчик, — искоса удивленно и недоверчиво посмотрела она на коротконового человека. Темная, неясная тревога начала щемить сердце. — Летел в Крутихинск, а попал... Знаете, куда вас занесло?

— Ну? — шагнул к ней незнакомец. Лицо его стало напряженным.

Тревога в сердце усилилась, перешла в тоскливое предчувствие несчастья.

Ледяной ветерок ужаса опажнул ее, и девушка даже закрыла глаза от страха, совсем, как на качелях аттракциона в городском парке. Она рванулась бежать, но налетела на дерево, и тут коротконогий крепко обхватил ее правой рукой за талию, а левой зажал рот. Девушка вцепилась ему в волосы, были кепку, и рвала, дергала их. Волосы были сухие, жесткие и толстые, как конская грива. Наконец, задыхаясь, она впиалась зубами в его ладонь. Это случилось уже здесь, под березой.

Первое, что увидела девушка, когда очнулась, был самолет. Тонкий, с приподнятой кверху острой злобной мордой, он ни на плоскостях, ни на стабилизаторе не имел ни опознавательных знаков, ни номера.

И она поняла все.

Пилот стоял на крыле самолета. Увидев девушку, он прыгнул на землю, подбежал к ней и уставился пустыми глазами.

— Гробанули вас наши!— злорадно улыбнулась она и перевела взгляд на человека в мятом пиджаке:— Не уйдешь теперь, командировочный, не уйдешь, пассажир!..

А человек в мятом пиджаке долго, внимательно ее разглядывал. «Девчонка, совсем девчонка». В мягком и добром лице, в круглом подбородке и пухленьких щеках — что-то полудетское. Глаза настороженные. И, выдвинув пренебрежительно нижнюю губу, коротконогий подумал: «Справлюсь».

Он сел рядом с ней, взял за руку. Она резко, вызывающе вырвала ее. Он засмеялся, не раскрывая рта; странным кудахтающим смехом.

— Ей-богу, барышня, мы поладим. Нам от вас нужен пустяк, а награда будет богатая. Очень богатая!

Девушка молчала.

— Где мы находимся? Название ближайшего населенного пункта? И где Крутихинск? В какой стороне? Далеко? Только два вопроса.

«На ладони себя чувствуешь? В городе спрятаться хочешь?»— подумала она, но по-прежнему молчала.

Он расстегнул рюкзак, вытащил золотые часы-браслет.

— Люкс! Цена минимум три тысячи на ваши деньги. Берите!

Девушка оттолкнула руку с часами. Незнакомец дрогнул большими плоскими скулами и, сузив глаза, выхватил откуда-то маленький пистолет.

— Я очень спешу! Вы же знаете — командировка! Повторяю, я спешу! По-хорошему или по-плохому вам, барышня, все же придется дружить с нами. Ну? Будете говорить?!

Она молчала. Он ждал. И вдруг лицо девушки ожгло болью. Коротконогий ударил ее ладонью, умело, хлестко, со спокойной жестокостью. Девушка закрылась руками и сквозь пальцы покосилась в сторону поселка: «Далеко. Крик не услышат. И редко там ходят, тем более ночью».

А коротконогий, будто угадав ее мысли, начал бить ее кулаками в бока, топтать ногами. Но девушка не крикнула и теперь. Она прижималась к березе, стискивая зубы, чтобы не вырвался мучительный стон.

— Дьявол тебя возьми, что ты за человек?

Девушка посмотрела на него в упор страшными глазами. Он попятился. Губы его затряслись. Летчик, сидевший на парашютном ранце, вскочил, поднес рюкзак, расстегнул его и начал спокойно, то и дело поглядывая на нее, выкладывать золотые кольца, броши, необыкновенной расцветки клипсы. Последней выложил толстую, перетянутую резинкой, пачку сторублевков, и тогда девушка сказала:

— Ну, хватит!

— Хватит? Что хватит?— растерянно посмотрел на нее коротконогий.

— Сказано ведь, ничего не скажу.

Летчик посмотрел на резиновые спортсменки девушки, перевел взгляд на ее застиранное платьишко, дешевенький платочек и спросил, тяжело ворочая языком:

— Комсомолка?

Она не ответила и подумала: «Дурак, еще спрашивает».

Небо было хорошее, просторное, высокое. Небо Родины! Девушка поглядела вниз, на землю, и глазам ее открылся белый хоровод юных весенних берез. Отступили боль и тоска.

«Белая полянка... красавица наша...»

Злые голоса вернули ее к действительности.

Диверсант и летчик обвиняли друг друга в неудаче.

— Куда вы меня завезли?— то вскрикивал, то шипел коротконогий.— Меня нацелили совсем в другой район. Что делали ваши компасы?

— Мои компасы! Посмотрели бы вы, как выплясывали компасы, когда вокруг самолета крутил шторм, крутились молнии, крутились советские истребители. Мои компасы!..

— Хороша ваша синоптическая разведка! Послали нас навстречу шторму. Вешать надо таких синоптиков!

— А я повесил бы ваших мастеров засыла! Они заверили меня, что на этой трассе пересечка исключается. Боже мой, исключается! Налетели на русский авиапатруль, как пьяный на афишную тумбу. Под их выстрелами я бросался во все стороны! Не до вашего Крутихинска было!

Летчик потянулся к термосу, но налить не успел. Меж стволов сверкнуло и засияло, как от молнии. Они разом вскочили, выхватив пистолеты. Сияние двигалось. Белые стволы берез вспыхи-

вали по очереди огнем и тотчас гасли. Нарушители долго провожали настороженными глазами движущийся свет автомашины, шедшей где-то далеко от них.

Им казалось, что роща сквозная, что их видят отовсюду.

— Так дальше продолжаться не может,— сказал коротконогий и покосился угрюмо на девушку.— В Крутихинск не попасть, это теперь ясно. Где оң, проклятый Крутихинск? Надо предпринимать что-то другое.

— Этим я и хочу сейчас заняться,— ответил летчик.

— Чем? Выпивкой?

— Не только. Выпью для храбрости и полечу. На запад. Строго на запад.

— Вы можете лететь, как сова, бесшумно и невидимо?

— Бесшумно—едва ли. Акустика русских самолет, конечно, обнаружит. А вот увидят ли меня их локаторы? Они будут искать меня в небе, они задерут головы, а я прошнырну у них между ногами, в десятке метров над землей. Я пойду на высоте телеграфных столбов, только-только брюхом по земле не буду тащиться. Трудно? Очень трудно! Но я хочу сегодня пить коньяк в нашем казино, а не лопать баланду в русской тюрьме.

Коротконогий посмотрел на небо. Что-то переменялось в ночи. Высокое, оно поднялось еще выше. Луна уже не прозрачная, а пепельная, опускалась устало за вершины берез. Прошла самая тихая пора ночи. В глубине рощи зашуршало, зашелестело, затрепыхалось.

— Похоже на рассвет. Надо спешно убираться отсюда,— сказал коротконогий и деланно небрежно добавил:— Я, конечно, лечу с вами?

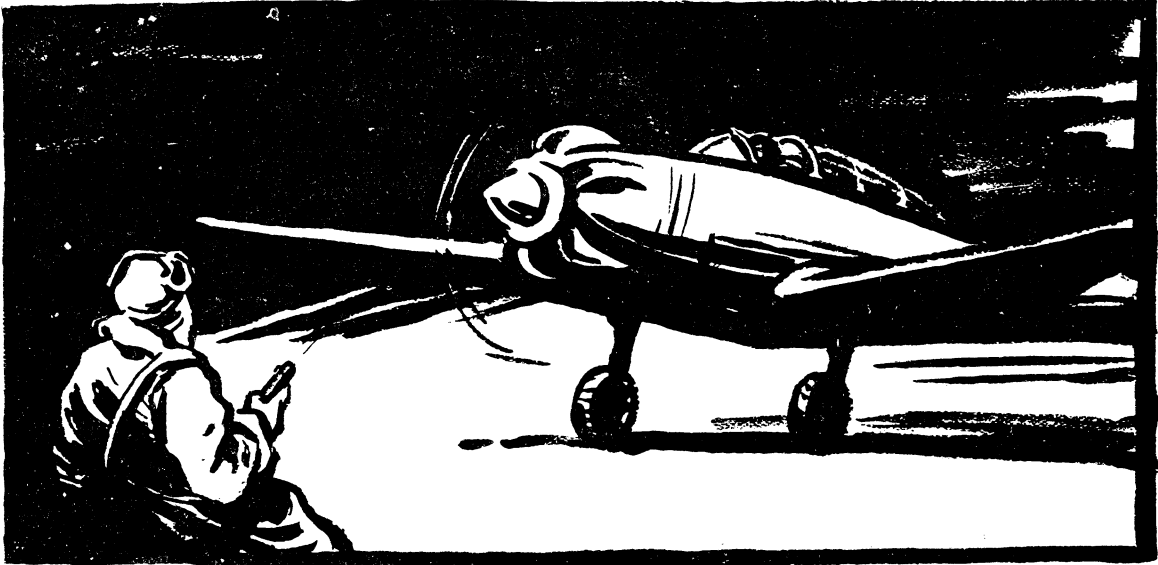
Летчик помолчал.

— На моей стрекозе без пассажира легче маневрировать, и я с удовольствием оставил бы вас на забаву русским. Но мне здорово за это влетит. Пошли,— ответил летчик, завинчивая пустой термос.

Девушка, увидев, что летчик завинчивает термос, поняла: передышка кончена, сейчас опять начнется мука.

Они подошли, встали над нею, уже с надетыми парашютами, но смотрели не на нее, а куда-то в стороны, пряча глаза.

— От малютки вы ничего не добьетесь,— сказал летчик.— Как ни истязали, она даже губ не разжала.

— Я знаю,— глухо ответил коротконогий и посмотрел на девушку.

А она... тихо улыбалась.

— Она смеется, сволочь! Она издевается!.. Я убью ее!..

— Когда я сяду в самолет. Не раньше. Я не хочу видеть это,— холодно и строго сказал летчик.

— Хорошо! Не увидите!— ответил раздраженно коротконогий.— Идите, готовьте самолет.

Летчик ушел. Коротконогий ткнул девушку носком сапога и указал на самолет:

— Вставай, иди туда.

Она поднялась, шатаясь. Болью ударило и в бока, и в грудь, и в голову. Из разжавшихся губ чуть не вырвался стон. «Еще чего? Не дождетесь!» Девушка пошла впереди коротконогого и вдруг вспомнила, что потеряла где-то мамин гостинец — соленые грузочки, которые любила без памяти. Вздохнула прерывисто, подавляя подступившее рыданье. Она знала, эта ничем не примечательная русская девушка, смешливая блондинка с добрым, мягким лицом, что идет навстречу своей смерти, и все же походка ее была гордой и легкой.

Самолет уже был готов к взлету. Мотор взвыл и заработал с ровной, четкой отсечкой. Коротконогий встревоженно огляделся, но летчик уже перевел мотор на почти бесшумные обороты и спрыгнул на землю.

— Готово?— спросил нетерпеливо коротконогий.— Могу я кончить свое дело?

— Смотрите сюда.— Взяв его за плечо, летчик показал в сторону взлета.— Видите кучу сучьев и сухой ствол? Оттащите их подальше. Взгляните, нет ли ям или канав. Это для нас самое страшное. Кстати, сосчитайте шаги до противоположной опушки. И быстрее, быстрее! Остались минуты! Малютку беру на себя. У меня не убежит, не беспокойтесь.

Коротконогий зашагал по полянке.

Девушка стояла у низко опущенного крыла самолета. Она смотрела на березки и ждала рассвета, хотела, чтобы последний рассвет был ярким, румяным, с веселой зарей. Но утро обещало быть тусклым и туманным.

Роша притихла в ожидании минуты, когда зажжется восток. Вдруг закуковала кукушка. Девушка встрепелась, послушала и мысленно спросила:

— Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось?

Кукушка неторопливо насчитала десять лет, потом еще десять, и тогда девушка сказала:

— Неправда твоя, кукушка! Неправда! — и, отвернувшись, впервые заплакала от жадного желания жить, от нестерпимой жалости и любви к маме, к старенькой, доброй, всегда веселой маме. Но, подавив плач, повернулась и стала лицом к

кабине. Дверцу за собой летчик не закрыл, и она видела щиток управления, густо усеянный стрелками, циферблатами, кнопками, выключателями с непонятными надписями.

Но было в кабине и кое-что знакомое, понятное, уже изученное: полированный полумесяц штурвала, сектор газа, педали. Корпус самолета вибрировал, будто ему не терпелось взлететь. Нет, не взлететь ей в родное небо! Не оторвать ей от земли этот, похожий на злобного зверька самолет. Она «не проходила» еще взлета.

Девушка задыхнулась от внезапной мысли.

«Пусть не улететь, пусть! А они? Лишь бы не улетели они! Какая из педалей тормозная? — она осторожно заглянула в кабину. — Только это, только это бы узнать! Остальное не трудно. Мотор уже включен на малые обороты».

Девушка огляделась. Коротконогий мерно шагал по поляне, мотая головой. Он подходил уже к противоположной опушке. Летчик стоял рядом, беспечно натягивая перчатки. Девушка качнула ногой, как на утренней зарядке, и ударила летчика носком в низ живота. Он глухо вскрикнул и обмяк, садясь на землю. Но вдруг снова выпрямился и стал доставать пистолет. Она ударила его вторично, и он рухнул на землю, взвывая по-звериному.

В кабину девушка вкинула себя, подтянувшись на руках, уверенно поставила ногу на педаль. Не зная, она твердо верила, что освободила тормоз. И тут увидела лицо летчика, цеплявшегося за крыло. Но выжат сектор газа — вперед! Самолет рванулся, и лицо летчика сдуло, как ветром. Роща откликнулась звонким эхом на густой рев самолета. Некогда было опустить фонарь кабины. В лицо, в грудь ударил ветер холодной, упругой волной. Белый платочек, завязанный на груди узлом, развеялся за ее спиной, как белое крыло. Руки со смешными пальцами-коротышками, испаранные, с содранной кожей, лежали на штурвале. Только это и надо делать теперь. Надо сжимать штурвал так, чтобы самолет не струсил, не вильнул в последнюю минуту, а шел бы прямо, все прямо — до конца!

И самолет покорился девичьим рукам. Он мчался, подпрыгивая на кочках, прямо на столпившиеся в испуге берез-

ки. А наперерез ему бежал коротконогий. В руке его дергался от неслышных выстрелов пистолет. Но ни выстрелов, ни свиста пуль она не услышала и закричала с ликующей ненавистью:

— Теперь не уйдешь! Теперь попался, гадина!..

Его лицо с перекошенным в крике ртом, отнесло в сторону.

А потом загорелся ласковый, теплый свет. Она знала: это, разорвав туман, вышло солнце, которого она так ждала, жаркое, кипящее золотым пламенем. Под его первыми лучами березки оделись в розовые сарафаны.

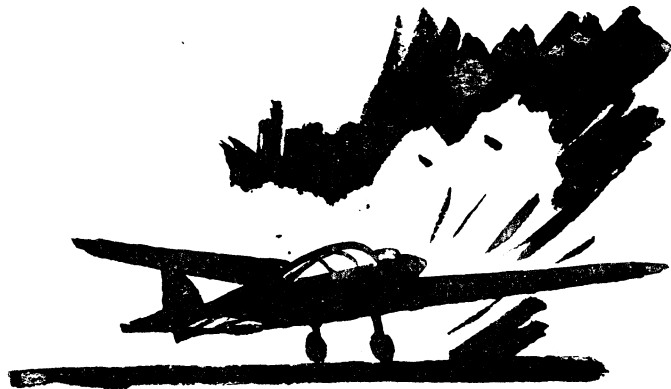
— Полянка... родная... прощай... — сказала она и в последний раз выжала ручку до отказа, чтобы удар был вернее, безвозвратнее, чтобы на грохот взрыва скорее сбежались люди...

* * *

Колхозники, проезжавшие утром по проселку, увидели, как из березовой рощи вымахнуло голубое пламя, стало красным и обросло черным дымом. От грохота лошади встали на дыбы и понесли.

Первое, что заметили колхозники, прибежав на полянку, была черная безобразная дыра, изуродовавшая белый хоровод березок. В глубине рощи горело со свистом и гуденьем.

Посередине поляны лежал труп человека в летном комбинезоне. В спину его был всажен по самую рукоятку, нож. Через несколько часов из города прибыли работники госбезопасности. Привезенные ими розыскные собаки легко обнаружили след. Он тянулся от трупа в рощу.

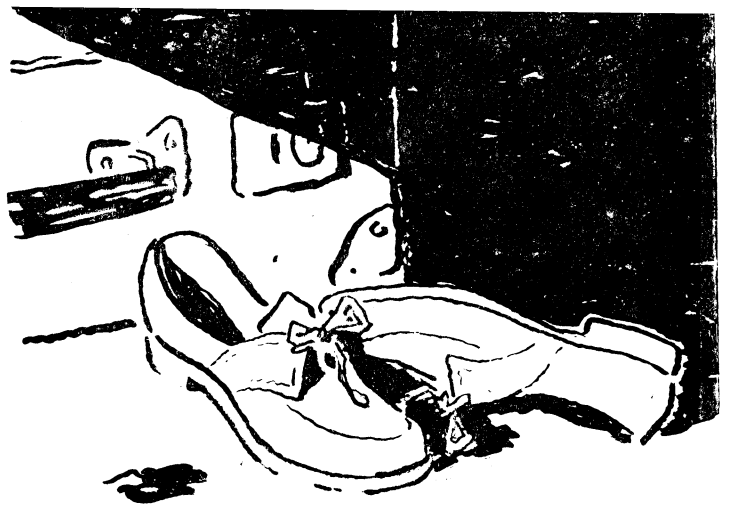

„Я расскажу все...“

Геннадий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Г. Перебатова
и М. Заводчикова

Круглые сутки в непогоду и зной работники милиции на своих боевых постах. Мы привыкли видеть их всюду. А много ли известно нам об этих замечательных тружениках, стоящих на страже наших законов?

Знаем ли мы, что они не только борются с нарушителями общественного порядка, задерживают преступников, но и предостерегают людей от дурных поступков, воспитывают в них качества настоящего, полноценного человека.

Майор сказал: „Правильно“

— Возьми матери,— настойчиво просил Виталий Панфилов, протягивая Глебу Коковихину красивые голубые туфли.— Я уверен, ей понравятся. Лене покупал... теперь куда их.

Глеб почесал затылок. «Хоть мы и друзья, но как взять?— думал он.— Туфли стоят порядочно». В то же время ему хотелось принять подарок. Он даже представил, как мать будет показывать туфли соседке Степаниде:

— У меня сынок себе не возьмет, а матери купит. В отца, Андрея Семеновича, ласковый...

Потом спрячет их в сундук, но не надолго. Только Глеб уедет, сестра Наташа перейдет в наступление:

— Мамочка, дай, пожалуйста, туфли. Схожу на танцы, девочкам обновку покажу.

Мать немного поупрямится, повздыхает и отдаст.

...Виталий горячо уговаривал, а Глеб отказывался:

— Размер маловат. Старушке нужна обувь свободная.

Виталий обиделся, но тут же легонько оттолкнул плечом Глеба, открыл его чемодан и уложил подарок.

— Меня осенила блестящая идея,— торопливо заговорил он, вороша рыжие волосы.— Туфли не подойдут матери, будут впору Наташе. Сюрприз. Я ей симпатизирую.

— Ты же ее знаешь только с моих слов.

— В этом-то и прелесть. Пойми, если она

увидит мою солнечную шевелюру и веснушки, конец романтике.

— Брось, Наташа не такая. Она сознательная, боевая: после десятилетки в колхоз дояркой пошла.

— Толяко,— Виталий погрозил пальцем,— о моей внешности ни слова. Лучше расскажи биографию: что имею среднее образование, отслужил в армии. Одним словом, посолиднее. Даже домыслить можешь.

— Уговорил, товарищ Панфилов,— улыбнулся Глеб.— Уговорил! Скажу Наташе, что волосы у тебя каштановые, пусть мечтает. А сейчас едем на вокзал узнавать расписание.

— Не могу, Глеб. Сегодня во вторую смену выхожу. Отдохнуть надо перед работой. Поезжай один.— Виталий снял гимнастерку, повесил ее на стул и лег спать.

Больше года назад Виталий Панфилов демобилизовался из армии. В Свердловск он приехал потому, что здесь жила его невеста Лена. Но Виталий опоздал: Лена уже вышла замуж. Он остался в городе, стал работать на заводе. Правда, не по своей специальности слесаря. Его направили к электросварщикам. В первый месяц заработал четыреста рублей. В связи с этим даже Колька Гребешков, тоже из новичков-учеников, ехидно заметил, что у Виталия были сырые электроды.

Все считали, что Панфилов непременно перебежит на другую работу. Однако прогнозы не оправдались. Виталий не унывал, даже сложил «Гимн электросварщиков» и вполголоса напевал его на все лады:

Электросварщики, сварщики...

Пылай, дуга, греми, зубило, плавься, сталь.

Не все рождаемся мы вертикальщиками...

Колька Гребешков считал Виталия неисправным неудачником-оптимистом, но, когда однажды бригадир послал Панфилова работать наверх, а его, Кольку, оставил внизу, Гребешков изменил отношение к «рыжему».

...Поезд отходил в полночь. Коковихин возвратился с вокзала. В вестибюле его остановил вахтер, отдал ключ от комнаты. Глеб бегом поднялся на второй этаж. Дверь комнаты была открыта. Он вошел и замер у порога: на полу валялись туфли — подарок Панфилова, из-под при-

Первая оттепель (март на Северном Урале).

Фото Б. Рябинина

открытой крышки чемодана выглядывал конек полотенца и голубая рубашка. Глеб торопливо пересмотрел вещи, поднял постель, открыл тумбочку — денег не было!

«Как же ехать домой? Кто взял деньги? Все четыреста рублей. Виталий? Нет, нет, их взял кто-то другой».

В коридоре послышался знакомый напев:

Электросварщики, сварщики,
Пылай, дуга...

Виталий ворвался в комнату, не замечая царившего хаоса, и поднял Глеба с кровати.

— Пальто купил! Как? Ничего? Совсем дешево! Шестьсот рублей... Ты что, Глебушка? Ехать раздумал? Что это? Чемодан? Кислая физиономия?

— Ты деньги на пальто у меня взял? — тихо спросил Глеб, осматривая новое демисезонное пальто товарища. — Взял?..

Виталий вспыхнул и боком отступил назад.

* * *

В кабинете оперуполномоченного майора милиции Подшивалова было накурено. Хозяин, бледный, с красными усталыми глазами, что-то писал. Виталий следил за тем, как бегает по бумаге перо, и все еще не верил, не хотел верить в то, что перед ним лежит заявление, написанное Глебом.

«В комнате мы живем двое — писал он, — и кражу мог совершить только Панфилов. Он один знал, что деньги хранятся в чемодане. Пока я ходил на вокзал, Панфилов купил пальто».

Внимание Виталия привлекло слово «один». Оно дважды повторялось в заявлении и дважды было жирно подчеркнуто зеленым карандашом.

— Ну, а кража как? — развел руками майор, поднимая на Панфилова усталые глаза.

— Кража. Кража, — странно повторил Виталий. — Кражи я никакой не совершал, товарищ майор. Пальто купил на свои деньги, которые накопил.

— Кто может подтвердить это?

— Не знаю... пожалуй, никто. Я даже Коковихину не говорил. Четыреста рублей получил премию, двести оставалось от зарплаты.

— Ясно, Панфилов. Ну, а почему вы не пошли на вокзал с Коковихиным? Где были после его ухода? Почему не закрыли комнату?

— Не пошел я с ним потому, что хотел отдох-

нуть перед сменой. Уже в постели услышал разговор, что в магазин «Одежда» привезли пальто. Я оделся и пошел. Купил пальто, вернулся в общежитие. Там был Глеб. Задержите меня? — спросил Виталий, глядя в исчерканное прямыми морщинами умное лицо Подшивалова.

— Еще один вопрос, и вы свободны. Сколько стоят туфли, подаренные Коковихину?

— Четыреста шестнадцать рублей. Я их брал в Москве.

А. Ф. Кузнецова

Майор проводил Виталия до дверей. Он поверил в его честность.

...Прошла неделя, и вор пришел сам. Историю свою он рассказывал не по порядку: трудно.

— Я живу напротив Панфилова и Коковихина. Видел, что Виталий не запер дверь... Чемодан открыл своим ключом. Деньги — вот они все! — и положил на стол пачку двадцатипятирублевых. — На другой день одумался, сознаться побоялся. Потом узнал, что вы Виталия вызываете, и пришел. Он не виноват, товарищ майор. Он хороший парень.

— Плохо, Козырев, скверно, — с какой-то обидой сказал Подшивалов, подвигая Алексею Козыреву протокол. Тот подписал его, положил ручку и вытащил из кармана записку.

— Панфилов не хочет больше жить с Коковихиным. Он переехал в другое общежитие. Просил передать вам, что, если вдруг понадобится, вызывайте его по этому адресу.

— Правильно — сказал майор и, не читая, переложил записку в ящик стола. — Правильно, что переехал!..

Большое сердце

*«Дорогая Астра Федоровна, здравствуйте!
Сегодня окончательно решил вступить в комсомол. Конечно, я извиняюсь, но мне очень хочется получить Вашу рекомендацию. Только Вы не подумайте плохо: когда меня будут принимать, я расскажу все...»*

...Леньку задержали на третьей краже: первая — голуби у Евсиновых, вторая — велосипед и третья — квартирная.

В камере предварительного заключения, куда он попал, сидел парень с татуировкой на груди. Орел с распластанными крыльями терзал ягненка. Парень без интереса выслушал откровенные новенького и сквозь зубы процедил:

— Статья вторая Указа. — Помолчал минуту,

пренебрежительно разъяснил: — До пятнадцати лет тюремного заключения. Только ты не падай духом. Тебе семнадцать — несовершеннолетний. Дадут пятерку, и крышка!

Парень хотел добавить еще что-то, но Леньку вызвали на допрос.

В светлом кабинете за столом сидела девушка — лейтенант милиции. Ленька хмуро посмотрел на нее и отвернулся.

«Секретарь. Тоже, наверное, следователя дожидается».

Он не знал, что вызвавший его на допрос следователь — женщина — Астра Федоровна Кузнецова.

— Что, Ленька, не нравлюсь? — улыбнулась она, как будто прочитав мысли мальчугана.

Ленька отвечал неохотно, настороженно. Астра Федоровна поняла, разговор не получится, и грустно заметила:

— Не думала я, что ты трус.

— Что?! — приподнялся Ленька. — Я боюсь?

Пяти лет тюрьмы?!

И он со всеми подробностями выложил свою историю, рассказал о Червонце, который заставлял его красть, о велосипеде, о голубях и о третьей, последней, краже.

Завязалась беседа. Астра Федоровна рассказала Леньке о том, как проводила расследование по убийствам, грабежам, крупным мошенничествам. После допроса-беседы следователь отпустила мальчугана домой. Он не ждал этого. Очутившись на свободе, Ленька и обрадовался и погрузился. Да-да! Ему было стыдно, что он бросил школу, работу. Паренек переживал не зря. Именно эта его черта и заставила Астру Федоровну хлопотать о Леньке перед начальником управления. Ее называли упрямой, но дело прекратить согласились.

Через неделю Кузнецова устроила Леньку в ФЗУ. С этого времени он запросто бывал у Астры Федоровны на работе. Брал книги, спорил о жизни и мечтал тоже когда-нибудь стать следователем.

После окончания ФЗУ его направили на работу в район. Астра Федоровна пришла на вокзал проводить своего «крестника», теперь уже настоящего человека.

...Прочитав письмо, Астра Федоровна начала писать Леньке рекомендацию в комсомол.

Гражданский долг

Получая значок «Отличник милиции», Лукман Шайхутдинов ответил по уставу на поздравления начальства, а когда торжественная часть закончилась и товарищи стали крепко пожимать ему руку, смущенно заметил:

— Почему наградили именно меня? Я не сделал ничего особенного. Ни вооруженных преступников, ни грабителей я не задерживал. Служу, как и все.

— А в универмаге? — спросил кто-то.

— И там не только моя заслуга. Мне рабочие помогли. Дело было так...

Закончив службу, Лукман Шайхутдинов решил зайти в универмаг. В этот день у Лукмана было семейное торжество — день рождения дочери Гульмарьям. Молодой отец решил подарить имениннице платье. «И дочь обрадуется подарку, и жена будет довольна», — с улыбкой

думал Лукман, направляясь к дверям универмага.

Но у самых дверей старшего сержанта вдруг остановилась плачущая девушка.

— Товарищ милиционер, товарищ милиционер, — говорила она сквозь слезы. — У меня только что деньги вытащили. На костюм копила... Семьсот рублей... Я у фотогазеты стояла, а он... Парень возле меня стоял... Он в магазин ушел.

Шайхутдинов расспросил девушку о парне, узнал его внешность, одежду и быстро принял решение: организовать наблюдение за всеми тремя выходами из магазина. «Но как это сделать? Позвонить в отделение и вызвать наряд? За это время преступник выскользнет из магазина и скроется». Тогда старший сержант остановил нескольких граждан, которые оказались рабочими одного из свердловских заводов, и коротко объяснил им суть дела. Те охотно согласились помочь милиционеру.

Перед закрытием универмага поток покупателей хлынул во все двери. Лукман стоял у центрального входа. Он заметил парня, который пробирався на улицу, прячась за спинами людей. Лукман крепко взял его за локоть.

— Он это! Он! — взволнованно сказала девушка.

Подшли рабочие — помощники Шайхутдинова.

— Такому бы слону скалы ворочать, — заметил коренастый комсомолец, окинув преступника взглядом с головы до ног, — а он по карманам шарит. Слякоть! Тьфу!..

Лукман Шайхутдинов поблагодарил рабочих за помощь. Один из них ответил ему за всех:

— Не стоит благодарить. Мы выполнили свой гражданский долг. С такой гнилью, — кивнул на преступника, — все должны бороться.

Лукман Шайхутдинов

Растет старинный город...

ГОРОДА нашего края

КУНГУР

Нередко еще бывает так, что о каком-либо городе мы знаем только лишь по какому-то одному, чаще всего случайному, но «общеизвестному» признаку, да этим и довольствуемся. Так, Тула издавна считалась городом самоваров, при упоминании Вязьмы вспоминали «печатные» вяземские пряники, а Курск, конечно, связывали с соловьями. И, хотя в Туле, вероятно, уже совсем не делают самовары, в Вязьме не пекут печатных пряников, а в Курске, помимо соловьев, есть замечательные заводы и фабрики, все равно, так уже ведется среди людей, не желающих обогащать себя какими-то иными знаниями, кроме привычных, общеизвестных.

Вот, например, Кунгур. Если ехать в поезде дальнего следования и выйти в коридор вагона, когда будет остановка в Кунгуре, то обязательно услышишь:

— А, Кунгур! Ледяная пещера...

Верно, есть около Кунгура ледяная пещера, одна из самых больших в мире, настоящий дворец под землей, ежегодно привлекающий к себе тысячи туристов. Но кунгуряки вправе обидеться, когда о их городе вспоминают лишь в связи с этим, хотя и замечательным чудом природы, но мало, вернее, почти ничего не говорящем о самом городе. А о городе есть что сказать и помимо этого: о богатом прошлом его, о

славных трудовых буднях сегодня, о перспективном будущем.

Взять хотя бы историю. За триста с лишним лет чего только ни повидал Кунгур, один из старожилов края. Вот даже родился он, как это ни странно, не один раз, а два. Основали город в 1649 году, а через 13 лет дотла сожгли его враждовавшие с русскими насельниками башкирские и татарские феодалы. Пришлось

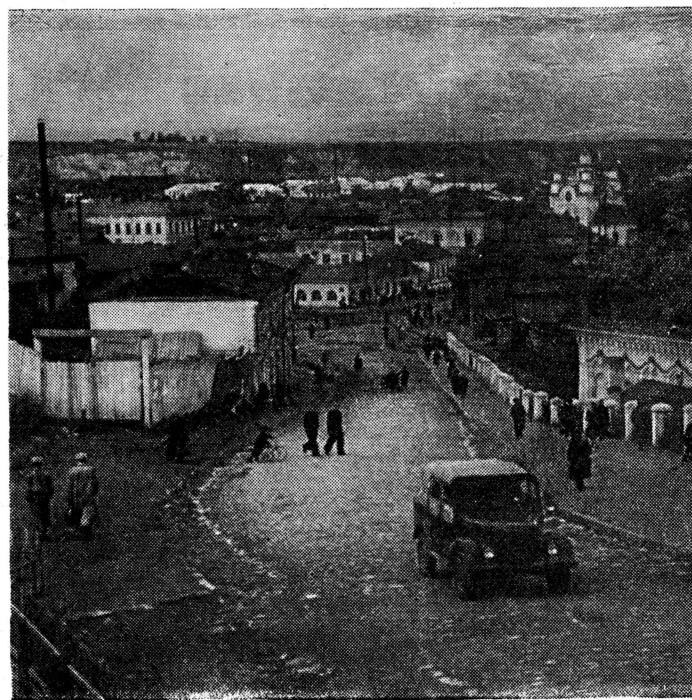
город строить заново, уже на другом месте, там, где сейчас он и стоит, — на высоком берегу у слияния двух крупных рек, Сылвы и Ирени. На этот раз отстроили добротно, прочно, надежно: крепость со сторожевыми башнями, кремль, земляной вал...

Место, выбранное для города, оказалось удачным: здесь прошла дорога из России в Сибирь. Молодой город быстро богател,

снабжая хлебом и продуктами животноводства северные районы края и выгодно торгуя с Востоком. Кунгурская кожа и изделия из нее пошли во все края страны. Знаменитым городом стал Кунгур.

Теперь уже мало кто знает, что Кунгур когда-то был одним из первых на Урале центров мелкого железодельного производства. В 1704 году он выдал стра-

Спуск к Сылве.

не свыше 1000 пудов прекрасного железа. Местные кузнецы-умельцы славились далеко за Уралом. Однажды лучших из них специальной грамотой вызвали в Москву ремонтировать какие-то хитроумные ружейные замки. Левши-то, оказывается, не только в Туле жилали!

Стоит вспомнить и о том, что медная промышленность Урала тоже, пожалуй, началась с Кунгура: в окрестностях его в начале XVIII века работало несколько заводиков, перерабатывающих медистые песчаники.

А разве не интересно узнать нынешним школьникам, что одна из первых горнозаводских школ на Урале была создана тоже в Кунгуре, ее основал в 1721 году известный В. Н. Татишев. Екатеринбург и Пермь тогда еще в помине не было.

Один из крупных городов края в начале XVIII века, Кунгур вскоре (с 1737 года) стали административным центром огромной «Пермской провинции». А с 1759 года в нем помещалось Пермское управление горными заводами. В 1760 году в городе было 2330 жителей мужского пола, а в Екатеринбурге — только 338, в Челябинске — 192.

Правда, лет через 20—30 после этого Пермь и Екатеринбург обогнали Кунгур, потеснили его и в других отношениях на второй план, но у него осталась слава важного для края города-ремесленника. Кунгурская юфть (сорт кожи) считалась первой по качеству во всей стране.

Многое еще могут рассказать о своем городе кунгуряки. И то, что еще в середине прошлого века у них строились одни из первых в России «самоходные суда», то есть пароходы. И то, что имя города можно встретить в каждом учебнике геологии — кунгурским веком назван один из отрезков пермского периода. И о жарких боях под Кунгуром пугачевских отрядов. И о славных страницах революционной борьбы кунгурских рабочих и крестьян.

Не забудут здесь рассказать вам и о своем земляке Кирилле Хлебникове — знаменитом путешественнике, исследователе «Русской Америки», ставшем членом-корреспондентом Российской Академии Наук. Вспомнят и о завещанной им городу богатой библиотеке, в которой было много редких книг, рукописей и карт, в том числе и рукописный экземпляр грибоедовской комедии «Горе от ума». К сожалению, открытая в 1840 году библиотека со временем была растеряна, погибла и значительная часть хлебниковского архива... Но, может быть, они еще и найдутся в Кунгуре?

Это интересные кусочки истории города.

А сегодняшний Кунгур разве не интересен!

Правда, он пока еще не может похвастаться вереницами кварталов многоэтажных домов, просторными магистралями, одетыми в асфальт и бетон, многообразием удобного транспорта, коммунальными удобствами. Но ростки всего этого уже видны то здесь, то там. Еще нет многоэтажных кварталов, но они будут, ведь в городе ежегодно сдается в эксплуатацию до 300 строений. Невелик еще город, всего лишь 60 тысяч человек живет в нем, но скоро будет больше: экономисты и планировщики составляют свои перспективные расчеты, исходя из цифры в 100 тысяч — столько жителей будет в Кунгуре в не таком уж далеком будущем.

Кунгур — по-прежнему город-ремесленник, город-труженик. По-прежнему далеко за пределами края знают его продукцию.

Советские турбобуры — установки для глубинного нефтяного бурения — известны во всем мире. Американские промышленники, кивавшие превосходством своей техники, вынуждены были с конфузом признать, что ничего подобного нашим турбобурам у них нет, и волей-неволей стали покупать их у нас. А знаете ли вы, что турбобуры изготавливает кун-

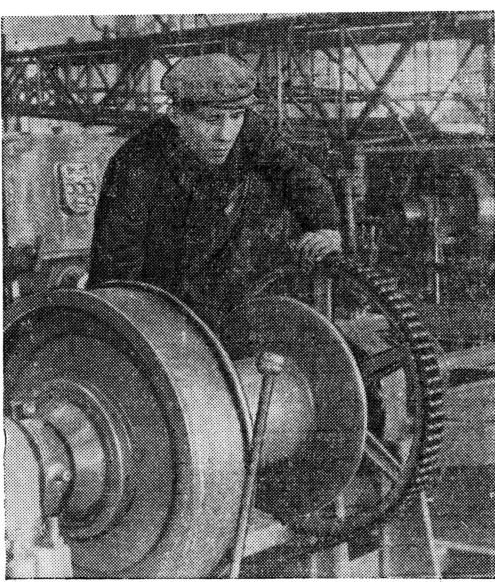
В умелых руках Ани Васюковой кусок камня становится художественным изделием.

гурский завод нефтяного машиностроения? Надо знать! А то будет как-то несуразно: американские промышленники хорошо знают это, а вы нет.

Побывал кунгурский турбобур и в Брюсселе на Международной выставке. Иностранцы с уважением осматривали его и, глядя на фабричную марку, повторяли, запоминая имя не известного до этого в Европе приуральского города.

Не расстался Кунгур и со своей многолетней славой «кожевенного» города. Двести двадцать пять лет (с 1724 года) выделяют в нем замечательные сорта кожи и разнообразные изделия из нее. Кунгурская юфть многие годы считалась непревзойденной. Начиная с маленьких пинеток, которые самые юные граждане нашей страны впервые в жизни обувают на свои ноги, кончая изящными модельными туфельками и огромными охотничьими «болотными» сапогами, выпускает кунгурский кожевенно-обувной комбинат. Теперь это мощный комплекс предприятий, оснащенных передовой техникой.

Удобная для сплава леса река Сытва, по берегам которой раскинулся город, определила и еще одну отрасль его промышленности. Леспромхоз, сплавная конто-

В цехе, где рождаются нефтебуровые машины.

ра, лесозавод, мебельная фабрика — на этих предприятиях лес проходит все стадии своей «второй жизни», от хлыста в лесосеке до красивого дивана, буфета, стола. Загляните-ка на заднюю спинку вашего дивана, не из Кунгура ли он?

Вместе с турбобурами из Кунгура в далекий Брюссель ушли на Международную выставку небольшие, тщательно упакованные ящики с изделиями местной камнерезной артели, своеобразными по стилю, красивыми изделиями из местного камня-ангидрита. Многие из них — дело рук молодых камнерезов, воспитанников местной камнерезно-художественной школы.

Хорошо знают марку кунгурских предприятий строители нашего края: гипс и изделия из него, кирпич, керамика ежесуточно вагонами уходят на стройки.

Гордятся кунгурыки и живописными окрестностями своего города. Недаром здесь размещено несколько известных на Урале домов отдыха, а зона между Кунгуром и районным центром Усть-Кишерть объявлена заказником.

Многое еще могут рассказать вам кунгурыки о своем городе, с хорошей, незапамятной гордостью, с верой в еще лучшее будущее его.

Юр. КИН.

По следам слова

ПРОВЕРЬТЕ СВОЮ ФАМИЛИЮ

Есть уральская фамилия — Окулов. Произошла она от мужского собственного имени Окул. Это древняя русская передача греческого имени Вукол, что в переводе означает — бычий пастих. От имени Окула в Зауралье есть селения с названием Окулова. Такое произношение греческого слова на русский лад узаконено веками. В селе Шутинском, Катайского района, Курганской области, Окулов — распространенная фамилия. Носителем ее был и герой гражданской войны Филипп Егорович Окулов.

Но вот появляются в местных газетах статьи, где Окулов превращен в Акулова. С какой стати людям вздумалось производить старую русскую фамилию от названия морской рыбы? Вряд ли предки шутинских Окуловых слышали об акулах.

Есть также широко распространенная на Урале фамилия Пиньжаков. И вот видишь, как эта фамилия то и дело искажается в Пиджаков.

Исказители думают, что фамилия происходит от французского слова «пиджак», которое вошло в русский обиход лишь во второй половине XIX столетия. Между тем уральская фамилия Пиньжаков появилась свыше трехсот лет тому назад и происходит от реки Пинеги в Архангельской области. Выходцев с поречья Пинеги и вообще жителей тех мест и прежде звали и теперь зовут «пиньжаками». Отсюда образовалась и фамилия Пиньжаков, а то просто Пинжаков, бытующая наравне с вариантами ее: Пинженин, Пинежин и Пинегин.

Искажения фамилий даже самими их владельцами встречаются нередко. Кукаркин — некоторые произносят Кухаркин, полагая, что это от слова «кухарка». Неверно! В Кировской области есть город Советск, прежде называвшийся Кукарка. Название произошло от марийских слов «кугу» — большой и «кар» — город. Значит, правильными фамилиями будут: Кукаркин, Кукаре-

тин и Кукаровцев. Кукарекин, Кукурекин, Кокорекин, Кокаровцев — все это недоразумения. Но есть и Кукарский, эта фамилия церковного происхождения: кто-то из служителей церкви, живший в Кукарке, не имел фамилии и записал отданного в семинарию сына — Кукарский.

Или вот в газете «Красный Курган» появилась заметка за подписью Бочанцев. Носитель ее думает, что она происходит от слова «бок». А ведь окончание «цев» говорит о принадлежности к какой-то местности или народности. И верно. В старое время теперешний город Тюменской области Ялуторовск назывался Бачанкой или Бачанской слободой, вот отсюда, а не от «бока», и происходит эта фамилия.

Пора нам не стихийно писать свои фамилии, а относиться к ним сознательно. В этом — залог годливой культуры.

Вл. БИРЮКОВ,
г. Шадринск.

НАША ОСКАРОВНА

Рисунки С. Киприна

Резкий звонок у входной двери разорвал ночную тишину. Яков¹ быстро поднялся с постели, наспех накинул пальто и шагнул к выходу.

— Это Логинов,— сказал он, возвратившись.— В Челябинске провал... просил выйти, сообщит подробности.—Торопливо оделся, бросил на ходу: — На всякий случай приготовь «спички» (так назывались секретные документы).

Но не успел муж выйти из комнаты, как раздался грубый окрик: «Ни с места! Вы арестованы!» В дверь, пропустив вперед Логинова, ввалились вооруженные белогвардейцы...

Наступило утро 31 марта 1919 года. После тщательного обыска Якова и меня с ребенком отправили под охраной в колчаковскую контрразведку и развели по разным комнатам.

Вскоре в помещение, где находилась я, ввели еще одну арестованную. Измученное лицо, кровоподтеки — было видно, что ее уже пытали. Но, увидев меня с маленьким сыном, она улыбнулась и, взяв Шурика за ручки, проговорила: «А здравствуй, маленький крамольник!»

Это была Мария Оскаровна Авейде. Выданная тем же предателем Логиновым, она подверглась жестоким пыткам в застенках, устроенных белогвардейскими палачами во дворе Верх-Исетского завода.

¹ Партийная кличка руководителя большевистского подполья в Екатеринбурге Антона Валека (о нем смотри «Уральский следопыт» № 2 за 1958 год).

Затем колчаковцы перевели ее в здание белой контрразведки.

До сих пор я знала Марию Оскаровну лишь со слов Якова. И теперь, встретившись с ней, почувствовала, какое огромное обаяние исходило от этой женщины. В тяжелые дни я нашла в ней прекрасного товарища, узнала подробности о ее революционной работе...

После провала Пермской организации РСДРП в 1904 году молодая революционерка Мария Авейде приезжает в Пермь, чтобы помочь наладить партийную работу.

Приближались революционные события 1905 года. Авейде уже в Екатеринбурге, активный работник штаба революции — Екатеринбургского комитета РСДРП. Партия временно вышла из подполья, и Мария Оскаровна с утра до вечера на заводах города, с рабочими: разъясняет, агитирует, зовет к борьбе. Она умела так просто и задушевно беседовать с людьми, что быстро завоевывала любовь и уважение слушателей. «Наша Оскаровна», — говорили о ней екатеринбургские металлурги и печатники, токари и железнодорожники.

Революционные события разгорались. В Екатеринбурге, как и по всей стране, возникают Советы рабочих и солдатских депутатов. Авейде деятельно участвует в их создании, в подготовке и проведении Уральской областной партийной конференции. С маленьким ребенком на руках она находит время посещать организо-

ную Яковом Михайловичем Свердловым нелегальную школу агитаторов и пропагандистов.

Началось наступление контрреволюции: погромы, аресты. Умер маленький сын Марии Оскаровны. Но она продолжает борьбу, помогает спрятать оружие, спасти партийную типографию.

Все же в 1906 году Авейде была схвачена и брошена в тюрьму. Но даже здесь Оскаровна не растерялась: из заключенных она организовала социал-демократический кружок.

Выйдя из тюрьмы, Мария Оскаровна уезжает в Самару и там продолжает революционную работу. Она очень любила детей, и у себя дома обучала ребятшек, отцы которых томились в тюрьмах или были на фронте...

После Октябрьской революции Авейде создает в Самаре школу агитаторов для пролетарской молодежи. Когда летом 1918 года Самару захватили белочехи, Мария Оскаровна уходит с товарищами в подполье. Снова арест, и «поезд смерти», направляющийся в Сибирь. Тринадцатилетний сын Авейде тайком уходит на фронт, к красным.

Но и на этот раз попытка белых расправиться с Оскаровной не удалась: Авейде бежит с «поезда смерти». Она приезжает в Челябинск, а оттуда по заданию Урало-Сибирского бюро подполья направляется вновь в Екатеринбург для работы в тылу колчаковцев. Поселившись под именем Марии Петровны Матвеевой, она

помогает Валеку создавать подпольные «пятерки» на предприятиях города.

И вот опять тюрьма, пытки. Но я видела, что Оскаровна духовно не сломлена, хотя знает, что ее ждет смертный приговор: предатель Логинов, спасая свою шкуру, подробно рассказал белым о революционной работе Авейде.

Сердечность и простота этой маленькой голубоглазой женщины быстро расположили к ней моего сынишку. Вспоминая о своих детях, она тоже привязалась к нему, мастерила для Шурика из газетной бумаги кораблики и птички.

Иногда заключенных в сопровождении вооруженной охраны выводили подышать свежим воздухом. Как-то тихим весенним вечером во время прогулки Мария Оскаровна, обняв меня за плечи и глядя на звездное небо, печально проговорила: «Мир так велик и прекрасен, а я чувствую себя, словно в глубокой темной яме. Так мало удалось сделать для революции, для партии!»

К пыткам палачей добавились бессонные ночи: избитое тело болело, и Авейде не удавалось прилечь на скамью, покрытую ее стареньким пальто.

За день до суда офицер-белочех прямо в камере устроил Авейде очередной издевательский допрос. Коверкая русские слова, он обратился к ней:

— Скажи-ка, комиссарша, как ты комиссарила в своей Совдепии?

— Я учительница, учила детей,— спокойно возразила Мария Оскаровна.

— Ну, хорошо. А здесь, у нас (чех так и сказал «у нас»), чем ты занимаешься?

— Я и здесь учительствовала... у нас,— делая ударение на слове «нас», ответила Авейде.

Так... так... ну, а того... в бога ты веришь? Когда поведут тебя туда... священник тебе понадобится?

Мария Оскаровна облокотилась на стоящий рядом стул, глаза ее вызывающе блеснули:

— Я не верю в бога, и священник мне не нужен. Лучше оставьте его для себя, вам он скоро самим понадобится!

Получив такой отпор, офицер растерялся и прекратил допрос. Сидя невдалеке, я с восхищением следила за Оскаровной, вышедшей победителем из этого словесного поединка с врагом.

6 апреля состоялся военно-полевой суд. Группа наших товарищей, в том числе

Авейде и мой муж Антон Валец, была приговорена к смертной казни и переведена в камеру смертников. После долгих просьб мне разрешили свидание с мужем.

Входя в камеру, я ожидала увидеть подавленных, мрачных людей, но ошиблась. Яков взял на руки Шурика, а Мария Оскаровна, радостно улыбаясь, протянула мне свежую газету:

— Читали? В Венгрии победила революция, там Советская власть! Нет, наше дело не убито!..

Она вслух прочитала мне статью. Как попала газета в камеру смертников, я не знаю.

Товарищи, которым через несколько часов предстояло расстаться с жизнью, держались стойко и мужественно. Никто из них даже одним словом не выразил страха или сомнения в правоте своего дела.

Это была моя последняя встреча с мужем и Марией Оскаровной. На другой день, на рассвете 8 апреля 1919 года, на

опушке густого леса за Верх-Исетским заводом пьяные белогвардейские палачи зарубили шашками наших товарищей: Антона Валека, Марию Авейде, Лизу Коковину, Вальтера, Вожакова, Самуила Буздеса, Голубя, Брода.

А утром 15 июля распахнулись камеры екатеринбургской тюрьмы. В город вступила 28-я стрелковая дивизия под командованием Владимира Азина. На улицах вновь развевались красные знамена. Где-то за Шарташом еще раздавались выстрелы. Царство Колчака на Урале кончалось...

Радостная улыбка надежды: «Наше дело не убито!» — такой осталась в моей памяти эта маленькая обаятельная голубоглазая женщина, стойкий революционер-подпольщик — Мария Оскаровна Авейде, «наша Оскаровна».

Р. Я. ВАЛЕЦ,
член КПСС с 1919 года

В. Ф. Гудов

Смелый замысел

Кандидата технических наук лауреата Сталинской премии Василия Федоровича Гудова знают как изобретателя аппарата, сшивающего при операции кровеносные сосуды. Тысячам людей спас жизнь чудесный аппарат. Но для неутомимого изобретателя это уже пройденный этап. Десятки других, еще более дерзких, новаторских замыслов волнуют его. Сейчас Василий Федорович работает над новой интереснейшей проблемой. Он решил помочь незрячим, дать слепым *электроглаз*.

Механизм зрения загадочен и сложен. Сетчатка глаза перерабатывает лучи света в сигналы, посылаемые по зрительным нервам, словно по проводам, в кору головного мозга. Здесь, в зрительном

ЗРЕНИЕ *без глаз*

центре, вспыхивает свет — возникают изображения окружающего нас мира. А если глаза нет? Гудов предлагает поставить вместо него миниатюрный телевизионный передатчик, который по танталовому «кабелю» (в пять раз тоньше человеческого волоса!) необходимые сигналы в мозг. Изображения появляются там, как на экране телевизора.

Эксперты сказали: „Да!“

Заявка на электроглаз рассматривалась ученым советом Министерства здравоохранения Советского Союза и Экспертным советом Комитета по делам открытий и изобретений. Смелая идея вызвала единодушное одобрение. Решили открыть специальную лабораторию для опытов.

Только кое-кто из робких, боящихся всего нового высказался против.

— Где это видано, чтобы без глаз видеть? — возмущенно удивлялись они.

Пусть маловвер твердит свое «нет-нет». Семьдесят экспертов сказали «да».

Кот в очках

Перенесемся в лабораторию, которая вот-вот откроется. Мы присутствуем на одном из чрезвычайно интересных опытов.

Посредине светлой, заставленной аппаратурой комнаты на огороженной

площадке сидит черный кот. На голове у него мешок из плотной бумаги. Возле него безбоязненно шныряет яркая мышь. Кот чует добычу, нервно мяукает, однако не двигается с места. Бедняга кот слеп.

Лаборантка сдергивает мешок с головы кота. На его мордочку одет аппарат, напоминающий очки авиатора. Это электроглаз. К затылку прикреплен многожильный провод, соединенный с никелированным прибором, похожим на полевой бинокль. Не успела лаборантка сдернуть мешок, как кот прыгает и ловит мышь. В ту же секунду на стене вспыхивает серебристый экран. По нему мечется гигантская тень мыши. Биологические токи, переданные многожильным проводом, вызвали на экране изображение, возникшее в мозгу кота.

Кот увидел мышь! Мы убедились в этом дважды.

„Я вижу свет!“

Перенесемся в будущее.

Прошел год, другой, третий... Ученые проделали немало экспериментов и доказали, что животные могут видеть без глаз. Профессор Иргин, хирург Боткинской больницы, приступает к очередной операции. Он удаляет у больного опухоль в мозгу и заодно подключает к находящемуся рядом зрительному центру многожильный танталовый «нерв», ведущий к электроглазу. Все идет, как по писаному.

Что-то произойдет, когда слепой, у которого удалена опухоль, очнется от наркоза?

— Я вижу свет!— воскликнет больной.

Весть о блестяще удавшейся операции подхвачена газетами. «СЛЕПОЙ ПРОЗРЕЛ! ЭЛЕКТРОГЛАЗ ДЕЙСТВУЕТ!»— протянулись через всю страницу заголовки. Письма!.. Письма идут профессору в Боткинскую больницу — на русском, арабском, китайском, индийском и других языках. Люди всех стран просят: «Дайте электроглаз». Удовлетворить всех пока нет возможности. Спешно созывается международная конференция. Обсуждается вопрос, как снабдить народы искусственным зрением.

Электроглаз каждому!

На земле — восемь миллионов слепых. Они стали зрячими. Нет больше необходимости издавать громоздкие книги, на-

печатанные выпуклыми точками для чтения пальцами. Не нужны теперь палочки с резиновыми наконечниками, которыми люди в черных очках нащупывали некогда дорогу. Не делают и черных очков. Зато созданы заводы, тысячами выпускающие электроглаз.

Слабовидящих лечат в поликлиниках, пропуская через сетчатку глаза и зрительные нервы особые токи, возбуждающие, восстанавливающие зрение.

Через некоторое время электроглаз научились подключать к мозгу без операции. Прибор-колпачок надевается на верхнюю часть головы, как шапочка, и поддерживается, подобно радионаушникам, гибкой пластинкой. Человек видит справа и слева, спереди и даже сзади! Видит близко и далеко, поворачивая ручку регулятора.

До чего дошло! Слепые оказались в лучшем положении, чем зрячие. Даже те, у кого прекрасное зрение, хотят приобрести электроглаз. Шоферы, моряки, астронавты... Им нужно обозревать все вокруг, проникать взглядом далеко-далеко, сквозь туманы и звездные пространства. Они снабжаются прибором в первую очередь.

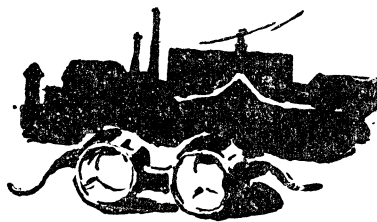
Люди овладели всевидящим оком, единственным обладателем которого, согласно легенде, был бог, парящий в небесах.

Таково недалекое будущее замечательного изобретения.

* * *

В осуществлении научной идеи Василия Федоровича Гудова заинтересовано все человечество. К изобретателю присоединилась группа энтузиастов-инженеров и техников. Исследователи добьются успеха. Мечты ученого станут действительностью.

М. ИСКРИН

ВСТУПЛЕНИЕ В ЖИЗНЬ

Беседа с председателем
школьного колхоза «Юный труженик»
ВИКТОРОМ ТРОИЦКИХ

Прошлым летом в селе Калинино — районном центре Пермской области — ребята местной средней школы провели интересный опыт. Выехав в одну из бригад колхоза «1 Мая», старшеклассники организовали свой школьный колхоз «Юный труженик».

Корреспондент «Уральского следопыта» побывал у калининских ребят и попросил председателя колхоза «Юный труженик» Виктора Троицких рассказать о том, как они трудились и жили в колхозе.

— Интервью, значит? — улыбнувшись, спросил Виктор.

Что же, надо привыкать и к этому: уметь руководить — уметь и передавать опыт. Нисколько не конфузясь и не играя «в большого», он серьезно и обстоятельно ответил на вопросы этого первого в его жизни «интервью».

— Как организовался ваш колхоз?

— Еще весной, обдумывая, как лучше провести нам свою трудовую практику в колхозе, мы решили, что правильной всего будет, если мы поживем и поработаем в таких условиях, в каких нам придется жить и работать взрослыми. Вот и надумали создать свой школьный колхоз. Перед тем, как поехать, выбрали председателя, бригадиров, звеньевых, поваров и даже фельдшера. Выбрать постарались лучших учеников-пятерочников. Только эти наши выборы оказались не во всем удачными. В школе иной учится словно бы и хорошо, пятерки хватает, а в жизни знания свои применить не может, да и с людьми работать не умеет. Когда приехали в поле, пришлось немного изменить состав нашего правления.

— Чем занимались ваши «колхозники», каковы успехи и доходы колхоза?

— Сделали, надо сказать, немало. Всех работ и не перечислишь. Кукурузу сажали, удобряли ее, пололи. Помидоры еще, капусту. Ну, конечно, картошку, повозились с ней изрядно. За клевером ухаживали: пололи, дустом посыпали. От этого урожай его получился в три раза больше обычного. Прополки много всякой было, пшеницу, вику обхаживали. Да, вот еще силосование. До сих пор, поди, колхозные коровы наш силос едят.

Это только сказать легко — силосование, а сколько трудов приняли, даже бывалые колхозники удивлялись нашей настойчивости и азарту. Силосную яму зачищали по колено в воде, совсем заплывла осыпью. Поуставали, измазались, а все же очистили. Утром встаем, а в ней опять вода — ночью ключик подземный пробился. Девчата чуть не в слезы. Ну, от слез, конечно, воды в яме не убавится, а прибавится. Поэтому полезли снова в нее, выкачали воду, «заплату» сделали, и добились-таки своего — приготовили емкость под силос.

Были еще у нас и такие труды, которые в плане хотя и не стояли, а делать-то надо все равно. Жиле себе, например. Готового-то ведь не было, пришлось ремонтировать для себя дом, благоустроить его, столовую на открытом воздухе устраивать.

Ну, это все слова. А вот цифры. Они убедительнее, конечно. Мы посеяли и обработали 1,5 га кукурузы, 15 га овса и ржи, 3 га пшеницы, 2,5 га вики, 6,4 га картофеля и 5 га клевера. Силоса заложили 137 тонн, сена заготовили более 262 тонн. Вывезли 550 тонн навоза.

Почти на 100 тысяч рублей создали материальных ценностей, да и сами заработали около 15 тысяч.

— Довольны ли были ребята своим колхозом? Что он им дал, чему они научились?

— Да ведь как за всех ответишь? Думаю, что все были довольны, если говорили перед отъездом, что еще бы на одну смену остались. Сдружились все крепко, сами понимаете, коллективно трудились, коллективом тесным жили, острые углы характера при этом пообтерли, научились подчинять свою волю воле коллектива. Были среди нас такие, которых раньше хотели даже из школы исключить, а теперь и имена их при этом упомянуть не надо, кто старое помянет... Словом, хорошие ребята стали.

Научились, конечно, многому. Вот, например, Таня Ташкинова. Приехала она к нам в школу недавно из Перми. Сельское хозяйство только по книгам знала — чистая «горожанка», ничегошеньки в поле делать не умеет. Как вилы держать — проблема для нее. Тяжеленько ей вначале пришлось. А посмотрели бы вы на нее потом — заправская колхозница!

С Сашей Х. тоже конфуз был вначале — лошадь не умел запрягать. Послали его на конюшню, а он смолчал, не сказал, что не умеет, думал просто это. Ну, пришел. Лошадь, конечно, видит, что к ней неумеха пришел, и не очень уважительно к нему... Словом, сбила она его с ног. Однако Саша не сдался, одолел-таки премудрость, научился, а о происшествии с лошадью никому ни гу-гу.

А самое главное, почувствовали мы себя взрослыми, поняли, что пора по жизни не экскурсантами ходить, а полноправными хозяевами и работниками. Какие трудности встречались, самим решать надо было, на старших оглядываться некогда, не игра ведь, а настоящее дело. Что посеешь, то и пожнешь. А сеешь-то народное добро, это понимать надо. Ответственности!

Сознательность выросла. Был такой случай, расскажу о нем, только имени опять не назову: зачем, если дивчина хорошим трудом завоевала себе право не поминать лихом ее прошлые ошибки. Была у нас, ну, скажем, Маша. Попривыкла где-то отлынивать от работы, и у нас хотела продолжать это же самое. Пололи мы грядки. Все полют, как полагается, а она щипнет немного, да и в кусты, загорать.

Ей и замечания не сделали, только смотреть на нее стали косо. И видит дивчина, что она одна, как белая ворона, все трудятся, а она прохлаждается. Стыдно ей стало. Принялась и она за дело, как следует. А когда рабочий день кончился, все пошли отдыхать, смотрим, нет нашей Маши. Где она, сбежала, что ли? И, что вы думаете, Маша-то, оказывается, тайком в поле осталась и допоздна свою норму заканчивала.

Мы ей про это ничего не сказали, будто не заметили.

— А каковы ваши планы на будущее?

— Планы, прямо сказать, большие. Нынче мы... (тут Виктор смутился и почему-то вздохнул). Школе нашей нынче дают 32 га земли. В полное хозяйствование на круглый год. Есть мысль создать уже не колхоз, а учхоз — учебное хозяйство. И научиться вести его так, как ведутся передовые сельскохозяйственные предприятия. В колхозе мы были вроде временные какие-то: практика кончилась — уехали домой, и все. А тут полностью всем хозяйством от начала и до конца ведать придется, да так, чтобы не в убыток было. Сложно, но интересно.

Тут нам пришлось задать Виктору не совсем обычный для интервью вопрос:

— А чего же ты вздохнул, Виктор, когда в планах стал рассказывать?

— Вздохнул-то? Да жалко стало, что в этих планах я уже принимать участия не буду. Конечно нынче школу, десятиклассник я...

— И куда же ты думаешь идти из школы?

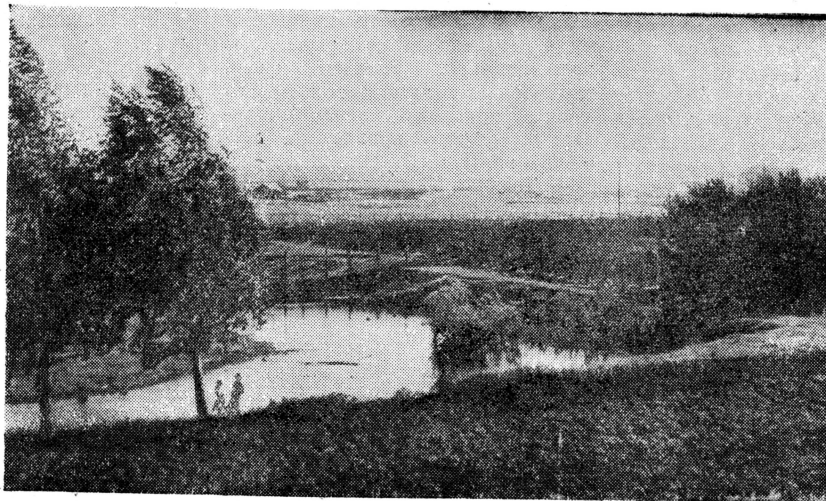
— Да вроде двух мнений нет — в сельское хозяйство куда-нибудь. Механизатором. Я ведь не только в школе, успеваю еще вечерами на курсах шоферов учиться. Ну, трактор немного знаю, машины сельскохозяйственные. Думаю, что пригодится все это. Уеду к отцу в Бырму, там трудиться буду. В жизнь вступать.

— Желаем тебе успеха! И всем вам, юные калининцы, успехов и радостей в труде и в учебе!

СВОИМИ РУКАМИ

Второй год существует капитальная плотина, запрудившая речку Доловку. Ее сделали ребята из Печеркинской сельской школы Пышминского района. Образовался красивый пруд. Он нужен для орошения пришкольного участка.

Фото И. ШУБИНА

До следов товарища Андрея

Евгений АНАНЬЕВ

От нашего корреспондента

Дерзкий побег, но...

18 июня 1911 года. Ночь. Томская пристань вся в движении, в суматохе, в разногласном шуме. Приземистый однотрубный паровоз «Колпашевец» только что дал первый гудок, вот-вот он отправится в далекий северный рейс по Нарымскому краю. Быстро сновали по покатоному трапу пассажиры, с грохотом катились вниз бочки.

Вдруг весь шумливый люд как-то притих, съжился.

— Дорогу!— раздались грубые голоса.— Стража идет!

На берегу, у самого трапа, слабо освещенного огнями паровоза, остановилась небольшая группа. Пять стражников и три арестованных. По простой, но чистой одежде, по спокойному, независимому виду легко можно было определить, что это политические ссыльные.

Стражники ждали, пока очи-

стится трап. А рядом появился мужчина в замасленной кепке и сапогах, похожий на мастерового. Выждав удобный момент, он приблизился к одному из арестованных, совсем еще молодому человеку, невысокому, худощавому, в пенсне, едва прикрывающем пронзительные, темные, очень внимательные глаза; волосы его были не прикрыты, черная смолистая шевелюра привлекала всеобщее внимание.

— Товарищ!— мастеровой оглянулся по сторонам и тихо спросил:— Товарищ, Андрей, какими судьбами?

Арестованный усмехнулся, ответил неожиданно густым, сочным басом:

— Судьбами обычными. В ссылку. В Петербурге взяли, товарищ Туркин.

Потом шепотом добавил:

— Следите за моими действиями. Явки старые?

И, перехватив едва уловимый

утвердительный кивок, равнодушно отвернулся в другую сторону. Стражник подозрительно посмотрел на мастерового.

— Не разговаривать! Ну-ка, иди своей дорогой.

Арестованных провели на палубу.

Кто же был этот черноволосый басовитый молодой человек?

...Царская охранка уже хорошо знала и опасалась руководителя уральских большевиков Якова Михайловича Свердлова, по партийной кличке «товарища Андрея». В предыдущем году он был сослан на три года в Нарымский край, а через четыре месяца бежал. Екатеринбург, Нижний Новгород, Петербург... Снова арест и ссылка в Нарымский край, теперь уже на четыре года. И вот, проехав в арестантском вагоне через всю Россию, он вместе с двумя товарищами должен был отправиться под усиленным конвоем к месту ссылки.

...На палубе становилось вселюднее и люднее. Расстояние между стражниками и пассажирами сокращалось. Одна из торговок, рослая сибирячка, поставила свои тяжелые, остро пахнущие рыбой корзины чуть не под ноги конвойным. Угрюмый стражник прикрикнул на нее:

— Эй, тетка, разуй глаза! Не видишь, куда прешь?

Но торговка оказалась не из робких. Она находчиво огрызнулась, утверждая свои права, обругала стражника. В ссору вмешалась вся охрана и некоторые из пассажиров. Вспыхнула всеобщая перебранка.

Она продолжалась не больше двух-трех минут. Но этого оказалось достаточно. Свердлов ловко вывернул из-за спины конвойных, нырнул в толпу, сорвал на ходу кепку с Туркина, натянул ее и быстро, сохраняя полное спокойствие, двинулся с парохода на берег.

На пароходе раздалась полицейские свистки. Разъяренные конвоиры метались по палубе. На помощь им примчались полицейские и добровольцы из купеческих приказчиков. Обыскали весь пароход, всю пристань. Но им удалось схватить только мастерового, который пытался унести вещи Свердлова. Это был политический ссыльный Николай Туркин. Его арестовали и бросили в томскую тюрьму.

«Колпашевец» ушел на север без ссыльного Якова Свердлова. А надзиратель Буньков в полной растерянности докладывал по начальству:

«...18 июня Свердлов незаметным образом, при большом сте-

чении народа на пароходе скрылся...»

С помощью товарищей Свердлов надеялся раздобыть деньги, документы и снова приняться за подпольную работу.

Но эсеро-меньшевистское большинство томских ссыльных откало Свердлову в помощи, постановило, чтобы он вернулся в ссылку, якобы для того, чтобы не подводить всю колонию ссыльных. К тому же, большие беды грозили и Николаю Туркину, который так неосторожно пытался спасти вещи Свердлова на пароходе.

Пришлось подчиниться и отложить удачно начатый побег. Но как это сделать? Прийти с повинной в полицию? Этого Свердлов позволить себе не мог. И он поступил так, что самое его возвращение прозвучало, как пощечина бездарным сыщикам, которые уже отчаялись найти беглеца и, скрепя сердце, вынуждены были писать донесение о своем промахе в Петербург, высокому жандармскому начальству.

...Через четыре дня с той же пристани отходил следующий пароход «Василий Плещеев». Та же сутолока, то же торопливое движение толпы. Невысокий, черноволосый молодой человек незаметно прошел в каюту парохода. Но перед этим бросил в ближний почтовый ящик письмо. Государственный преступник Яков Свердлов с издевкой сообщил томскому тюремному инспектору, что он «случайно» отстал от парохода «Колпашевец» и следующим рейсом отбыл в город Нарым, где и явится к местным властям.

В Максимкином Яру

Пароход «Василий Плещеев» плыл по Оби. В конце июня у этой могучей реки особенно величественный вид. Широкий разлив далеко раздвинул берега, то и дело вспархивают стаи диких уток, кругом безлюдье, молчаливое и настороженное.

Свердлов стоял на борту парохода. Река, как всегда, успокаивала, бедрила. Не случайно еще месяц назад он упоминал в одном из писем: «Куда бы ни послали, будет река. Не Обь, так Енисей или Лена, все многоводны, а мне большего и не требуется, как истому волгарю».

Весть о прибытии Свердлова в Колпашево мгновенно облетела всех ссыльных. Расспросам не

было конца. А местное начальство, уже прослышавшее о дерзком побеге, на всякий случай арестовало Свердлова и посадил в каталажку, в соседнем с Колпашево поселке Тогур. Затем томский губернатор Гран приказал отправить Свердлова в самое глухое селение Нарымского края — Максимкин Яр.

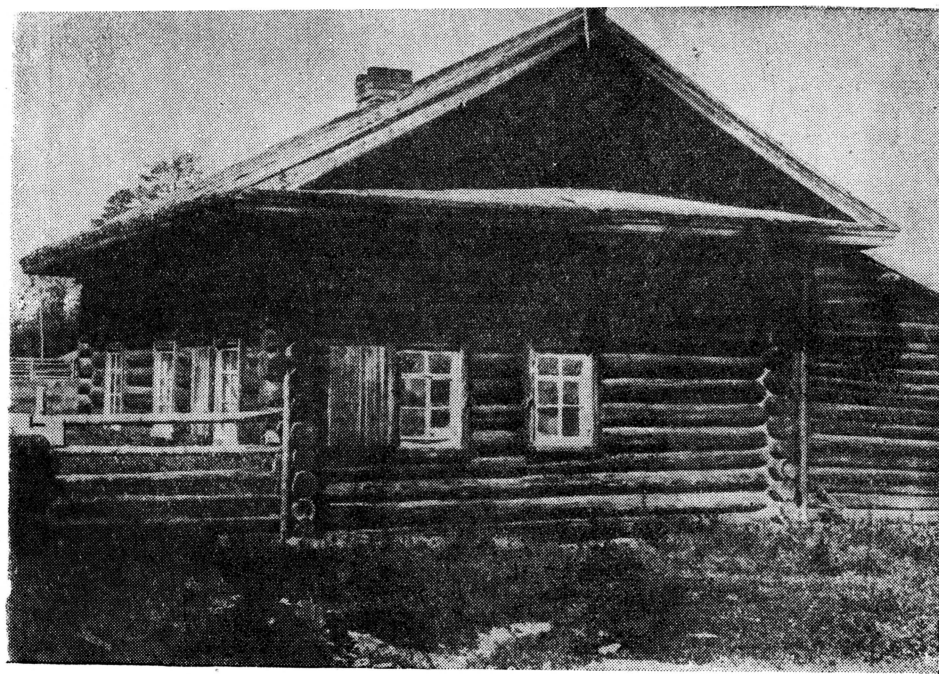
За несколько дней общения с товарищами Яков Михайлович успел связать Нарымскую ссылку с революционным подпольем, рассказать о решениях партии, передать явки, наметить людей, которым нужно в первую очередь организовать побег.

В начале июля ссыльные провожали Свердлова в далекий путь по реке Кети. Были снаряжены две большие весельные лодки, которые в Сибири называются завознями. Яков Михайлович с двумя специально назначенными стражниками сел в переднюю лодку; во второй ехали семья конвойных и их домашнее добро. У Свердлова был все тот же злополучный сундучок и сверток с постелью, которые полиция переслала из Томска. В углу сундучка лежали бережно припрятанные лимоны. Они береглись не как лакомство, не как лекарство от цинги, а для более важной цели — тайной переписки с товарищами. Свердлов не оставлял мысли о побеге.

Путешествие было трудным. Гребцы, выбиваясь из сил, вели лодки против течения. Как все таежные реки, Кеть причудливо изгибчива. Порой приходилось

Изда в селении Максимкин Яр, где жил Я. М. Свердлов.

тратить целый день, чтобы проехать версту по прямой. Густой, непроходимый лес подступал к самым берегам, найти место для ночлега было нелегко, нестерпимо жалили комары. Напуганные предупреждениями начальства, стражники глядели на Свердлова свирепо. Из-за него их сорвали с насиженных мест, послали к черту на рога. Они не отпускали ссыльного ни на шаг от себя, многозначительно шелкая затворами по каждому поводу.

Вот, наконец, и Максимкин Яр... С его обитателями, бедными охотниками и рыбаками, дружба у Свердлова наладилась сразу. Основным населением стойбища были селькупы — представители северной народности, которых называли остяко-самоедами, а иногда и просто остяками. Неграмотные и запуганные, они боялись любого приезжего, но простой и дружелюбный ссыльный, к тому же бесплатно лечивший от некоторых простых болезней, пришелся им по душе.

Жил Свердлов на квартире у плотника Егора Кудрина. Это был огромного роста и мрачного вида мужчина с сильными и грубыми, как кувалды, руками. Жена его Даша была намного моложе мужа. Любознательная и приветливая, она заботливо относилась к ссыльному.

Однажды они разговорились. Оказалось, что до замужества Даша училась в Колпашевской школе, мечтала стать учительницей.

— Слушайте, Даша,— предложил Яков Михайлович.—Я, пожалуй, с вами заниматься буду, подготовлю к экзаменам на учительницу.

Вскоре учеба пошла полным ходом. Математика чередовалась с русской историей, литература — с естественными науками. Порой присаживался сам хозяин Егор Кудрин или кто-нибудь из пришедших в гости молодых охотников. Они молча сидели на длинной скамье у стены, вслушиваясь в густой бас учителя.

Однажды вечером в дом Кудриных ворвались стражники Свердлова.

Яков Михайлович спокойно поднялся из-за стола.

— В чем дело?

Один, ничего не объясняя, собрал со стола все записи, а другой с хрипкой сказал:

— Проверяем, как веру, царя и отечество почитаете.

Ученические записи Даши оказались им подозрительными: исчерканы какими-то непонятными фигурами и нерусскими буквами. На следующий день пакет с опасными бумагами был отправлен со специальным гонцом уездному начальству.

Вскоре пришло ответное письмо разъяренного исправника. Опасные бумажки оказались... чертежами к теореме Пифагора.

В тот день Яков Михайлович, встречаясь с ретивыми не по разуму стражниками, улыбался особенно насмешливо.

А Даша Кудрина через год

сдала экзамен, и много лет потом работала учительницей в северных школах. Сейчас она пенсионерка, живет с дочерью-врачом на Дальнем Востоке.

Несчастный случай

Яков Михайлович быстро освоился с жизнью в далеком стойбище. Много занимаясь литературой, он в то же время помогал хозяину ставить «чердаки» — особые рыболовные снасти, возил сено, дрова, ухаживал за лошадьми.

Зимой вместе с остальными максимоярцами Свердлов занялся подледным ловом рыбы. На грошевое ссыльное довольствие прожить было невозможно, приходилось самому добывать пропитание.

Однажды, в начале декабря, отправились на рыбалку целой артелью. Выехали рано, еще до семи утра. Лошади медленно трусили по гладкой ленте реки. Яков Михайлович сидел вместе с рыбаками в санях. В демисезонном пальтишке приходилось часто выскакивать, бежать, чтобы согреться. Рыбаки с сочувствием поглядывали на своего товарища, но помочь ничем не могли: лишней одежды у них не водилось.

Проехав верст десять, артель остановилась около уловистого места. Запустили невод. Вместе со всеми Яков Михайлович тянул его от проруби до проруби. Тяжелая работа заставила забыть о холоде. Только время от времени кто-нибудь растирал рукавицей побелевшую от мороза щеку.

Работа шла. На берегу уже горел костер, и оттуда доносился вкусный запах ухи. Вдруг Яков Михайлович, подтягивая невод, поскользнулся, не удержал равновесие и... упал в воду.

Он едва успел ухватиться руками за край проруби. Подбежавшие товарищи вытащили его, повели к костру. Одежда мгновенно обледенела. Стуча зубами от холода, Свердлов еще силился улыбаться.

Рыбаки быстро разули товарища, один из них, Панов, скинул с себя шубу, завернул в нее ноги Свердлова. В таком виде его отправили на саних в селенье.

Но дома никого не оказалось. Дрожа от озноба, Яков Михайлович принес дров, затопил печку и, чуть обогрелшись, попив горячего чая, лег в постель.

Вечером «купальщика» пришли проводить Ананий Панов и его приятель, остряк Иван Ермолин. Они неловко присели на краешек длинной скамьи.

— Как здоровьице, Яков Михайлович?

Свердлов, к тому времени уже совсем пришедший в себя, весело отвечал хриловатым голосом:

— Замечательно, друзья. Сам удивляюсь, вроде и здоровье небогатое, а тут ничего. Хоть завтра снова на рыбалку.

— Ну, завтра мы тебя на рыбалку еще не возьмем. Отдохни маленько. Вот рыбу принесли, заработанную.

Но здоровье Якова Михайловича, уже подорванное ссылками и тюрьмами, резко ухудшилось. Узнав об этом, нарымские ссыльные решительно потребовали перевести его в места, где есть медицинская помощь. Наконец 14 января 1912 года пришло разрешение: административного ссыльного Якова Свердлова перевести в Колпашево.

Четыре вооруженных стражника сопровождали одного больного человека в стареньком демисезонном пальто. Вот как боялась Свердлова царская полиция.

Максимкин Яр сегодня

Прошлым летом корреспондент «Уральского следопыта» побывал в Нарымском крае. Это теперь богатый, многообещающий уголок растущей приманчивой Сибири.

В маленький поселок, бывший когда-то невольным прибежищем одного из вождей Октября, можно попасть по воздуху. Легкий самолетик «ЯК-12» идет на Максимкин Яр, подо мной расстилаются леса, озера, болота.

И сейчас Максимкин Яр считается одним из самых отдаленных поселков большой Томской области. Чтобы добраться сюда обычным способом, нужно плыть двумя пароходами по одному из крупнейших притоков Оби — реке Кеть.

Невдалеке от Максимкиного Яра начинается ныне заброшенный Обско-Енисейский канал, проложенный еще в прошлом веке.

В соседнем стойбище Орловке по сей день можно порой встретить кочевых охотников и рыбаков — селькупов и эвенков.

Не без волнения ожидал я появления поселка. И, увидев, удивился: неужели это и есть тот самый далекий Максимкин Яр, который в свое время ссыльные называли «таежной мышеловкой»? Вдали показался длинный ряд домов. Река. На другой стороне, на зеленой поляне, пасется пестрое стадо коров. В воздухе тархтит вертолет, похожий на огромную стрекозу. А из окрестных лесов вырастает решетчатый силуэт нефтяной вышки, поставленной не так давно геологоразведчиками. Все это сразу настраивает на определенный лад, дает почувствовать большие изменения, которые произошли и в этом далеком уголке страны.

Председатель Верхне-Кетского сельсовета Николай Никанорович Комаров ведет нас по поселку. Он, его давний житель, приехал сюда юношей.

— Какой был старый Максимкин Яр?—вслух раздумывает Комаров, повторяя мой вопрос.— Пройдемте, посмотрим. Когда я приехал, здесь стояли вот такие дома.

Он идет высоким берегом протоки Курьи, время от времени останавливаясь около отдельных домишек. Впрочем, их можно заметить и самому: по скособоченным ветхим стенам, почерневшим доскам и другим печальным свидетельствам неумолимой старости.

— Здесь Панов жил, Ананий Поликарпович. Это Ермолиных дом. Здесь еще один, даже не знаю, кому принадлежал. Всего семь домов на берегу стояло, часовня, церковь и поповская баня. Вот и весь Максимкин Яр. А теперь... Посмотрите!

Председатель сельсовета с удовольствием показывает на новые дома, на большое здание сельского клуба и библиотеки, на

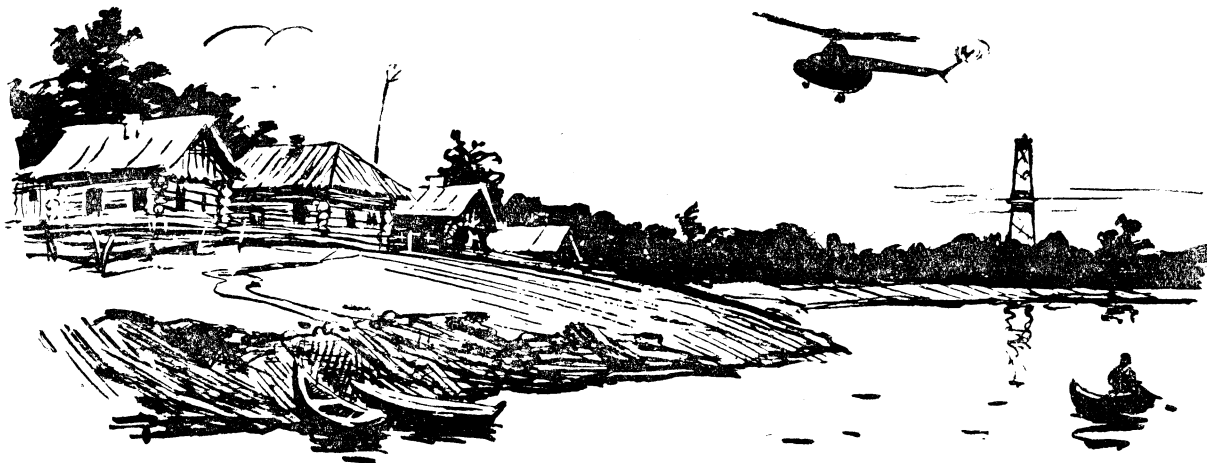
пышную зелень огородов, разросшихся в этом северном краю, некогда совсем не знавшем земледелия.

— Немного цифр, — говорит Николай Никанорович.— Когда Яков Михайлович был здесь в ссылке, в Максимкином Яре жило человек тридцать. Нынче же у нас 120 хозяйств, жителей около четырехсот человек. Это только в Максимкином Яре, а ведь рядом выросли и другие поселки. Вот, например, Степановка. Там была нехоженная тайга, охотники-селькупы, с которыми часто бывал и Свердлов, выслеживали в тех местах зверя. А сейчас на месте тайги — крупный поселок, строится огромный леспромхоз. Кстати, другой, еще больший Полуденовский леспромхоз мы намерены переименовать в Свердловский. Такое имя и поселку дадим.

За разговорами мы не заметили, как подошли к низенькому, словно ушедшему в землю, домику с потемневшими круглыми бревнами сруба. Его со всех сторон обступили новые здания. Было время, когда этот домик, принадлежавший плотнику Егору Кудрину, стоял на отшибе от поселка и служил жильем ссыльному Свердлову. Чем именно привлек он его? Может быть, приветливым нравом хозяев. Может быть, обособленным положением — никакой стражник не мог подойти к дому незамеченным. Так или иначе, но именно здесь были прожиты Яковым Михайловичем шесть месяцев 1911—1912 годов, до самого его отъезда в Колпашево.

...Поздним вечером, когда мы покидали Максимкин Яр, щедрый сибирский закат, такой же многокрасочный, как у нас на Урале, поливал расплавленным золотом острые верхушки деревьев и стекла домов. Он освещал видную за много километров, пронизанную солнечными лучами нефтяную вышку.

Да, и в этом далеком уголке страны побеждает новая жизнь, которой отдал Свердлов свое пламенное сердце большевика.

13 марта 1959 года — 100 лет со дня рождения
изобретателя радио А. С. ПОПОВА

ПЕРВЫЕ ШАГИ

О детских и юношеских годах Александра Степановича Попова мы сейчас знаем только из воспоминаний близких ему людей. Мой отец Владимир Васильевич Словоцов — сын родной сестры Александра Степановича, Екатерины Степановны — часто рассказывал нам о маленьком Саше.

В семье своей сестры мальчик бывал часто, а с ее мужем Василием Петровичем Словоцовым, моим дедом, был в большой дружбе. Это был человек умный, увлекающийся, живо интересующийся техникой. У себя во дворе он оборудовал мастерскую, где часто пропадал маленький Саша. Мальчик нередко бывал и в механических мастерских Турьинских рудников.

Как рассказывает мой отец, Саша был самым обыкновенным мальчиком: подвижным, шаловливым, как и его сверстники. Единственное, что его отличало, это любознательность. Он постоянно спрашивал «почему?», «зачем?» и, бывало, своими вопросами ставил в тупик инженеров рудника.

Иногда то, что он видел на руднике, старался воспроизвести в играх. На ручье, протекавшем около огорода Поповых, ребята под руководством Саши сооружали «настоящие» заводы. Перегораживали ручей плотинами, строили водяные двигатели, подъемные машины.

Однажды с Сашей произошел интересный случай. Управляющий рудником инженер Куksинский приехал из Петербурга и привез электрический звонок и гальваническую батарею. Он объяснил Саше принцип их действия, и мальчик тут же из пустых бутылок с отбитыми горлышками воспроизвел подобие батарей. Это было первое знакомство Саши с электричеством. Затем он смастерил электрический звонок, а вскоре из найденных на

Александр Степанович Попов был большим любителем фотографии. Этот снимок он отпечатал на специальной фотобумаге, изготовленной им самим.

чердаке старых часов-ходиков соорудил электробудильник.

Конструкция была несложной. Под часами Саша укрепил небольшую линейку с отверстиями. В отверстие вставлялся металлический штырек. Когда гирька часов спускалась до штырька и соединялась с ним, звонок резким сигналом будил своего хозяина.

Но вот однажды, это было летом, будильник разбудил мальчика среди ночи, зазвенев громче обычного. Саша был удивлен. Через несколько минут вновь раздался резкий звонок, за ним еще и еще. Будильник звонил все чаще и громче. А окно в это время начали освещать молнии, и вдали раздались раскаты грома. Начиналась гроза. Ничего не мог понять маленький конструктор, но смутно чувствовал, что между звонком будильника и грозой есть связь.

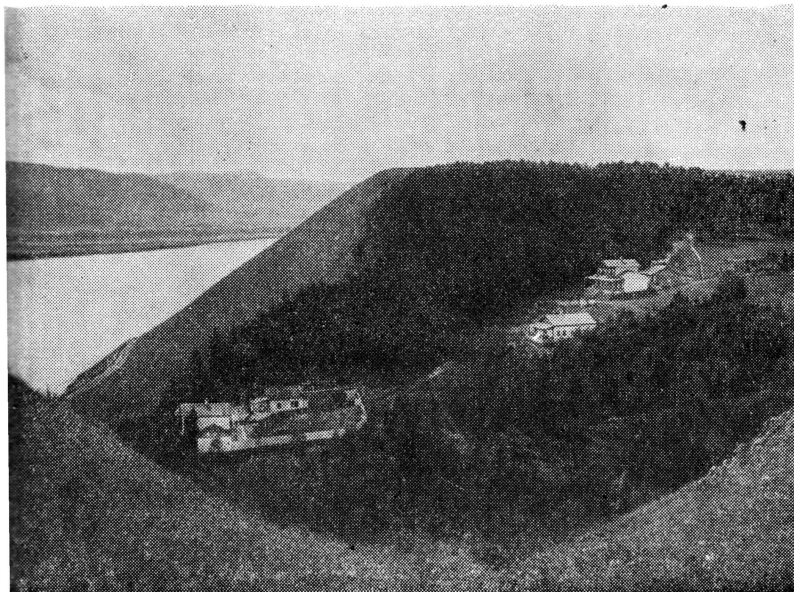
Впоследствии изобретатель «грозоотметчика» Александр Степанович Попов часто вспоминал этот случай.

Наступила зима 1868 года. Кончилось детство. Сашу Попова определили в Далматовское духовное училище. Но мальчика не интересовали предметы, которые преподавали в училище. Приезжая на каникулы, Саша занимался самостоятельно физикой и математикой. Своих любимых занятий он не оставлял и в духовной семинарии. Здесь он изобрел «телефон» — незатейливый самодельный аппарат из двух трубочек с натянутым рыбным пузырем.

После окончания семинарии он и думать не хотел о духовном сане. Он рвался в Петербург в университет. Все лето 1877 года Александр Попов готовился к сдаче экзаменов. Одновременно все в той же мастерской Василия Петровича Словоцова он мастерил тарантас, в котором должен был отправиться в далекий путь.

И вот в один из уральских летних вечеров из Турьинских рудников на самодельном тарантасе Александр Попов вместе со своими сестрами поехал в Петербург, чтобы вписать новую страницу в замечательную книгу русской науки.

М. ГУЛЯЕВА

Из альбома художницы Е. В. ГИЛЕВОЙ.

Летом 1958 года художница Екатерина Владимировна Гилева совершила поездку по Уралу. Она побывала в Ильменском заповеднике, у озера Большое Миассово, на берегу которого раскинулся шумливый студенческий „колхоз“. Члены его — студенты разных вузов, приехавшие практиковаться на биофизическую станцию. Этим же летом Екатерина Владимировна провела несколько недель в деревне Бородулино Сысертского района Свердловской области.

Ниже мы публикуем некоторые рисунки, сделанные ею за это время.

1. В часы отдыха.
Хорошо мечтается
в тени палатки. По-
читать тоже не-
плохо.

2. На берегу озера Большое Миассово.

3. Июнь. Деревня Бородулино.

4. Подружки.
(Деревня Бородулино.)

5. Круто к озеру спускается Гранатовая скала и исчезает в его водах. Если в этом месте внимательно посмотреть на дно, то можно увидеть, как сияют рассыпанные по нему замечательные камни — гранаты.

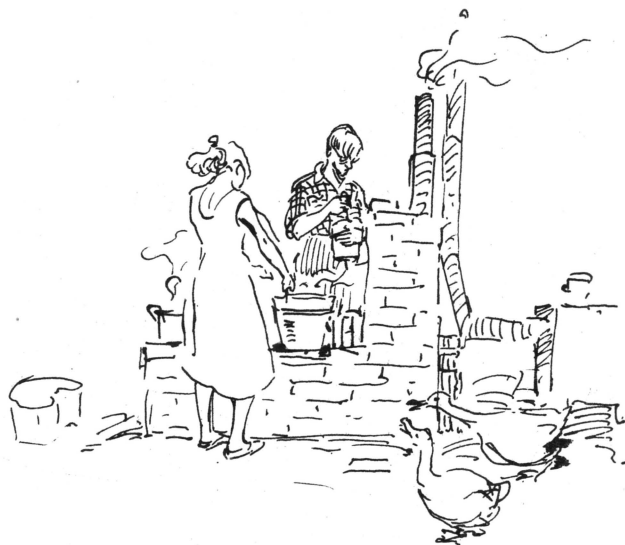
6. Лето началось.
Можно сходить и
за ягодами. (Де-
ревняБородулино.)

7. Октябрь. Над убранным полем, над ле-
сом, одетым в осенний наряд, тяжело
плывут дождевые облака.

9. В студенческом „колхозе“. Обед на воздухе особенно хорош, даже если он сварен в ведре и притом не совсем умелыми руками.

8. Оказывается, уколы делают и камням. (Сотрудники биофизической станции вводят в камни радиоактивные элементы. Они изучают влияние мхов и лишайников на перемещение этих элементов.)

10. В теплый дождливый день на озере. Испарения на глазах преобразуются в облака.

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

*Записки, переданные „Уральскому следопыту“
Геннадием Старковым*

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ЧАСТЕЙ

Студент-альпинист Виктор Трофимов, от лица которого ведется повествование, попадает к снежному человеку (по киргизски гули-бьябон). Действие происходит где-то юго-восточнее Памира. Трофимов подружился со старыми человекоподобными Чо и Аа. Он изучает их жизнь, пытается разыскать своих товарищей-альпинистов и в долгом путешествии с различными приключениями отдаляется от своей цели.

Наконец в далекой долине Трофимов увидел лагерь какой-то экспедиции и устремился к нему.

11

Рассерженная Аа рвала руками траву, порывивала, приседая и подпрыгивая. Бедные мои гули-бьябоны! Как вам растолковать, что я не могу вечно быть с вами, хоть и рад вашему обществу, и нет границ великой благодарности вам за все заботы обо мне. Я же человек настоящий, не снежный, и я должен жить среди людей.

Когда я упрямо двинулся вниз, Аа на-

стойчиво бросалась вперед и вставала передо мной на четвереньки, загораживая дорогу. А старый Чо несколько раз пробовал схватить меня в охапку, чтобы не пустить дальше. Но я раскрыл свой нож и выразительно помахал перед самым носом грустно-свирепого Чо, перед глазами плаксиво-печальной Аа. Тогда они приотстали. Но потом все-таки не раз дружным дуэтом раздавался их отрывисто-визгливый крик, и они снова настигали меня, пытаясь остановить, вернуть.

Во всем виновата моя уральская на-

Окончание. Начало см. в №№ 1 и 2.

За живыми клубами густого белого тумана, сразу охватившего всего меня, я не заметил, что слева был обрыв, и оступился. Нога сорвалась в пустоту, я повалился набок, но край в мелких камнях осыпался, и я съехал всем туловищем вниз, кое-как успев ухватиться за камень побольше.

Камень лежал непрочно и шевелился. Одно неосторожное движение — и я сверзился бы вместе с ним в ущелье. Повиснув на руках, я безуспешно силился подтянуться, выкарабкаться. Но камень с каждой моей попыткой предательски приближался к краю, и мне много стоило, чтоб удерживаться на локтях в клубящемся облаке тумана.

стырность. Уж если уральцу что втемяшится в голову, если он задумал что-нибудь и решил, никакая сила его не задержит. Километр за километром, уступ за уступом преодолевал я, со скоростью матерого архара спускался в долину. Стараясь, чтоб мои гули-бьябоньки не помешали мне, я поминутно оглядывался назад и так спешил, так торопился к цели, что на одной террасе, сам не знаю как, попал в ловушку.

То ли облако зацепилось за угловатую кручу и повисло на краю бездонного ущелья, то ли от шумящего где-то в глубине водопада поднимались испарения, — не знаю. На крошечной терраске справа вставала отвесная стена бесконечной высоты, с нее свешивался голубой, зловеще поблескивающий на солнце лед. Сзади, меж гигантских скал, остался узкий проход, по которому я спустился. Впереди был наклонный неширокий, с полметра, карниз, куда мне и следовало осторожно двинуться дальше. Но с четвертой стороны появилось облако, в него я и врезался.

Я забоялся, что мои верные гули-бья-боны, догоняя меня, пройдут мимо. Вторично сорваться в ущелье, да еще после такой сверхальпинистской многодневной тренировки? Этого еще не хватало!

Я заорал что было мочи:

— А-а-а-а-а!..

И тут же вскрикнул еще, но уже от боли, потому что подоспевшая Аа встала мне на пальцы своей мозолистой, поросшей шерстью ступней. Она что-то заурчала, быстрое и весьма продолжительное, будто начала читать мне нотацию. С детства не могу терпеть нравоучений!

Что она говорила, понять я не был способен. Когда одна рука придавлена тушей, весом более центнера, а вторую еле держишься за край обрыва, и все туловище болтается над бездной, за туманом ничего не видать, ноги судорожно ищут хоть какую-нибудь шероховатость на скале, чтоб зацепиться, — в такие минуты не поймешь и своего родного языка, не то что гули-бьябонского.

А старая Аа с усердием злой няньки все ворчала и ворчала, била себя кулаками в грудь и не собиралась меня вытаскивать. У меня уже мелькнула мысль, что она попросту хочет, чтоб я слетел вниз и больше не причинял им хлопот. Но когда в следующую минуту я, окончательно обессилев, повис на руке, намертво прижатой ногою Аа, стало понятно, что меня спасли.

Подошел Чо. Тоже поворчал немного. Но наклонился надо мною, сгреб меня одной рукой за шиворот, как щенка, поднял и отбросил от края пропасти.

Он, наверное, отчаянно ругался, потому что стал выкрикивать, брызжа слюной и хлопая себя по бокам, такие звуки, которых я не слышал от него прежде.

— Чо! — сказал я тогда как можно более покладисто. — Ну, извини, родной. Больше не буду. Честное слово! Дальше мы пойдем все вместе. Все втроем! Ты же сам понимаешь, что этот обрыв, когда топнишь, заметить мудрено...

Я умышленно произносил длинную-предлинную речь. Хитрил. Когда я говорил, Чо и Аа всегда с удовольствием, с почтительным изумлением слушали, заглядывая мне в рот. Человеческая речь завораживает их, как завораживала слушателей в старых уральских сказках вещая птица гамаюн. Однажды Чо даже заставил меня показать ему свой язык. Долго разглядывал его, подергивая своей косматой голо-

вой, промышал что-то удивленное, а потом несколько раз пытался высунуть и свой язык, чтобы посмотреть.

— Больше не буду отлучаться, честное слово! Чо, родненький!.. — не прекращал я потока слов и на разные лады пережевывал одну и ту же мысль, как на семестровом зачете в университете, когда отвечаешь без достаточной подготовки.

И своей речью я успокоил моих гули-бьябонов, чуть не уснул. Они сели на землю и задремали. А когда они садятся на ровное место, не на возвышающийся камень, им потом бывает очень трудно подняться: надо сначала встать на четвереньки.

Как сейчас, передо мною в памяти стоит этот ясный день. Мы сидим на маленькой терраске среди каменных громад. Печет солнце, стоящее почти над самой

головой. Из пропасти рядом вырываются клубы тумана, вернее, пара: в ущелье бил горячий источник. Благодать! Но я заспешил вниз, в долину, к лагерю, увиденному с вышины, к двум палаткам, где есть люди.

12

Люди!.. Человек!..

Говорят, где-то в Европе есть мимические театры. Когда выберусь из этого каменного плена, попробую организовать такой театр у нас в университете. У меня явные способности мимикой и жестами не только выразить свою мысль, но и сагитировать. Мне удалось уговорить Чо и Аа пойти со мной в долину.

Это было, наверное, потрясающее зрелище, когда перед заходом солнца к лагерю экспедиции Кэнта подошло три человекоподобных существа. Я, оборванный, обросший альпинист, а рядом настороженно сутулящиеся — то ли медведи, то ли гориллы — Чо и Аа.

Мы еще не приблизились и на полкилометра, как весь лагерь зашумел, пришел в движение. Люди с криками «Йети! Йети! Йети!» выскакивали из палаток и бросались наутек в противоположную сторону. Я побежал, чтобы остановить их, Чо и Аа отстали. Когда я домчался до первой палатки, из нее вышел рослый человек с парабеллумом в руке и спросил по-английски:

— Что случилось?

— Икскьюз ми!..— залепетал я. Все английские слова вылетели у меня из головы. Я тут же проклял свою прежнюю лень в университете и мысленно поклялся себе, что засяду за иностранный язык, как полагается.— Я русский альпинист... Вот пришел к вам со своими двумя товарищами. Они гули-бьябоны... Я заблудился... Но все ваши, увидев нас, разбежались... Моя фамилия Трофимов...

Человек с парабеллумом мельком осмотрел меня и вперил взгляд на Чо и Аа, которые стояли вдалеке, переминались с ноги на ногу в нерешительности.

— О-о! — восторженно произнес иностранец и одобрительно цокнул языком, точно так же, как это делал мой Чо, когда чем-нибудь восхищался. Потом спросил по-русски:

— Вы сказали, это ваши товарищи?

— Да,— ответил я. — Это Чо и Аа. Чо трижды спас меня, мы очень подружились.

— Восхитительно! — воскликнул он, хлопая меня по плечу.— Будем знакомы! Меня зовут Кэнт.— Он слабо пожал мне руку, сунул парабеллум в кобуру и кого-то позвал: — Лакхпа! Лакхпа!..

Но из второй палатки, к которой он обращался, никто не откликнулся.

— Ваши все убежали,— заметил я.

— Шерпы! — усмехнулся Кэнт.— Шерпы очень боятся снежного человека, они испытывают священный страх. Я еще не выяснил, с какими религиозными верованиями это связано. Но какие чудесные экземпляры — ваши товарищи!.. — И Кэнт снова уставился на моих гули-бьябонов.

Чо и Аа, убедившись, что никакая опасность им не угрожает, немного приблизились. Мне даже послышалось, как Чо тихонько и дружелюбно свистнул:

— Вить!

— Иди, Чо, сюда! — поманил я его. — Не бойся. Мы немножко отдохнем, проконсультируемся, где находимся, сориентируемся и пойдем дальше.

Я говорил это не столько Чо, сколько Кэнту. Чо и Аа, как существа безграмотные, конечно, не могли понимать слов «проконсультируемся» и «сориентируемся». Но они медленно стали подходить к нам. Кэнт пожирал их глазами.

— Где мы находимся? — спросил я.— Я безнадежно потерял ориентировку. Вы мне поможете разобраться по карте и наметить точный маршрут к нашей границе? У вас ведь есть карты этих краев? Мы, наверное, на Каракоруме?

— Карты? — рассеянно переспросил Кэнт.— Да, где-то есть, конечно.

Он совершенно опьянел от присутствия Чо и Аа. Они подошли, настороженно переглядываясь меж собою и вопросительно поглядывая на меня. Я говорил какие-то пустяки, чтобы голосом, интонацией успокоить их окончательно. А затем не без гордости представил их Кэнту:

— Знакомьтесь: это Чо, мой названный брат. А это Аа — моя сестра. Я с ними брожу по этим каменным краям уже, наверное, больше месяца. И если бы не они, не эти верные друзья, я давно бы погиб... Это Кэнт! Кэнт! — повторил я несколько раз, объясняя моему Чо, что перед ним человек такой же, как я.

— Кхэн!.. — облегченно выдохнул Чо, и все лицо его сморщилось в доброй улыбке.

— Интересно, по скольку лет этому

джентльмену и этой лэди? — весело спросил Кэнт и стал приглашать всех нас в палатку.

Я рассказал ему, что гули-бьябоны предпочитают находиться на открытом воздухе. Кэнт покладисто согласился, быстро развел костер и начал готовить ужин, чтобы покормить нас. Это был очень подвижный, сухощавый пожилой человек с энергичным лицом, на котором сильно выдавались вперед решительный подбородок, орлиный нос, тонкие губы. Одет как альпинист. Короткая, седая и круто выющаяся шевелюра, словно мерлушковая шапочка, заменяла ему головной убор.

Он очень быстро и ловко орудовал, распечатывая аргентинскую тушенку, датский сыр, кубинский сахар. На мое предложение пойти поискать его помощников Кэнт ответил беззаботным смехом:

— О, не беспокойтесь! Придут, никуда не денутся. Им некуда идти без продуктов и снаряжения: до ближайшей шерпской деревни десять дней перехода.

Я так соскучился по живой человеческой речи, что болтал безумолку. Кэнт безупречно говорил по-русски, лишь в некоторых словах можно было уловить на звуке «р» иностранный акцент. Впрочем, он больше помалкивал, только поддакивая или спрашивая, а мой язык словно зале-

жался во рту без движения и теперь работал и работал.

Мистер Кэнт готовил ужин, внимательно слушая меня. Между делом он вынес из палатки новые альпинистские ботинки, куртку и штаны. Я меж разговорами переоделся и продолжал рассказывать о своих злоключениях. Чо и Аа сидели рядом на камнях, тоже слушали меня, будто все понимали, даже кивали в знак согласия и с любопытством приюхивались к разогреваемому в котле мясу. Да и у меня самого от этого аппетитного аромата настоящей человеческой кухни кружилась голова, я еле успевал проглатывать набегавшую слюну.

Кэнт, нарезая хлеб, протянул гули-бьябонам по ломтю. Чо долго и недоверчиво обнюхивал новую для него пищу, исподлобья следя за мной. Я тоже поспешил взять кусок хлеба, чтобы показать, что это съедобно и вкусно. После долгих дней питания сырым мясом не рассчитал силы надкуса, и зубы мои лязгнули. Хлеб был величайшим наслаждением. И после меня Чо с Аа мгновенно съели свои куски, попросили еще, и Кэнт скорчил им почти все свои запасы.

К горячему мясу они сначала не притронулись. Тогда я разложил куски перед ними на камне. Когда мясо остыло, Чо

наклонился к нему, облизался как-то прямо по-звериному и проглотил все дочиста, ничего не оставив Аа, которая, намявшись хлеба, видимо, задремала.

— Чо! Как тебе не стыдно! Обжора несчастный! — пожурил я его.

Но Чо в ответ лишь пробурчал что-то добродушное, потом сонливо помигал смешливыми глазами и придвинулся поближе к костру.

На лагерь Кэнта опускалась ночь.

13

— Давайте, Виктор, немного поработаем, — предложил мистер Кэнт, когда стало совсем темно, и в костре светились только тусклые угольки, подернутые золой. — Я привык работать каждый день, а сегодня еще не пришлось.

Он вынес из своей палатки блокноты и один подарил мне. «В знак величайшей дружбы и уважения», как он сказал. Затем дал и карандаш.

— Заметьте: карандаш советский. Я совсем недавно был у вас в России, я очень люблю русский характер, много читал Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого... Давайте, я запишу все, что произо-

шло сегодня. Кроме того, вы продиктуете мне свои наблюдения над снежными людьми в естественной обстановке, пока в памяти все свежо.

Угли в костре угасли, окончательно покрывшись золой. Кэнт зажег коробчатый электрический фонарь со стеклянными обрешеченными стенками, вроде таких, как у проводников в поездах. Чо спал, уткнувшись лицом в грудь Аа. Она, кажется, бодрствовала. Во всяком случае, я несколько раз видел, как на ее слабо освещенном и неподвижном лице нет-нет, да и приоткроется один глаз. Так делают очень умные сторожевые собаки.

Мы с Кэнтом говорили чуть не до утра. Теперь я припоминаю, как хитро он строил нашу беседу. Он подробно расспрашивал обо всем и подхвалял меня за мужество, за выносливость, за умение сохранить высокий дух в самую тяжелую минуту, даже за то, что я смог питаться сырым мясом пищухи. Я делился своими наблюдениями, а он записывал. Теперь я склонен думать, что Кэнт нарочно изматывал меня вопросами, чтобы я покрепче уснул.

Но тогда мое настроение было столь ликующим, что я ничего не замечал. Кэнт

обещал мне всячески помочь вернуться домой. Он много рассказывал мне о снежном человеке. Чо и Аа, оказывается, наиболее крупные, редкие особи. По свидетельству местных жителей — шерпов — бывают еще и совсем маленькие йети. Кэнт посвятил поискам снежного человека почти половину своей жизни, верил в его существование. Ведь обнаружено же, оказывается, в 1901 году в северо-восточной части Конго крупное животное окапи, о котором никто до той поры не знал. А края, где мы находимся, изучены в двадцатом веке гораздо меньше, чем Африка в девятнадцатом.

Если мне удастся выбраться из этих гигантских горных лабиринтов, я посвящу себя изучению предков человека. Чо и Аа и убитая Уа, несомненно, — родственники ромапитекам, чьи зубы и челюсти, рассказывал Кэнт, найдены на южных склонах Гималайского хребта. А может быть, они сходны с гигантопитеками, чьи остатки обнаружены в пещерах Южного Китая.

Так или иначе, мои гули-бьябоны — «предлюди», наши несчастные дикие предки.

С такими мыслями, помнится, я и уснул под монотонное научное повествование Кэнта. Во сне мне чудилось, что я вместе с Чо и Аа иду по городу Свердловску. Чо — в модном костюме, в ботинках, при галстуке, который ему чрезвычайно мешает. Аа держится за него под руку, но почему-то босая: наверно, не нашлось ничего подходящего из обуви на высоком каблуке. Все трое мы пересекаем улицу, чуть не попадаем под трамвай, еле слышно зазвеневший, и Аа шепчет мне на ухо: — Гу! Гу!..

«Гу» означает опасность. Я невольно проснулся, быстро сунув руку в карман за своим ножом. Ножа не оказалось, я его забыл в старых штанах. Кругом было тихо. Светало. Продрав глаза, я осмотрелся.

Невдалеке стоял Кэнт со связкой каких-то блестящих предметов в руке. А в нескольких шагах от него за огромным камнем притаились Чо и Аа. У Чо было такое страшное выражение лица, что у меня мурашки по спине побежали.

— Гу! Гу! — тихо подавала мне сигнал Аа.

— Уот ду ю ду? Что вы делаете? — закричал я Кэнту неожиданно для себя по-английски.

Кэнт подошел ко мне, бледный и дрожащий. Он сел рядом, обнял меня за плечи свободной рукой. И я с ужасом увидел, что у него целая связка стальных наручников — кандалы не кандалы, но специально сделанные кольца на прочных цепях.

— Молодой человек, — торопливо заговорил Кэнт. — Не будем медлить. Нам с вами надо доставить эту пару йети в Европу живыми. Это в десять тысяч раз эффективнее, чем привезти шкуры. Шкуры могут быть поставлены под сомнение: снежный человек или нет? А живые экземпляры!.. Это понимаете, что такое? Это будет наша с вами слава, как ученых, путешественников, следопытов! Это богатство. Вся Европа будет у наших ног! Все газеты мира заговорят о нас!.. Вся Европа!..

— Зачем мне Европа? — спросил я. — Мне надо на Урал, скоро начало учебного года, а у меня хвост по спецкурсу, надо зачет сдавать...

Помнится, я говорил ему еще что-то подобное, неуместное: настолько был поражен его предложением. Я категорически отказался полонить гули-бьябонов. Ну как я мог предать моего родного Чо, который не однажды выручал меня из беды?

Но Кэнт не унимался. Он заклинал меня помочь ему захватить хотя бы одного. Сам он не сумел одеть наручники: гули-бьябоны очень чутки к опасности.

А мне, по мнению Кэнта, сделать это было бы легче легкого.

— В конце-концов вы русский и большевик, — увещевал меня Кэнт. — Разве не в ваших интересах доставить цивилизованному миру самое веское и живое доказательство правильности учения Дарвина о происхождении человека?

Из-за дальнего хребта, что обрамлял долину, в которой мы сидели, взошло малиновое солнце. Я с содроганием в душе смотрел на связку стальных наручников, брошенных Кэнтом наземь. Красные солнечные лучи пронизывали воздух почти горизонтально, и темно-алые блики засверкали на кандалном металле.казалось, наручники обагрились кровью.

— Как можно? — сказал я Кэнту. — У этих живых существ нет ничего. Ни крова, ни богатства, ни материальных благ. Даже нет одежды. Ни-че-го! Единственное, что у них есть, — это свобода. И вы хотите отнять у них свободу? Нет!

14

Мне удалось убедить Кэнта, что можно заняться изучением гули-бьябонов, не обижая их, относясь к ним, как равный к равным. Кэнт начал лихорадочно исписывать свой блокнот. Весь день прошел спокойно, если не считать мелочей. Кэнт ру-

гался на всех языках мира, когда выяснилось, что кто-то из шерпов с перепугу разбил фотоаппарат. Затем попробовали сбежавших разыскивать в окрестностях. Но Чо с Аа не отходили от меня ни на шаг, и если б даже кто-нибудь из проводников и носильщиков экспедиции Кэнта был поблизости, то все равно убежал бы дальше, увидев гули-бьябонов.

А Кэнт не оставлял мысли осуществить задуманное. Он все время возобновлял разговор на эту тему. Я еще и еще раз говорил о чудовищности его плана — захватить Чо и Аа и увезти в Европу. А он то предлагал мне взять одного из них к себе в Советский Союз, то пулушутя грозил, что сдаст меня местным властям, намекнув, что мы находимся далеко от границы СССР. С какими только подзаходами Кэнт ни пытался воздействовать на меня!

Что я мог сделать? У тех, у кого есть все человеческие блага, и то отнимать свободу — позор. Что я, колонизатор какой-нибудь, что ли!..

И Кэнт менял, как говорится, пластинку, рассуждал о странностях русского человека (советского, — поправил я). Потом начал безудержно хвалить меня, сказал, что уральцы — народ особенный. Я все это старался не замечать. Сильной и красивой выглядела в его комплиментах моя личность.

Наверное, поэтому ночью, когда я вдруг неожиданно проснулся, оказалось, что на мне стальные наручники. Кэнт, только что защелкнув тяжелые браслеты, соединенные цепью, сидел на корточках против меня и светил фонарем мне в лицо.

— Хеллоу, уралец! — зло сощурился мистер Кэнт. — Предлагаю выбор: или вы обеспечиваете мне хотя бы один живой экземпляр снежного человека, и я гарантирую вам доставить вас в Советский Союз. Или я буду вынужден удовольствоваться шкурами, но тогда и какая-то пуля ваша. Свидетелей здесь нет на двести — триста километров вокруг.

Он похлопал по кобуре своего парабеллума.

Я пнул его сколько было сил, сразу обеими ногами. Фонарь погас.

— Чо! Аа! — закричал я по-гули-бьябонски. — Гу!.. Гу!.. Спасайтесь, друзья! Спасайтесь!

В кромешной тьме, к которой еще не успели привыкнуть мои глаза, лишь угадывался откуда-то стреляющий Кэнт. Я прыгнул и кинулся наугад в сторону, при-

сел, сделал еще бросок, но скованные руки не давали возможности быстро передвигаться среди каменных глыб. На мое счастье, следующим прыжком я ткнулся головою прямо в грудь Аа. И еще через мгновение могучие, заросшие шерстью руки подхватили меня, взвалили на спину и понесли.

Выстрелы Кэнта стали быстро отдаляться, редеть и, наконец, умолкли. Глаза постепенно приспособились к темноте, и я начал различать окружающее. Цепи гор вокруг. Цепь на руках. Горы, горы и горы...

Рассвет мы встретили на той самой терраске, где я чуть не сорвался в ущелье, из которого вырывались облака тумана. Я попробовал разбить о камни стальные браслеты на своих руках или хотя бы порвать цепь, соединяющую их. Я в ярости метался от одной скалы к другой, выбирая край поострее. Я колотил увесистыми камнями по металлу. Но тщетно. Наручники были рассчитаны на гули-бьябонов.

Чо и Аа наперебой помогали, едва не вырвали мне руки из плеч, но тоже не сумели ни порвать цепи, ни раскрыть браслетов.

— Понимаешь, ключ у Кэнта, — объяснял я озадаченному Чо, показывая на маленькие отверстия в замках кандалов. — Вот сюда вставляется ключ, поворачивается, и — чик — руки освобождаются. Но ничего, брат, не сделаешь: ключ у Кэнта. Понимаешь, у Кэнта.

Чо буркнул что-то успокаивающее, распорядился ждать его и пошел назад, оставив нас на терраске возле пропасти.

— Дождись темноты. Ночью лучше, — крикнул я ему вслед. Но Чо скрылся.

Мы сидели со старой Аа и смотрели, как над ущельем клубится туман. Пронзенный солнечными лучами, он то переливался радугой, подымаясь легким облаком, то сгущался до снежно-белого и вылетал тяжелыми комьями, устремляясь к влажным скалам в стороне.

Я думал об удивительной догадливости Чо, о его природном уме, о прекрасных чертах сильной природы гули-бьябонов. Неужели Чо удастся достать ключ? Ему, возможно, придется для этого убить Кэнта. А может быть, и Кэнт убьет его. И если даже Чо выйдет победителем, как он отыщет ключ, которого никогда не видел и не знает, каков этот ключ.

Я очень волновался. Я, наверное, ни разу в жизни за все свои двадцать лет не

волновался больше, чем тогда. Внешне спокойная Аа, словно окаменела, и я сперва позавидовал ее тупым нервам. Но потом увидел, что губы у нее, выпуклые морщинистые губы, дрожат, как у девчонки.

— Милая Аа!..

Я пододвинулся к ней, положил голову ей на плечо. И она по-матерински обняла меня.

15

Чо появился неожиданно для нас, потому что мы с Аа задремали на солнышке. Прямо в охапке, как беремья дров, он пригашил обессиленного мистера Кэнта.

У Кэнта был настолько измученный вид, что его стало жалко. Я тряпка. Я пожалел врага. Жалость унижает друга, но врагу придает силы, а, главное, размягчает собственный мозг и делает человека менее сообразительным. Я не догадался улучшить минуту и забрать у Кэнта парабеллум, когда Чо опустил свою тяжелую ношу передо мной. Я вежливенько попросил Кэнта разомкнуть мне наручники.

Он долго шарил по всем карманам, начал хныкать и оправдываться, перемешивая в речи русский с английским:

— Вы поймите меня, мистер Виктор. Вы же сами ин фючюр — ученый человек. Я полжизни отдал проблеме снежного человека. Я должен привезти хотя бы один экземпляр в Европу. Я передал бы его в эксцелент — отличный зоологический сад и стал бы богатым ученым. Я истратил все сбережения на эту экспедицию...

— В зоопарк? — перебил я его. — В клетку?

— Ему там было бы лучше, — настаивал Кэнт. — Здесь, в холодных горах, он все равно вымирающее животное.

— Он не животное! — запальчиво возразил я.

Тут Кэнт, наконец, отыскал ключ и раскрыл мне браслеты. Чо, следивший за каждым его движением, сразу схватил Кэнта в охапку, наверное, чтобы отнести назад в лагерь. Но Кэнт как-то вырвался, отскочил и выхватил парабеллум.

Чо рассердился. Он заревел, как медведь, и ринулся на Кэнта. Я не успел вмешаться. Кэнт выстрелил и попал мне в плечо. Разрывная пуля вырвала клочок мяса, брызнула кровь, и Чо, увидав ее, навалился на Кэнта.

Кэнт поддался не сразу. И пока Чо, подняв на руках, задушил его, прогремело

еще шесть выстрелов. Шесть разрывных пуль бедный Чо не выдержал. Он размахнулся по-богатырски, чтоб кинуть труп Кэнта в ущелье, шагнул вперед, покачнулся и сам повалился в бездну.

16

Плечо мое не заживает. Пока старая Аа вытаскивала мертвого Чо со дна пропасти и замуровывала его по гули-бьябонскому обычаю в скалах, я помогал ей и работой заглушал боль. Но, когда кончили похоронный ритуал, я обессилел, и Аа потащила меня на себе. Потом мы возвращались, мне хотелось разыскать лагерь Кэнта. Не получилось.

Вот уже который день мы идем на северо-запад. Я твердо надеюсь дойти до своей страны. Правда, я ослабел, и двигаемся мы медленно, а этим снежно-каменным волнам пустыни нет конца.

На привалах я делаю эти записи в блокноте, подаренном проклятым Кэнтом. Мы много разговариваем с Аа, я уже знаю, наверное, все слова небогатого гули-бьябонского языка, который состоит из одних только звуков, выражающих то или иное чувство.

Может быть, я не дойду, и старая Аа замурует меня в скалах: ведь я теперь почти гули-бьябон. Мы второй день идем по вершинам какого-то бесснежного кряжа, и я решил, так как и блокнот и карандаш кончатся, сложить на какой-нибудь вершине из камней пирамидку позаметнее и спрятать эти записи. Будет время, и в этих местах пройдут настоящие следопыты и обнаружат приятный сюрприз для себя...

А я все равно дойду!.. И мне будет жаль расставаться со старой Аа...

Я спрашиваю ее, страшно ли ей остаться одинокой. Нет, она не боится одиночества. Она говорит, что разыщет всех остальных гули-бьябонов, расскажет им историю с Кэнтом и строго-настроено накажет всем, чтоб они никогда, ни при каких обстоятельствах не встречались с людьми, тщательно избегали встреч с человеком.

Я плетусь за нею, и голова моя в огне. Ну, как объяснить старой Аа, что люди на земле разные: смотря из какой страны они придут в эти богатые, таинственные края...

На этом кончаются фантастические записки студента Виктора Трофимова.

Однажды...

ОДНАЖДЫ вечером вниз по Оби шел пароход, держа курс на север. Жизнь на судне уже затихала. Вдруг кто-то из пассажиров громко закричал: «Смотрите, плывет медведь!».

Действительно, впереди через реку плыл медведь. Зверь, вероятно, заметил пароход, так как часто поворачивал в его сторону голову. Медведя увидели и в рубке. Рулевой направил судно наперерез зверю. Расстояние быстро сокращалось. Вот медведь совсем уже близко... вот его уже не видно из-за носа корабля... И вдруг воздух огласился жутким звериным ревом. Пароход остановился, но невидимый медведь продолжал реветь истошным голосом. Оказалось, что мишка просил о помощи: когда нос парохода оказался рядом с ним, он быстро вскарабкался на выступающую над водой часть судна, обхватил ее лапами и так каким-то чудом удержался. С большими усилиями и хлопотами вытащили мы бесстрашного пловца на палубу. Среди нас оказался новый неожиданный пассажир.

* * *

ОДНАЖДЫ мы плыли по одному из многочисленных рукавов Оби, там, где в нее впадает темноводный Иртыш. Медленно продвигался катер с грузом. Ветра не было, и на воде стояла гладь. Поэтому люди на катере быстро заметили зверя, переплывавшего протоку между лесистым берегом и голым песчаным островком. Кто это: лось, медведь, северный олень? Катер дал полный вперед и подошел к зверю совсем близко. Это был крупный лось-самец с большими рогами. Среди команды оказались браконьеры. Они решили поймать красивого великана и накинули на рога сохатого веревку, надеясь топорами да баграми прибить лося, как только он выйдет на мелкое место. Напуганный сильный зверь как раз тянул катер к песчаному берегу.

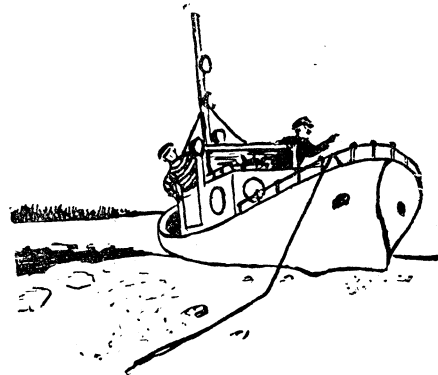
Но вышло совсем по-иному. Лось оказался умней нарушителей. Достигнув мелкого места и почувствовав под ногами дно, он с такой бешеной силой рванулся вперед, что катер пробкой вылетел далеко на отмель. Веревка лопнула. Почувствовав свободу, зверь молниеносно перебежал остров, переплыл второй рукав протоки и скрылся в лесу.

Катер застрял на мели. Он зачерпнул воду и подмочил ценные товары. Стоял октябрь. Неплохо было бы погреться, но песчаный остров, у которого так неожиданно потерпели «кораблекрушение» браконьеры, образовался недавно, и на нем не было топлива. А к вечеру стало совсем плохо: с севера потянулись низкие тучи, подул холодный пронизывающий ветер, пошел дождь, ночью сменившийся мокрым снегом.

Два дня, накренившись набок, уныло стоял катер в протоке. Наконец случайно проходивший здесь пароход, торопившийся на зимнюю стоянку в ближайший порт, снял его с мели.

Так бесславно окончилась злая затея нарушителей охотничьего закона.

В. Н. ПАВЛИНИН,
кандидат биологических наук

ЗАГАДКА ВЕЛИКОГО ПОЛОЗА

Человек все глубже проникает в тайны природы. Все меньше остается на карте мира «белых пятен», куда не ступала нога следопыта, исследователя, ученого. За какое-нибудь полустолетие освоены Северный и Южный полюсы. Глубины океанов и величайшие вершины перестали быть недостижимыми. Советские люди, вооруженные новейшей техникой, прокладывают пути в космос.

И все-таки еще немало тайн природы не раскрыто наукой.

Это порождает легенды и сказки, в которых человек пытается дать фантастическое объяснение не понятным им явлениям. Одна из таких легенд несколько столетий передавалась из уст в уста и на Урале. Павел Петрович Бажов слышал ее от старых рабочих и облек в поэтическую форму «Сказа про Великого Полоза». Вместе с тем писатель заметил, что в основе этого сказа лежали реальные факты и наблюдения, привлекавшие в свое время внимание людей науки.

Интересную догадку о происхождении легенды о Великом Полозе высказывает один из знатоков природы нашего края Г. И. Демидов.

В конце прошлого столетия члены Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге заинтересовались рассказами очевидцев и легендами о существовании на Урале гигантской змеи. Народ называл ее полозом. Попытались собрать сведения о том, где видели полоза. Обратились к литературе. О полозе писали еще в XVIII веке академики Паллас и Лепехин. Более близкие свидетельства содержались в работах ученого Л. Сабанеева.

Вот что написано было в его книге о животных Урала:

«Я был раз свидетелем (в июне 1870 года), как в село Воскресенское прибежал с ближнего поля крестьянин, который в испуге рассказывал, что он пахал землю у канавы¹ и видел огромного полоза, величиною более сажени. Вероятно, этого самого полоза и убили в августе того же года за озером Онкулем, на покосе, у так называемого Ефремова моста, где придавили спящего колесом телеги и заколотили слегаю. По рассказам, этот полоз был 6 аршин (!) длины и толще кисти руки; когда я приехал в Воскресенское и распорядился послать хотя бы за его костями, то его уже не нашли на том месте, и надо полагать, что он оправился и уполз в болото. В конце мая 1871 года также видели двух полозов, но уже в черноземной области — именно в Кумусском лесу; они были по сажени в длину, а толщиной в оглоблю. Это обстоятельство доказывает, что полоз водится не на одном Урале; багарякские старики говорили также, что лет 50 назад в осиннике между селами Багаряк и Конево жил очень большой полоз; кроме того, большой змей, по свидетельству метлинцев, не очень давно водился у озера Кызыл-Таш. На Иткуле (в Каслинском Урале), кажется, и сейчас живет один полоз, как говорили мне воскресенцы и иткульские башкиры.

Из всех расспросов относительно образа жизни полоза можно заключить, что он постоянно живет в болотах, у озер и нередко плавает в воде, оставляя в мелких местах следы своего толстого туловища».

После Сабанеева о полозе никто не писал. Стали искать более свежие факты. Недостатка в очевидцах не оказалось.

¹ Канавы — это остатки канала, соединявшего все Синарские озера с Каслинскими.

Видели громадную змею: крестьянин Белоглазов на Мраморской дороге около села Горный Щит, К. К. Девятон на горе Крон. Сысертские горняки встречали ее у Маркова Камня и на Храпах. А каслинские охотники наблюдали полоза у речки Вязовки, у озера Большой Аракуль и у озера Сунгуль. Уфалейцы заметили змею в Белых степях и у речки Указар.

По следам этих сообщений и отправились члены Общества. Неохотно шли очевидцы показывать места, где они видели полоза. Ни спутники, ни взятое на всякий случай ружье не прибавляли храбрости тем, кто хоть раз повстречал гигантского гада.

Осмотрели места, указанные крестьянами, горняками, охотниками. Никаких результатов. Предложили значительную денежную награду за доставку в Общество скелета или хотя бы кожи полоза. Тоже не помогло.

Может быть, очевидцы просто преувеличивали размеры животного? Как говорится, «у страха глаза велики». Ведь на Урале водятся довольно большие, до 80 сантиметров, гадюки и достигающие метровой длины ужи.

И это предположение отпадало. Гадюк — и серых и черных, а тем более, ужаков — уральское население хорошо

знало. Очевидцы искренне и горячо уверяли, что видели не гадюк и ужей, а именно полоза, размеры которого меньше, чем в сажень, не определяли. А это вдвое превышало длину самых крупных змей на Урале.

В конце концов на полоза махнули рукой. Он остался жить только в легендах, как сказочное чудовище.

И все-таки очевидцы не сочиняли! Они действительно видели нечто, принимая это нечто за гигантскую змею.

Что же это было?

В 1915—1916 годах в южной части Среднего Урала появилась масса опасных вредителей леса — шелкопрядов. Их прожорливые гусеницы истребляли зелень деревьев на огромных площадях. Бедствия похуже лесного пожара. Нужно было принимать срочные меры. Мне, в то время работнику лесного хозяйства, было поручено обследовать степень и размеры повреждений, которые нанесли лесу гусеницы шелкопряда-монашенки. Вместе со мной работал известный уральский энтомолог, крупный специалист по классификации насекомых Ю. М. Колосов.

Обследование мы начали в Каслинском и Кыштымском лесничествах. Поиски вредителя привели нас в горы, близ озера Аракуль, недалеко от железнодорожной станции Маук.

В жаркий июньский полдень мы услышали звенящий, совсем слабый и нежный и вместе с тем устойчивый непрерывный звук. Перевалили через небольшой увальчик и, как вкопанные, остановились среди векового соснового бора. Перед нами была картина, которую мы знали только по книгам.

По солнечной, южной стороне увала, шагах в тридцати от нас, медленно ползла почти четырехметровая, широкая, светло-серая, с металлическим отблеском лента. Головная ее часть была узкой, на вид 3—5 сантиметров, в центре она расширялась до 15—20, а к «хвосту» снова суживалась.

Внешне лента очень напоминала змею. Сходство это усиливалось шелестом, который можно было при некоторой доле воображения принять за змеиный свист или шипенье.

В действительности это была не змея. Перед нами медленно шествовала процессия гусениц так называемого **походного шелкопряда**. Обычно таким правильным походным порядком передвигаются гусеницы дубового шелкопряда. Но здесь были гусеницы соснового шелкопряда. А для них это чрезвычайно редкое явление.

Вдруг Юлий Михайлович как-то странно посмотрел на меня, потом на серостальную ленту гусениц, снова на меня, крепко сжал мои плечи и шепотом сказал:

— Георгий Иванович! Да ведь мы с вами сейчас вековую легенду разрушили!

Ничего не понимая, я смотрел в ши-

В блокнот следопыта

ПЕРВЫЕ УРАЛЬСКИЕ КНИГИ

Наверное, каждый школьник охотно, со знанием дела расскажет о начале книгопечатания на Руси и его основоположнике Иване Федорове. А вот вопрос, когда была напечатана первая книга на Урале, смутит и иного взрослого человека. Ее написал штабс-лекарь Михаил Гамалей. У книги было длинное название — *«О Сибирской язве и ее народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и об осторожностях, бываемых во время падежа»*. Напечатала книгу в 1792 году первая уральская типография, открытая в конце XVIII века в Перми.

В Екатеринбурге книгопечатание началось позднее с момента возникновения так называемой «Горной типографии». В ней издавался объемистый труд И. Ф. Германа «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих». Печатание книги продолжалось несколько лет и было закончено в 1808 году.

И. Ф. Герман, крупный ученый, действительный член Петербургской Академии наук, дал в

своей книге подробное описание 124 заводов, привел историю их возникновения, сведения об оборудовании, описал технологические процессы производства.

В 1810 году в Екатеринбурге вышла вторая книга того же И. Ф. Германа «Историческое начертание горного производства в Российской империи».

Вместе с развитием печатной техники шло развитие бумажного производства. В период между 1810—1820 гг. в Екатеринбурге была открыта первая писчебумажная фабрика купца Верхоходова. Эта фабрика, меняя неоднократно своих владельцев, дожила почти до Октябрьской революции.

Все первые книги, изданные в Перми и Екатеринбурге, в настоящее время хранятся в научной библиотеке Свердловского областного краеведческого музея.

Л. ХАНДРОСС

роко раскрытые торжествующие глаза Колосова.

— Да поймите вы, человечие! Ведь вот он, гигантский-то полоз, вот ползет! — возбужденно закричал он, тыча пальцем в процессию гусениц.

— И цвет тот же, и свист тот же, и длиной больше сажени. Все, как очевидцы описывали!..

Итак, очевидцы не лгали. Они добросовестно заблуждались и столь же добросовестно вводили в заблуждение ученых от Палласа до наших дней. Вековая легенда о Великом Полوزه была разрушена и нашла свое наиболее достоверное объяснение.

А дальше все происходило так: Юлий Михайлович отобрал наиболее крупные экземпляры гусениц в свою коллекцион-

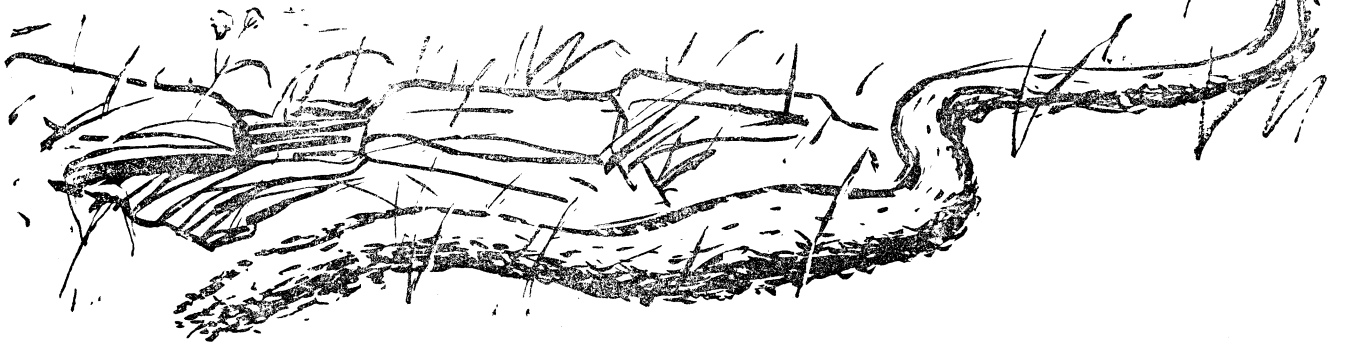
ную банку. Я измерил шагами длину процессии — шесть больших шагов. Прикинули ширину колонны, определили плотность. В голове процессии она была наибольшей, в середине разрежалась и снова уплотнялась к концу. За ним тянулся редкий «шлейф» отставших гусениц.

Словом, перед нами был тот самый змей, тот самый Великий Полоз, который поражал воображение десятков людей разных поколений.

Мы собрались было двинуться дальше, как Юлий Михайлович спохватился:

— Что же мы смотрим, это же враг! Дави их, Георгий Иванович!

И в несколько минут под нашими сапогами Великий Полоз превратился в сероватую кашу.

ЧИТАЙТЕ В № 4 «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»:

«Ильич в Швейцарии» — воспоминания старых коммунистов, рассказанные П. Макрушенко;

«Дедушка Ленина» — заметки архивиста А. Козлова;

«Мукам наперекор» — повесть А. Силакова;

«Артист поневоле» — рассказ А. Булатова из времен гражданской войны;

«Таинственные взрывы на Кукане» — сообщение краеведа Ник. Хрушева;

«Хлеб промышленности» — так В. И. Ленин назвал каменный уголь. О будущем советской угольной промышленности, способах добычи угля и обработки пишет инженер Б. Цывьян;

«О друзьях-товарищах» — воспоминания старой коммунистки А. Н. Бычковой о подпольщице С. И. Дерябиной;

«Укротители пламени» — П. Коверда и П. Чубенко рассказывают о профессии пожарного следователя.

В номере будут напечатаны также стихи Л. Сорокина, Е. Константинова, цветная вклейка с репродукциями произведений каслинских мастеров и другие интересные материалы.

Вместо кровенных сосудов — КАПРОН

Человек лежит на операционном столе. У него поврежден кровеносный сосуд. Большой разрыв вены. «Плохо,— думает хирург,— но сосуд можно сшить». Однако, добравшись до артерии, он понимает, насколько усложняется операция: артерия разорвана пулей на протяжении 2,5 сантиметра.

Приблизить и сшить края артерии невозможно: куска сосуда нет, его разможила пуля. Сначала хирург сшивает крошечными иглками вену, потом приступает к самой трудной части операции: он иссекает разможенную артерию до пределов здоровой стенки, берет прозрачную капроновую трубочку длиной около 3 сантиметров и диаметром 8 миллиметров и вшивает ее на место отсутствующего куска артерии. С артерии убирают зажимы — по капроновой трубочке заструилась кровь!

Впервые кровеносный сосуд был сшит в 1759 году. Но хирурги все чаще сталкивались с такими разрывами, которые сшить было невозможно. Значит, надо замещать разорванную часть сосуда. Но чем?

Делали, например, такие операции. Вырезали кусок подключичной артерии больного и замещали ею отсутствующий участок аорты или крупной артерии. Эта операция была тяжелой, но, самое главное, оказалось, что больше двух сантиметров сосуда вырезать нельзя, да и по диаметру подключичная артерия не ко всякой другой подходит.

Тогда начали брать артерии у трупов. Однако такие сосуды не очень-то хорошо приживались в живом организме. Нередко они были заражены какой-либо инфекцией, и даже при самой тщательной стерилизации не удавалось убить все микро-

бы в пересаживаемом сосуде, так называемом саженце. Кроме того, высушенные в холоде сосуды лишались белков, становились хрупкими и ломались нередко в теле больного.

Решили создать искусственные сосуды. Во всем мире начались поиски.

Из чего только не изготавливали кровеносные сосуды! Замещали их трубочками из стекла и алюминия, покрытого изнутри золотом и парафином. Француз Тюфье применил серебряную трубку со слоем парафина, англичанин Игдэйл — резиновую. Стали делать трубочки из металла виталлиума (сплав кобальта, хрома и молибдена). Эти трубки сначала неплохо приживались в организме, но были неэластичны, поэтому живой сосуд в месте соединения воспалялся, так как металл натирал живую ткань. Все искусственные сосуды часто вызывали болезненные реакции в организме, кровотечение по ним прекращалось.

Обратились к пластмассам и только тут достигли успеха.

Президент Академии медицинских наук СССР А. Н. Бакулев предложил молодому свердловскому хирургу Виктору Крылову заняться этой проблемой. В течение четырех лет Крылов прооперировал 116 собак и установил, что полихлорвиниловая пленка, нейлон, капрон и поливиниловый спирт (ивалон), похожий на губку, являются хорошими материалами для изготовления искусственных артериальных сосудов.

Самыми удачными оказались сосуды из капрона и нейлона. Они легко сши-

ваются, их всегда можно иметь под рукой в нужном количестве, их можно точно измерить. В короткое время, даже на операционном столе, можно приготовить из капрона протез заданного размера и любой формы, вплоть до сосуда с отходящими боковыми ветвями.

Но наиболее интересным и ценным свойством трубочек из этих тканей является то, что стенки их пронизаны множеством мельчайших отверстий.

— Позвольте,— скажете вы,— какое же это ценное свойство? Ведь кровь потечет сквозь такие стенки?!

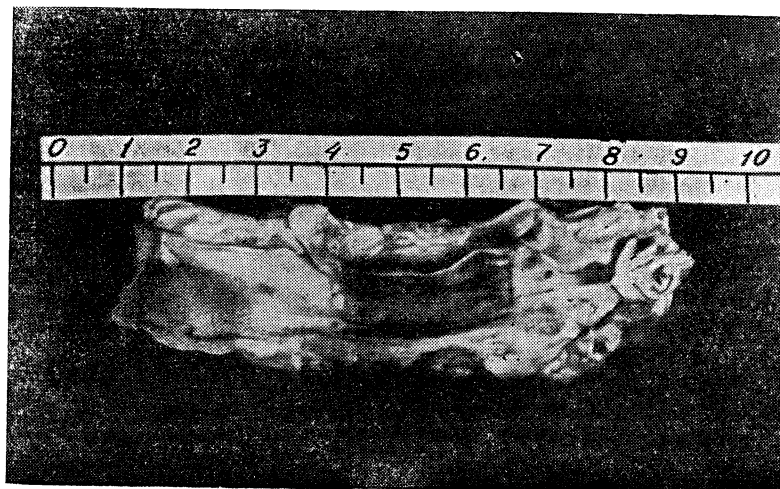
Правильно, немножко крови просочится. Но тут же на стенке трубки образуется тонкий слой свернувшейся крови, так называемый фибрин. Фибрин оберегает текущую по трубке кровь от соприкосновения со стенками, а следовательно, и от свертывания. Постепенно окружающая трубку ткань прорастет сквозь отверстия и заместит фибрин. Капроновая трубочка «вживается» в организм. Это уже не инородное тело, а капроновый каркасик, окруженный со всех сторон живыми тканями и горячей человеческой кровью.

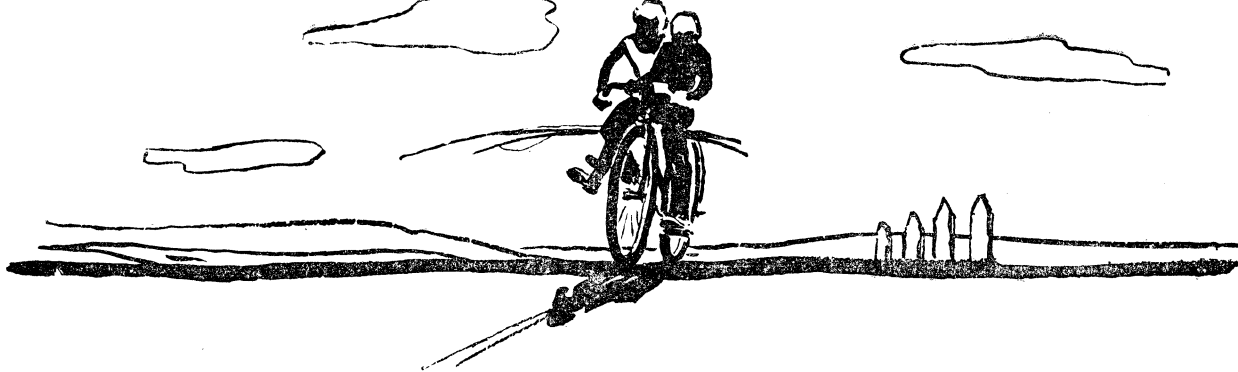
Проблема решена, но хирурги и химики считают, что протезы должны быть еще лучше. Поиски продолжаются.

У нас в Свердловске этим сложным и интересным вопросом занимается хирург института травматологии и ортопедии Виктор Соломонович Крылов. Сейчас он добился того, что вшивает капроновые сосуды длиной до 20 сантиметров!

Б. Берман

На снимке: пластмассовый бесшовный сосуд (в центре — 3 см).

По всем правилам

Рассказ

Вовке было лучше, чем мне. Особенно, когда дорога становилась ровной, и он начинал дремать. Сидеть на раме велосипеда не совсем удобно, но все же ему не надо крутить ногами педали!

Привилегированным Вовка оказался потому, что наш транспорт, то есть велосипед, принадлежал ему. Кроме того, он, а не я, был владельцем таких роскошных удочек: складные бамбуковые удилища, «жилковые» лески, раскрашенные поплавки, да ко всему три новенькие фабричные жерлицы. Таким богачом Вовка стал после приезда к нему дяди из города. В общем, кроме червей, которых я вечером накопал в огороде, все было Вовкино.

Для человека постороннего наша речка покажется неинтересной, она и не на всякой карте есть. Заросли камыша и ракиты местами совсем скрывают ее, но подойди поближе — увидишь и перекаты, где журчит прозрачная, прохладная вода, и глубокие плесы.

Есть у нас на речке заветные места. Ловили мы там рыбы вволю. Но одно дело ловить самодельной снастью все, что придется, а другое — теперь, когда мы решили окончательно и бесповоротно взяться за это по всем правилам искусства. Как-никак возраст, по сравнению с прошлым годом, стал значительно солиднее, и, главное, за зиму под нашу рыбацкую практику была подведена прочная теоретическая основа: от корки до корки изучена книжка «Юный рыболов-спортсмен».

Мы поехали на крупную рыбу, как выражаются маститые рыбаки.

Вот и речка. Продравшись сквозь кусты ивняка и приняв по пути холодный душ росы, мы начали. Раз! — и почти одновременно наши поплавки оказались под водой, а затем в руках у нас — по красноглазому чебачку.

Но не ради них тащились мы в такую рань за десять километров и не для них овладевали теорией и обзаводились снастью высокого класса. Таких «гоминдановцев» можно наловить и дома, за огородом. Мы насадили на крючки по кусочку рыбки — и поплавки снова на воде. Проходит минута, другая — поплавки неподвижны. Неужели ушли? Ведь нам доподлинно известно, что здесь есть окуни. Сколько раз на этом самом месте мы вытаскивали их! И без теоретической подготовки, и на обыкновенные, из конского волоса, лески. А тут — на тебе!

Вовка посмотрел на меня, потом подозрительно огляделся вокруг.

— Может, не тут?

Нет! Вот и место, где разводили костер, а вон и рваные тапочки валяются, я их выбросил еще в прошлом году.

— Куда ты смотришь, зевала? — зарорал Вовка. — Где у тебя поплавков?

В самом деле, поплавок не было. Я рванул удилище через голову, и красноперый красавец окунь тяжело шлепнулся в траву.

— Эко хлещешь! Разве так? Надо выводить потихоньку, не спеша! — напустился на меня Вовка.

— Так ведь я что... Я знаю, помню, — оправдывался я смущенно, трясущимися руками отцепляя добычу.

И тут мимо моего уха просвистело удлище, и прямо в куст позади полетел окунь.

— Понимаешь, не удержался... Черт его знает, как получилось,— начал оправдываться Вовка.— Могло и оборвать, леска тонкая... Давай-ка по всем правилам, а то не долго и до греха.

Начали стараться по всем правилам. Хорошо, окуня такого, чтобы оборвать леску, не попадалось. После того, как поймали по десятку, мы стали даже небольших рыбешек таскать к берегу не спеша, по воде, замучивая, как предусмотрено инструкциями.

Но это быстро надоело. Не сговариваясь, мы решили: пусть уж правила выполняет тот, кто их пишет, а нам давно известно, что окуnek сам кого угодно замучает: попав на крючок, он может жить хоть сутки.

— А жерлицы? Совсем забыли! Давай лови скорее чебаков для наживки,— скомандовал Вовка.

Быстро приготовились. При этом у нас возникли небольшие разногласия: на какую глубину установить поплавок? Но времени на длительную дискуссию уже не оставалось, и, разделив пополам спорное расстояние, привязали к леске большую камышину.

Прошло минут десять — пятнадцать, может быть, чуть больше. Терпение наше кончалось. И вдруг мы со всех ног бросились к жерлице, одновременно схватились за леску.

— Попалась, голубушка! — не своим голосом заорал Вовка, как только мы почувствовали в руках тяжесть.

Мы оба рванули, и оба полетели на траву, держась за обрывок лески.

— А все ты!.. — начал браниться Вовка.

— Почему я? Ты тоже тащил..

Вспыхнула перепалка. Мы уже готовы были подраться. Но напротив нас из воды показалась та самая камышина, что мы привязывали к жерлице. Она вынырнула и двигалась против течения!

Не говоря ни слова, Вовка разделся донага, окунулся в воду, тихонько пошел к поплавку, потом поплыл, потом кинулся наперерез, потом влогонку.

Вот Вовка протянул руку.

— Хватай! Хватай! — закричал я, но камышина ушла под воду.

— Вон она! Вон! Позади!.. Пстой, я ее сейчас!..

С берега мне видно лучше. Но Вовка уже снова подплыл к поплавку, тот исчез под водой, Вовка нырнул за ним.

Наконец торжествующее лицо Вовки лучше всяких слов сообщило мне о полной удаче. Он беззвучно пошевелил губами:

— Есть...

— Держи крепче! — заволновался я.

— Держу. Я леску на руку намотал... теперь не уйдет, — радовался Вовка.

Через минуту огромная щука была на берегу, голый Вовка крепко-накрепко сжимал леску.

Я, стараясь не горячиться, соблюдая все рыбацкие правила по книжке, начал снимать щуку с крючка. Хладнокровно, с расчетом. Слово это был преобывновенный пескаришка.

Но щука правил не изучала, она хлестнула меня хвостом по носу как раз в тот момент, когда я освободил крючок. Хлестнула, изогнулась и выскользнула, прыгнув прямо в речку. Сила у нее, знаете, какая!

— Э-э, — произнес Вовка, да так и замер с открытым ртом.

...Мне всегда везет меньше, чем Вовке, хотя все рыбацкие правила я знаю лучше, чем он.

М. СИТНИКОВ

ИЗУЧАЙ

ГОВОРЫ РОДНОГО КРАЯ

Немного об уральских говорах

Колхозное собрание было жарким. После него расходиться не торопились.

— Надо дать рыбакам по морде, и пусть себе ловят,— доказывал коренастый мужчина своим соседям.

— А у дочек-то наших хоть и чистый хлев, да больно мал, надо новый строить,— говорила в другой группе какая-то женщина.

Ой, овчарки, ой, овчарки,
Обогнали вас свинарки! —

затянул высокий девичий голос...

«Что за нелепость? — подумаете вы.— Для чего рыбакам непременно нужно дать по морде, почему для дочек предлагают построить хлев, вместо дома, зачем понадобилось свинаркам обгонять собак-овчарок?»

А дело все в том, что в русском языке, кроме общеупотребительного литературного языка, которым пишут книги, газеты, на которых говорят по радио и в кино, который изучают в школе, есть еще и местные говоры. Каждый из них распространен на сравнительно небольшой территории. Есть свои говоры и на Урале. От литературного языка они отличаются произношением и грамматическими особенностями. Например, фразу «Ванька вчера лежал на печи» житель сельских районов Свердловской области произнесет примерно так: «Ванька фщера лежау на пеще».

Много в говорах и своих особых слов, которых нет в литературном языке. Так, слово *баской* означает хороший, красивый, приятный, слово *гѡлбец* — подполье, слово *вѡчеги* — рабочие рукавицы. Некоторые слова имеют в говорах совершенно иное значение, чем в литературном языке. И *морда*, и *дочка*, и *овчарка* являются именно такими словами. *Морда* обозначает в уральских говорах приспособление для ловли рыбы, похожее по форме на чернильницу-непроливашку, *дочками* называют свиной, а *овчарки* — это работницы, ухаживающие за овцами.

В наше время, когда литературный язык проникает в самые отдаленные уголки страны, говоры быстро исчезают. Теперь они сохранились, как правило, только в деревне, и то лишь в речи старшего поколения.

Возникает законный вопрос: если говоры исчезают, если употребление местных слов в речи часто затемняет ее смысл, то нужно ли ими заниматься?

Оказывается, нужно. Говоры — ценный источник для изучения истории русского языка. Например, слова *зыбка*, *зыбь*, *зыбкий* явно родственные. Но что значит корень *зыб*? Объяснение мы найдем в уральских говорах, где широко распространены слова *зыбать* — качать и *зыбун* — болото. Слово *нельзя* станет более понятным, когда услышишь на Урале слово *льзя* — можно.

Уральские говоры дают возможность проследить пути заселения Урала русскими в XVII—XIX веках, выяснить, что основная масса уральцев — выходцы из районов Вологды — Кирова.

Наконец, говоры — неиссякаемый источник обогащения русского литературного языка меткими, образными словами и выражениями. Вспомним, как широко пользовался ими наш земляк Павел Петрович Бажов в своих замечательных сказах.

«Сто рубах в корыто!»

Кому не известны такие общепринятые выражения, как «Здравствуйте!», «Доброе утро!», «Добрый день!» Если хозяева обедают, то гость говорит: «Приятного аппетита!».

А ведь на Урале приняты и другие очень интересные приветствия.

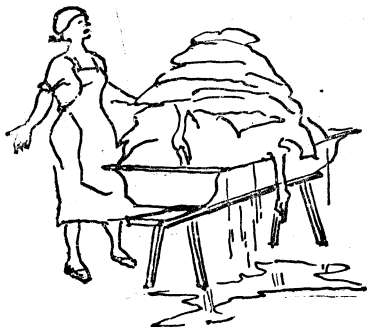
Так, гостя, застав хозяйку за доением коровы, обязательно скажет: «Море под кормилу!» — подчеркивая этим, что она желает хозяйке надоить побольше молока — «целое море».

«Свеженько!» — желают женщине, достающей воду из колодца.

Если хозяйка моет пол, ей говорят: «Беленько вам!» — ведь совсем неплохо, когда пол белый и чистый. «Беленько!» — говорят и соседки, проходящие мимо речки, когда они видят женщину, полощущую белье.

А когда она еще только стирала это белье, ей сказали: «Сто рубах в корыто!» Эта гипербола выражает пожелание достатка, зажиточной жизни.

Хозяйке, замешивающей тесто, непременно пожелают: «Спорина в квашню!» или «Спорина в тесто!» (то есть пусть тесто быстрее спорится, поднимается). Когда хлеб испечется и семья собирается за столом, вошедший, вместо обычного для нас «Приятного аппетита!», скажет: «Сладко кушать!» А когда хозяева сядут пить чай, гость произносит: «Чай с сахаром!» Это приветствие осталось от старых времен, когда чай, да еще с сахаром, был в деревне неслыханной роскошью.

Что такое *вомало*?

Тебе купили новые ботинки. Надев их и заметишь вдруг, что они немного жмут, ты скажешь: «Ботинки маловаты». Бабушка, которая радуется обновке не меньше тебя, вздохнет:

— Да, вомалы ботинки-те!

— Что ты сказала, бабушка? Что такое *вомалы*?

— А вот немножко малы когда, так вомалы говорят.

Бабушка права. Уральцы, особенно пожилые, нередко говорят *вомало*, вместо маловато. Точно так же: *вотемно*, *вовелики*, *вотесно*, вместо темновато, великовато, тесновато.

В одном из сел колхозники так рассказывали нам о своей работе на сенокосе: «Накосить-то мы накосили уже, да кошенина (то есть скошенная трава) еще *возелена* и *восыра*, грести ее еще *ворано!*»

А один старик так объяснил разницу в значениях между словами *слабо* и *вослабо*: «Ежели я черешок в грабли стану ладить, а он немного свободно входит, дак это *вослабо*, а ежели шибко свободно входит, дак совсем *слабо*».

Прилагательные и наречия на *во* в уральских говорах часто употребляются в том же значении, что прилагательные и наречия на *оват* в литературном языке (*вокислый* — кисловатый, *вобело* — беловато).

История этого явления очень интересна. Прилагательные на *во* в этом значении встречаются уже в XI веке в «Изборнике князя Святослава» — рукописной книге 1073 года, причем приставка тогда имела форму *у* (например, «сапфиръ убагръ есть», то есть сапфир голубоватый). Позднее наречия на *во* распространяются почти по всем северно-русским говорам. Так, Владимир Иванович Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка», вышедшем в середине прошлого века, отмечает, что *вожарко*, *вопрытко*, *вопестро* и тому подобные слова встречаются в Архангельской, Пермской губерниях и в Сибири. Экспедициями нашего университета за последнее время на Урале записано более 50 прилагательных и наречий на *во* со значением неполноты качества.

Какая буква растет в огороде?

Наш заголовок не хитрая головоломка.

Речь пойдет о самом обычном, неприхотливом растении, имеющем, однако, одну интересную особенность. Правда, эта особенность относится не к биологии, а к диалектологии — науке, изучающей местные говоры. Дело в том, что это растение по странной игре случая оказалось необычайно «урожайным» на названия. Только в Свердловской области уже записано их более тридцати. Вот некоторые из них: *калега* (*калека*, *каляга*), *корляба* (*гарляба*, *корлябья*), *коляба*, *карамка* (*гарамка*), *картуз* (*картуза*), *ланда* (*ландуха*, *ландушка*, *ладна*), *нарка* (*нарочка*), *синелистка*, *сиполистка*, *корепя*, *дрюпа*, *желтуха*, *голландка*, *саксонка*, *шведка*, *немка*, *арлапка*, *бушма* и даже *буква*.

Читатель догадался, конечно, что это растение — брюква.

Если нанести наиболее употребительные названия брюквы на карту Свердловской области,

то вот как приблизительно будет выглядеть такая карта (см. рисунок).

А может быть, ты, читатель, слышал еще какие-нибудь названия брюквы?

Морда.

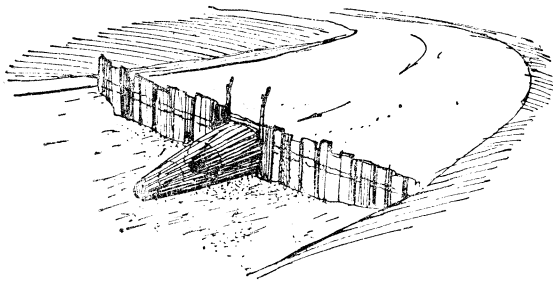
Коза на рыбалке

На Урале издавна применяются разнообразные средства лова рыбы. Многие из этих приспособлений применялись раньше коренным населением Урала — хантами, манси. Потом такими же ловушками стали пользоваться и пришедшие сюда русские, а названия их остались прежними. Поэтому в русских говорах Урала различные ловушки для рыб часто называют странными нерусскими словами.

Морда. О ней уже говорилось, что это рыболовная снасть, похожая на чернильницу-непроливашку. Морда бывает и другой формы. В такой ловушке рыба попадает в горловину, натывается на заднюю стенку, поворачивается, попадает в боковые тупики и стоит там, «ждет», пока ее вытащат. Морда ставится в узком месте реки против течения. А чтобы рыба не прошла мимо, в речку вбиваются специальные колья, которые потом обвиваются прутьями — зелами (жалами). Получается заезок — изгородь поперек реки. Заезок ставится обычно на быстром мелком месте, перекате, и рыбу прямо-таки «заносит» в морду.

Другая ловушка — *сурпа* — немного похожа на морду, только она проще по устройству. Рыба набивается в узкой части сурпы, как в кулек, не-

Ловля мордой.

имея возможности повернуть обратно, так как сурпа устанавливается против течения.

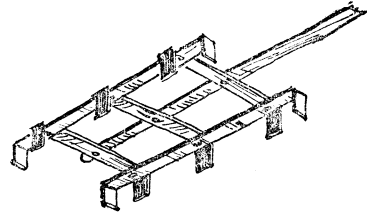
А вот сак. Он похож на тот сачок, которым ловят бабочек. Только сачок значительно меньше, поэтому он имеет уменьшительный суффикс — сач-ок. Саком «сачат» — забрасывают его в воду с берега и вылавливают рыбу. Ловят саком обычно весной, когда вода мутная, и рыба не видит ловушки.

Ночью крупную рыбу ловят *острогой с козой*. Это очень живописное зрелище. Коза — решетка с загнутыми краями, которую укрепляют на носу лодки. В нее кладут смолье — паклю, бересту, щепки в смоле — и поджигают. Лодка с факелом на носу медленно движется по воде. Ловец, стоя в лодке, при свете факела, подплывает к рыбе, которая или стоит на месте, или идет на свет, и с силой вонзает в нее двухметровую похожую на вилку острогу.

С целью сохранения рыбных богатств эти способы ловли сейчас временно запрещены, но еще недавно они были распространены на Урале.

Большой интерес представляет изучение говоров для науки. Поэтому кафедра русского языка Уральского государственного университета имени А. М. Горького несколько лет собирает местные уральские слова и выражения. Из них будет составлен словарь говоров Среднего Урала. Собрано уже несколько тысяч слов и выражений, но очень многое, конечно, нам еще не известно.

Много любопытного найдут в говорах и следопыты слова. Собирая и записывая интересные

Коза.

местные слова и выражения, они смогут внести свой, пусть маленький, вклад в науку, помогут сделать диалектологический словарь еще более интересным и полным, а значит, и более ценным.

Л. САХАРНЫЙ,

член словарной комиссии
Уральского государственного университета
им. А. М. Горького

ГОЛУБИ

Голуби...
Вспоминает ся, как недавно, во время пуска новой мощной комсомольской доменной печи на Челябинском металлургическом заводе, в воздух взвилась стая голубей.

Всплески в ая крыльями, проносясь над кау- перами, домами, купаясь в лазури неба, птицы словно радовались вместе с людьми одержанной грудовой победе...

Частенько, отправляясь на стадион, ребята, любители футбола, захватят с собой и голубей. Гол — и над головами болельщиков взвоятся легкокрылые вестники...

Уже стало традицией отмечать

полетом голубей большие общественные празднества. Тысячные стаи голубей выпускались в воздух на Всемирных фестивалях молодежи и студентов: в Праге, Берлине, Варшаве, Будапеште, Москве...

Голубь — птица мира, птица-радость, как удачно назвал ее один уральский писатель. Много любопытного можно узнать о голубях из книги, выпущенной недавно издательством Министерства сельского хозяйства СССР (Москва, 1958 год). Книга эта так и называется — «Голуби».

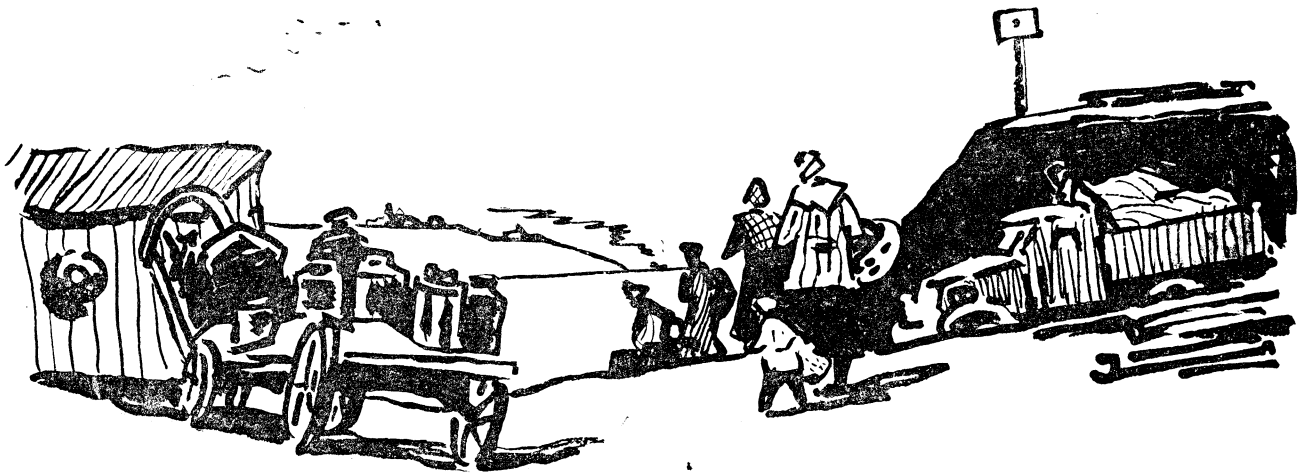
С интересом читаешь о том, как юные голубеводы советской столицы вырастили и подготовили 30 000 голубей к фестивалю в Москве, о том, как из дикого предка — сизого голубя — были выведены различные породы домашних голубей, теперь постоянно живущих с человеком. Сколько их: тут и дугиши, или зобатые голуби, черные яacobины, кос-

мачи, перевертывающиеся в воздухе турманы, белые останкинские, павлиньи, у которых пезья на пышном хвосте всегда как бы чуть-чуть дрожат... Еще древние египтяне первые применили голубей как средство связи. Почтовые голуби были в войсках Юлия Цезаря. Уже в наше время возник голубиный спорт. Голубь мира, нарисованный французским художником Пабло Пикассо, размноженный на страницах газет и журналов, отпечатанный на открытках в миллионах экземпляров, «облетел» весь мир. А сколько выпущено почтовых марок с изображением голубя!

Написали книгу ученые, специалисты, любители-голубеводы. Она любовно издана, на хорошей бумаге, с массой цветных и штриховых рисунков, фотографий.

И. КУНГУРЯК

Б. РЯБЕНИН

Рисунки В. Воловича

За пароходом

Мы плыли пароходом по Вишере. На пристани Данилов Лог я заметил белую, с темными пятнами на груди и около ушей собаку-лайку, путавшуюся в ногах у людей. Не надолго она мелькнула на причальных мостках, у самой воды, потом оказалась на берегу — трех-четырёхметровом обрыве, приподнятом над урезом реки. Наш «Маяковский» дал отправной гудок, а минутой позже из окна своей каюты я обнаружил, что собака бежит за пароходом.

«Собака гонится за пароходом!» Я привскочил и кинулся на палубу.

Да, лайка продолжала бежать за «Маяковским». Он шел близко от берега, на котором мелькала быстрая легкая фигурка собаки, и происходящее можно было видеть во всех подробностях.

Значит, на нашем пароходе есть человек, от которого не хочет отстать собака. В первый момент я не придавал этому особого значения. Но прошло десять, двадцать минут, полчаса, а лайка все продолжала преследовать судно.

Долго ли будет бежать? И кто тот безжалостный человек, называющий себя ее хозяином, который может спокойно

смотреть на такое проявление преданности верного животного?

Сначала берег был ровный, и лайка даже обогнала пароход, несясь стремительными упругими прыжками, легко перебрасывая свое пушистое тело через колдобины, вымоины, стволы упавших деревьев. Время от времени останавливается, посмотрит на пароход и дальше. Иногда полагает, всматриваясь в корму.

Начался лес. Она скрылась. Я уж думал, отстала. И вдруг снова появилась. Лес не был преградой. Колки она обегала стороной, если встречался большой массив, проскальзывала между деревьев. И все дальше, дальше от Данилова Лога уносили ее быстрые ноги.

Уж никакого признака жилья вокруг, редки-редки кусочки пашни, лес, чашоба, да еще к тому же ненастная хмурая погода (сентябрь в этих местах неприветлив), накладывающая на все отпечаток какой-то дикой, суровой нетронутости, а собака бежит и бежит.

Ведь могут встретиться и дикие звери, хищники, которые растерзают ее... Я больше не мог спокойно созерцать это.

Побежал вниз. Там уж все пассажиры сгрудились у левого борта и тоже смотрели на берег.

— А кто на корме, куда лает собака?

— Хозяин, наверно...
— Кто такой?
— Мальчик, говорят, какой-то... Его уж нет там, ушел, чтобы собака не видела... Да вон он!..

Подросток лет пятнадцати-шестнадцати. Я спросил его: кто он, откуда и куда. Ответил: учиться в Чердыни, в лесотехническом техникуме, возвращается с каникул... Он стоял, смущенный тем, что вдруг оказался в центре внимания пассажиров, полуспрятавшись за стенку, чтоб не могла увидеть собака с берега, а сам неоступно следил за нею. Даже отвечал на расспросы, не поворачивая головы.

Лайка, верно, его. Кличка — Капитан. Хорошая охотница, какой и положено быть лайке, хотя еще нет трех лет. Ходил с нею в лес, белковал удачно; убитых зверьков сдал — купил учебники, кое-что из личных вещей.

— Так что же ты ее с собой не взял! — корят его кругом.

— А куда я возьму? Мне в общежитии придется жить, — возражал он, а у самого, видать, болит сердце. Не оторвет взгляда от берега, лицо серьезное, озабоченное, в глазах тревога и печаль.

Спрашиваю:

— А дома есть кто-нибудь?

— Отец, мать...

— Так что же ты не наказал им посмотреть за собакой?

— Забыл запереть...

Оказывается, она примчалась за ним в тот момент, когда он сел на пароход. Хотела проскользнуть по трапу за мальчиком — не пустили, но для преданного собачьего сердца не существует препятствий...

Опять началась длинная отмель. Собака показалась на ней. Бежала у самой кромки воды, стараясь держаться как можно ближе к пароходу, где находилось ее сокровище, ее хозяин, без которого она не могла оставаться. Не могла!

Несколько раз она входила в воду. Поплыла!.. Но нет, проплыла недолгое

время и, видя, что отстают, вышла на песок, отряхнулась и снова пустилась в галоп.

Река заворачивала направо, а собака бежала по внешней кривой и, несмотря на то, что вкладывала в бег все свои силы, продолжала отставать, превращаясь постепенно в белое скачущее пятнышко.

Сколько времени могло продолжаться это необыкновенное состязание? Надолго ли хватит сил собаке? До чего упорная: настоящая уралка — и по характеру, и по выносливости...

Я прикидывал, сколько километров от Данилова Лога до ближайшей пристани Рябиново, сможет ли верный пес преодолеть это расстояние. Если считать по воде, напрямую, то, пожалуй, сможет...

Да! Но Рябиново на другой стороне Вишеры!

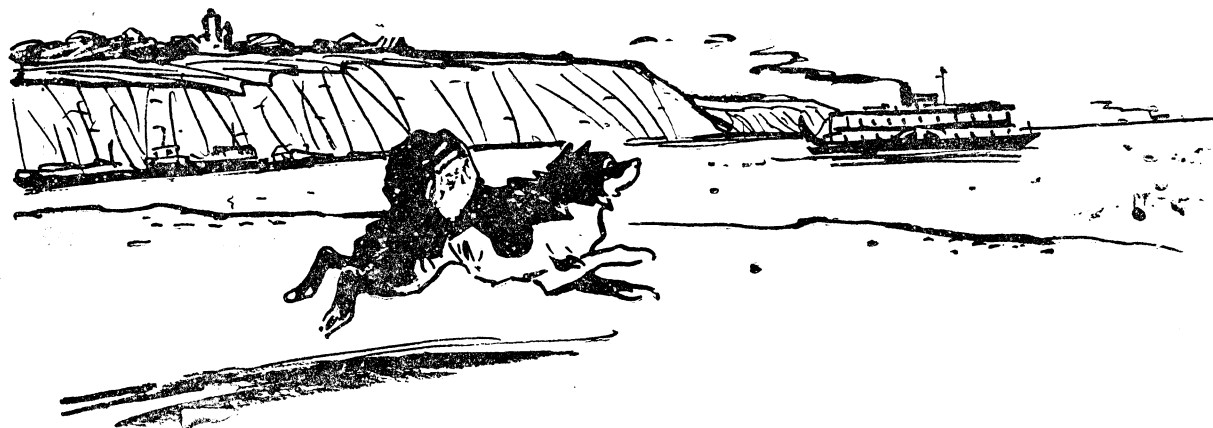
Ситуация сделалась еще более драматической. К тому же начинало темнеть. Тучи разошлись, и над лесом всплыла бледная луна.

Парня опять принялись стыдить за собаку, он хмуро отмалчивался. Две молодые пассажирки заплакали. Все пассажиры и команда следили за лайкой. Невозможно было оставаться равнодушным, не волноваться за ее судьбу.

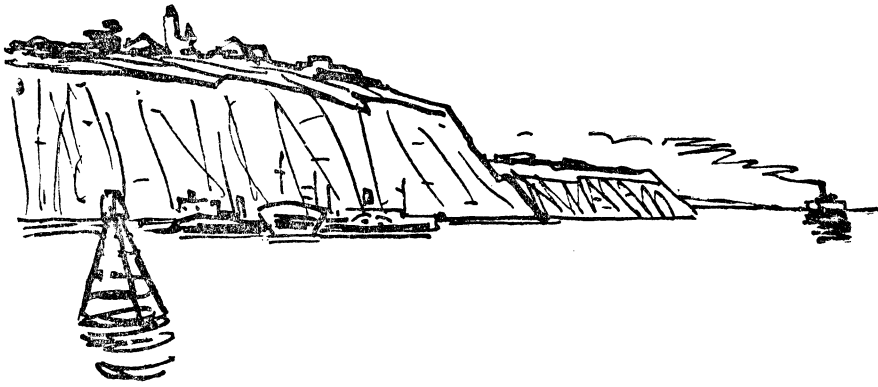
Прибежала официантка Юля, зареванная, утираясь фартуком («Жалко собаку, вон какая хорошая!»). Юля, оказывается, уже слетала в рубку к штурману, просила остановить пароход, взять лайку. Но он отказал по той причине, раз сам хозяин не просит, что же другим беспокоиться? Можно было понимать так, что если бы попросил хозяин, то, пожалуй, «Маяковский» и вправду остановился, чтобы принять на борт необычного пассажира.

— Малоумственный какой-то, — сердито бранила Юля паренька, владельца Капитана, столь неосмотрительно поступавшего со своим четвероногим другом.

— Да он уж раз бегал, — философски возразил тот в свое оправдание, даже не

думая обижаться на слова девушки.—
До курьи добежал и вернулся...

— До какой курьи?

— Да тут должна скоро быть...

Все смотрели в начинавшие сгущаться сумерки, стараясь разглядеть: бежит собака или нет. К ночи ветер усилился, белые барашки завивались на гребнях волн.

— Вон! Вон!— вырвалось у кого-то.

Собака бежала напрямик по воде, по мелководью, прилагая поистине героические усилия, чтобы не отстать. Покинутая человеком, который вырастил ее, она все равно, чего бы это ни стоило ей, не хотела расставаться с ним.

Внезапно пароход замедлил ход, видимо, впереди было мелкое место, но это выглядело так, как будто и штурман, наконец, не выдержал и решил взять собаку на борт. В глазах хозяина Капитана вдруг вспыхнул какой-то огонек, он быстро обернулся, точно ища поддержки или совета, и шагнул к двери, ведущей к выходу с судна.

— Что ты хочешь сделать? — поспешно спросил я его.

— Да не знаю... взять бы уж, что ли...

— То-то же...— заговорили кругом.

— А куда ты ее денешь в Чердыни?

— Не знаю... В общежитие не пустят с собакой...

— Вот видишь...— Я, страстный любитель собак, сейчас действовал против интересов собаки; мне представилось: вот привезет он ее в Чердынь, сам в общежитие, а пса куда? Окажется животное безнадзорным — может получиться еще хуже. Пусть и вправду побежит домой, коли раз уже бегал, уральская лайка — чудо, смысленная, смелая, не пропадет.

Пароход, между тем, снова набрал ход.

— Скоро курья-то?

— Скоро...

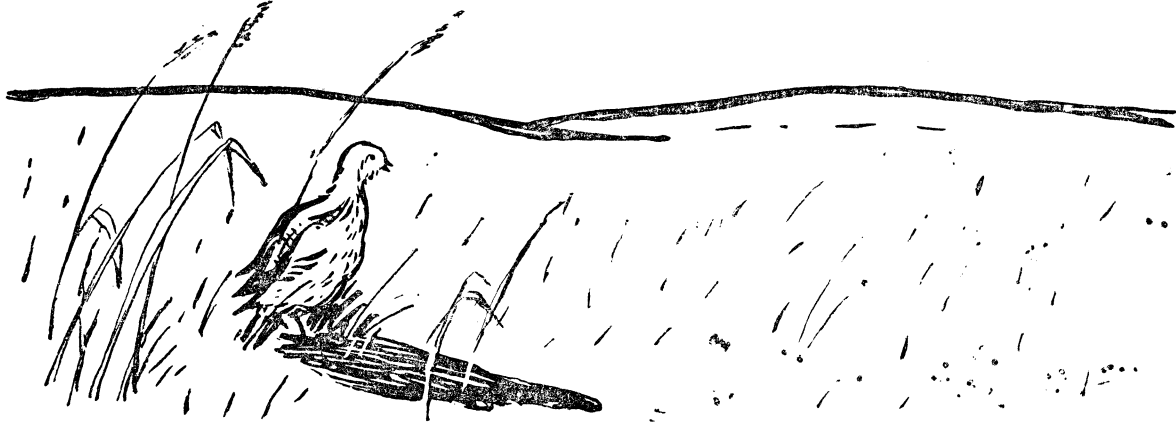
Мне, да и всем другим, кто слышал наш разговор с пареньком, не терпелось увидеть эту курью: скорее доедем до нее — скорее собака повернет назад, может, до ночи вернется домой. Сейчас мне хотелось утешить и парнишку: видно было, что он по-настоящему страдает.

Вот и курья — устье какой-то речки, впадавшей в Вишеру. Камыши, густые заросли ивняка. Пароход стал опять забирать вправо. Собака вновь показалась на желтоватой полосе отмели, добежав до конца ее, рванулась к берегу, скрылась за кустами, показалась вновь... Вот она уже у края курьи... Видно было, как она заматалась у самой воды, белое крошечное пятнышко на фоне темных кустов, и — исчезла. Пароход обогнул мыс, курья скрылась из глаз. Пассажиры стали медленно расходиться.

Так и не догнала! Жаль, когда преданность остается вознагражденной... Пароход отмеривал километр за километром, а мысли и чувства все еще тянулись к существу, такому трогательному в своей извечной привязанности к человеку и такому одинокому в эти минуты, существу, которое, убедившись в бесплодности своих усилий, пробиралось сейчас одно среди огромной окружающей его природы, через темный лес обратно к дому.

„Тыша“ — верблюдоперепелятник

Сергей ПРАГА

Рассказ

— Какие уж тут перепела, не перепела, а слезы,— сокрушенно качал головой старейший в нашей местности охотник Кирилл Кириллович Цыбуля, перебирая пальцами перышки на двух щуплых перепелишках, добытых всей охотничьей братией за первую половину дня и валявшихся здесь же на расстеленной плащпалатке среди разнообразной закуски.

— Я их в молодости сотнями бил,— продолжал он, расправившись с громадным, домашнего соления огурцом и вытирая пышные гусарские усы.— Да, побил я их тогда! И ни с каким-нибудь там пойнтером или подобным страшилищем,— Кирилл Кириллович показал на мою чистокровную жесткошерстную лягавую,— а с верблюдом. С верблюдом! Не верите? А вот послушайте!— Рассказчик устроился поудобнее, подложив под локоть свой, как всегда, пустой ягдташ, и начал одну из бесчисленных и удивительных историй своей богатой несбыточными приключениями жизни.

...Дело было на российско-персидской границе. Год точно не помню, но для общего ориентира скажу: этак лет за пятнадцать до начала нашего прославлен-

ного века... Был я в чине подпоручика, выше которого так и не дослужился.

Как-то раз ко мне прибежал лазутчик Джумшут и доверительно сообщил о том, что ночью из Тегерана через брод у села Давалу хан Эффенди поведет караван с опиумом. А хан Эффенди по всему кордону славился, как неуловимый, дерзкий контрабандист, который «мелочью» не занимался и если шел через Аракс, то обязательно в сопровождении нескольких вооруженных головорезов.

Еще засветло у брода номер шесть я замаскировал засаду.

Ночь выдалась теплая, лунная. Часов в двенадцать по воде поползло восемь теней. Контрабандистов мы выпустили на берег и, как только последний поднялся на бугорок в нескольких саженях от кромки реки, без предупреждения прямо по ним дали залп.

Три верблюда и четыре человека рухнули на землю, а остальные бандиты и хан Эффенди в том числе подняли руки вверх и закричали: «Сдаемся!»

Вьюки с убитых верблюдов мы переложили на живых и отправились на пост. Контрабанда оказалась богатой. По тем

временам ее оценили в пятьдесят тысяч серебром. А кроме того, за хана Эффенди мне полагался отдельный приз.

Утром начал допрашивать хана, а он как-то безразлично отвечает на то, что ему пожизненная каторга угрожает: горюет и слезы льет о своем убитом верблюде.

Как теперь, не знаю, а в те годы на оформление задержанной контрабанды уходило не менее шести суток. На пятый день сижу у себя и набело переписываю рапорт на имя командира бригады, и вдруг со двора донесся неимоверный шум.

Вышел на крыльцо, а там происшествие: на часового у ворот, со стороны границы, разинув пасть, ломится белый одногорбый верблюд, а хан Эффенди вырвался из арестного помещения и, не обращая внимания на крики стражников, распростер руки и в иступлении вопит: «Паша-джан! Паша-джан!..»

Часовой шелкает затвором, собирается стрелять... Хан Эффенди голос надрыгает... верблюд плюется и ревет... солдаты смеются. Умора, да и только...

Я приказал открыть ворота и впустить верблюда. Контрабандист кинулся к нему, в морду целует, ласкательными именами называет, а верблюд льнет к хозяину. Как видно, в стычке верблюд был ранен, за несколько дней оправился и, разыскивая хозяина, верхним чутьем добрался до нашего поста.

На следующий день контрабандистов и опиум я отправил в штаб бригады, а верблюда оставил на посту. Принимая такое

решение, я руководствовался следующими соображениями. Во-первых, верблюд не был включен в акт, первоначально составленный, во-вторых, по сути дела мы его не задержали, а он сам пришел на пост, и в-третьих, сильное животное могло пригодиться в хозяйстве.

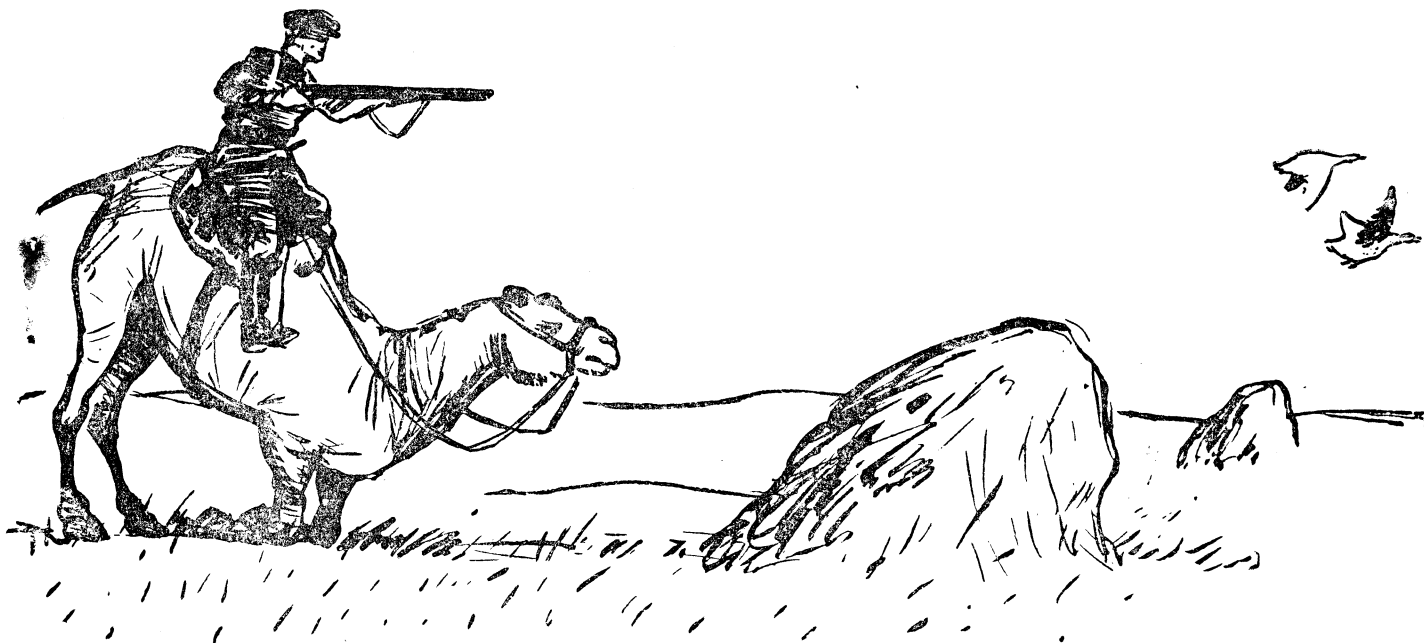
Как себя вел хан Эффенди в пути и в штабе бригады, не знаю, но верблюд затосковал, отказывался от пищи, днями стоял у ворот, смотрел на дорогу; по которой увели хана, жалобно ревел и неоднократно пытался убежать с поста. Лишь недели через две Паша смирился со своей участью и начал привыкать к новой обстановке, ко мне.

Как-то вечером получил депешу: «Срочно явитесь к бригадному генералу». До штаба бригады — сто верст, а ехать не на чем. Лошадей — полная конюшня, но одни в наряде, другие только что из наряда, а моя карабахская кобылица засекала венчик и хромает. Хоть пешком иди.

Тут ко мне подошел вахмистр и говорит: «А вы, ваше благородие, на верблюде езжайте. Миллионы людей верхом на верблюдах ездить не стесняются... к примеру, бедуины...».

Эта идея мне понравилась. Даже оригинально получится: подпоручик войска российского верхом на верблюде.

Подседлали Пашу. Пистолеты засунул за пояс, ружье в чехле за спину закинул, взобрался в седло и поехал. Сперва как-то неудобно было, но через несколько верст освоился. Монотонное покачивание пока-

залось приятным, и я даже пожалел о том, что не догадался к оголовью верблюда привесить пару бубенцов.

Еду, песню мурлычу и замечаю, что Паша все время норовит свернуть с дороги в жнивье или идти по пыльной обочине. Внезапно верблюд остановился, опустился на колени передних ног, вытянул шею и мордой уткнулся в куст ежевишника. С трудом удержавшись в седле, я крикнул: «Ну!» — и в тот же миг Паша громко фыркнул, и из-под куста вспорхнула пара перепелов.

По пути точно такая история повторялась неоднократно: идет мой верблюд, идет, остановится возле куста или копны, опустится на колени, вытянет шею, и сейчас же из-под его носа вылетает перепелиный выводок.

До штаба доехал в один день и через сутки тронулся обратно. На этот раз расчехленное ружье лежало поперек седла, и, как только Паша сделал стойку, я быстро прицелился. Из-под куста вылетели перепела. Загремели два ствола: Паф!.. Паф!.. Камнями попадали птицы. А я растерялся, сижу на верблюде и думаю: «Ловко, а как же собирать добычу? Верблюд не конь, с него разом не соскочишь, да и без собаки в жнивье битую птицу не сыскать».

Но в этот момент Паша губами поднял одного из убитых перепелов, изогнул шею и птицу передал мне. А затем, тихо передвигаясь, одну за другой подобрал семнадцать штук. Одна перепелка начала трепыхаться. Паша прикончил недобитка.

В пути от штаба бригады до поста я настролял уйму перепелов.

С того дня, никому не раскрывая секрета об удивительных охотничьих способностях Паши, я частенько выезжал на охоту за перепелами.

Не стану врать: первое время было тяжело: как никак, под тобой не конь, — а после привык. Чуть только Паша сделает стойку, я сейчас же между его ушей кладу ружье и паф-паф!.. А Паша убитых перепелов подберет и сложит в мешок, специально привешанный сбоку у седла.

В скором времени по границе прошел слух: «На посту у подпоручика Цыбули солдат кормят перепелами».

Неожиданно на пост нагрянул бригадный генерал со свитой в двадцать человек. Я, как полагается, отрапортовал ему, а он протянул два пальца:

— Здравствуйте, подпоручик. К вам мы приехали есть перепелов. По дороге сто зарядов израсходовали, но зря: ни одного перепела не подбили.

Я скромно ответил:

— Будьте покойны. Вам и вашим спутникам к завтраку подадут перепелов. Только прикажите адъютанту повара проинструктировать, в каком виде желаете иметь их.

Старик недоверчиво усмехнулся, покачал головой.

На рассвете я подседлал Пашу, набрал зарядов и выехал с поста, а к десяти часам утра вернулся с охоты и привез мешок, набитый перепелами.

Генерал от умиления прослезился, расцеловал меня и ординарцу приказал мне в подарок вынести дорогую саблю, полуценную им, генералом, за участие в штурме аула Ахульго, а затем меня похлопал по плечу:

— Да как же вы, молодой человек? Где это вы?..

Чтоб не выдать секрета, пришлось отшутиться: «У меня заповедник есть, и, кроме того, по наследству владею волшебным словом».

Долго я старался научить Пашу делать стойку и на другую дичь, но до самой смерти он ничего, кроме перепелов, не брал — это у него было врожденное.

Кирилл Кириллович оглядел слушателей, не смеется ли кто, и заключил:

— Ну, хватит воспоминаний, солнышко-то под гору пошло. Что ни говори, а на Васьковском поле мы еще с пяток перепелишек сегодня возьмем, — и он начал натягивать на себя многочисленные охотничьи доспехи.

Видимо, и для самого рассказчика эти пять перепелишек были намного дороже сотен вымышленных трофеев.

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАШЕЙ ИГРЫ

Начало в 1 номере журнала

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Серия третья

НАХОДКА В ДУПЛЕ

Разобрались-таки мы в записке. Только вначале ничего не поняли, в ней говорилось о какой-то карте, спрятанной в дупле дерева у глубокого оврага. А где он, овраг,— мы же в пещере?

Однако, когда выбрались из пещеры, все стало ясно. Надо вам сказать, что вышли мы совсем не в том месте, откуда зашли. Перед нами открылась... знакомая нам местность, оказалось, что вышли мы недалеко от нашей базы. И старая сухая лиственница, что стоит у самого выхода из пещеры, нам тоже знакома — сколько раз мы на нее ориентировались при наших топографических занятиях. Но кто же знал, что тут есть пещера!

Ну, ясно, как только мы вышли и увидели эту старую лиственницу, сразу подумали, что именно в ней и надо искать дупло.

Что же, это дело нетрудное. Для меня, конечно. Лене бы не справиться, куда ей! Это занятие мужское.

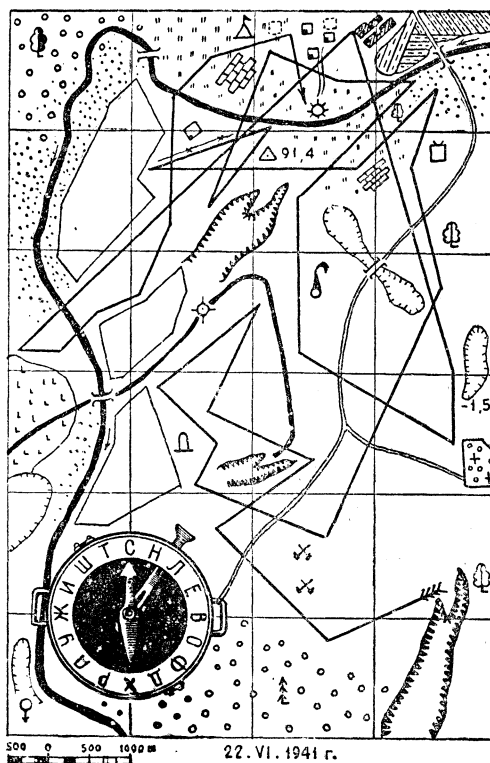
Долез я до дупла, запустил в него руку и... даже обратно выдернул ее, чуть не свалившись с дерева. В дупле лежало что-то гладкое и холодное... Но нельзя же следопыту быть трусом, я зажмурил для чего-то глаза и снова полез в пахнущее гнилью дупло. И вытащил... Что бы вы думали? Настоящую полевую планшетку, какие носят офицеры и геологи!

Ободрав себе ладони и оставив добрый клочк штанов на дереве, я, как мог быстрее, спустился на землю.

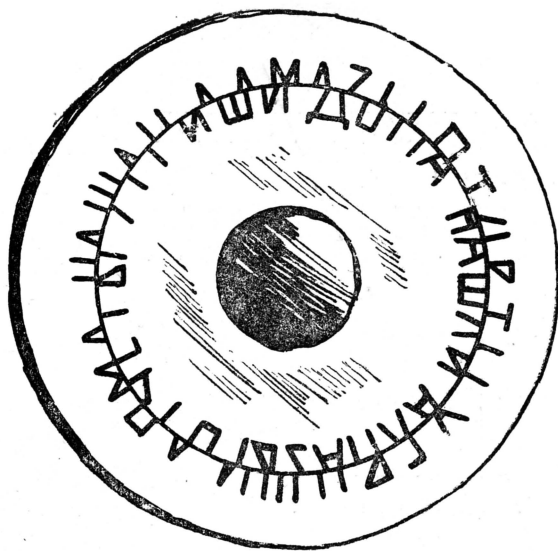
В старой, выдавшей видах кожаной планшетке под целлулоидной вставкой лежал кусок ватмана с нанесенным на нее от руки планом какой-то местности. А весь план был покрыт сеткой зигзагообразных линий, идущих в разных направлениях. Что бы это могло быть?

За этот полный всяческих приключений день мы уже привыкли в каждой новой находке искать какую-нибудь головоломку, и на этот раз довольно быстро сообразили, что каждую линию необходимо прикинуть по компасу, нарисованному в левом нижнем углу плана. На его лимбе, вместо азимутов,— буквы. Значит, каждому направлению линии соответствует своя буква. А из букв по ходу ломаной линии можно было прочесть то сообщение, которое зашифровал хозяин планшетки. Тут нам стала понятной и дата внизу плана, и серьезность дальнейших поисков.

Шутка сказать, такое открытие!

Расшифровав сообщение, мы бросились в конечный пункт ломаной линии, наверное, там что-то есть, недаром туда указывает стрелка.

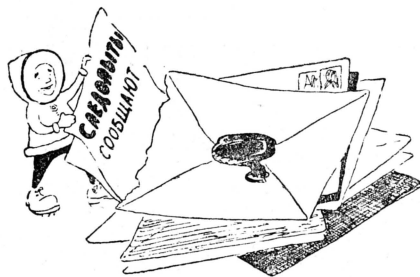
Так и есть, на старой заброшенной . . . . . (Где? Угадайте!) на каменных . . . . . (на чем — ясно

из расшифрованного сообщения на плане) мы нашли выбитые чем-то острым буквы. Однако, когда высекали буквы, оба круга, внутренний и внешний, находились, очевидно, в другом положении, а затем внутренний круг сдвинули и — тайна была скрыта. Нужно снова поставить круги в то положение, в каком они были тогда, и надпись будет прочитана.

И мы прочитали ее! (Лена читала, а я записывал, но ведь это не важно. Могло быть и наоборот. Я за приоритетом, сами знаете, никогда не гонюсь.)

Да, мы прочитали важное сообщение! Взволнованные, стояли мы с Леной над расшифрованной надписью, сделанной семнадцать лет назад не известными нам еще пока людьми. Может быть, они погибли, и тайна ушла с ними в могилу, а нам выпала задача раскрыть ее вновь?

Нет, это дело надо обмозговать! Мы бросились на базу, где нас, наверное, давно разыскивали. Благо, что мы были уже недалеко от нее. Всего лишь . . . . метрах (смерьте по плану и узнаете).

Долго сидела, нахохлившись, эта птичка перед моим окном.

Наблюдала ли она с любопытством за тем, что происходило в комнате, или ей просто хотелось в тепло, к людям, — кто ее знает. Фотоаппарата она не испугалась и спокойно позировала, пока я снимал ее.

В. Лебедев,
с. Менделеево,
Пермской области

Редакционная коллегия: **В. Очеретин** (главный редактор), **В. Волович**, **М. Гроссман**, **С. Захаров**, **Ю. Койнов**, **Ю. Курочкин**, **Л. Сорокин**, **Л. Неверов**, **Г. Перебатов**, **Кл. Рождественская**, **В. Шустов**.

Обложка художника **В. Васильева**.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24. Тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **Я. Черников**. Технический редактор **Т. Меньщикова**.
Корректор **О. Булгакова**.

Подписано к печати 17/III 1959 г. Бумага 84×108¹/₁₆—2,5 бум. л. — 8,2 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,22. НС 07852. Тираж 50000. Заказ 19. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. им. Ленина, 49.

КОМСОМЛКА.
Фото В. Дианова.

3 руб.

В степи разбуженной, целинной
На крутогрудом скакуне
Во весь опор летит дивчина
Навстречу солнцу и весне.
Грачи шарахаются в громах
Литых, грохочущих копыт...
Взгляни на лихость агронома —
И подвиг сам заговорит!..

